

**ЛЕНИНСКИЙ
АНАЛИЗ
ИМПЕРИАЛИЗМА
И СОВРЕМЕННЫЙ
КАПИТАЛИЗМ**

ЛЕНИНСКИЙ АНАЛИЗ ИМПЕРИАЛИЗМА И СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Под редакцией

В. Н. Черковца, И. П. Фаминского и В. А. Кирова

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1969

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Введение —

доктор экономических наук профессор В. Н. ЧЕРКОВЕЦ;

Раздел I —

кандидат экономических наук В. А. КИРОВ (глава 1); доктор экономических наук профессор М. С. ДРАГИЛЕВ (глава 2); доктор экономических наук А. В. АНИКИН (глава 3); кандидат экономических наук доцент И. Е. РУДАКОВА (глава 4);

Раздел II —

кандидат экономических наук доцент И. П. ФАМИНСКИЙ (глава 5); кандидат экономических наук доцент Г. Г. ЧИБРИКОВ (глава 6); доктор экономических наук профессор Э. П. ПЛЕТНЕВ (глава 7); кандидат экономических наук доцент Л. И. ГЛУХАРЕВ (8 глава); кандидат экономических наук В. Ф. ЖЕЛЕЗОВА (глава 9);

Раздел III —

доктор экономических наук В. А. ЧЕПРАКОВ (глава 10); кандидат экономических наук В. А. КИРОВ (глава 11);

Раздел IV —

кандидат экономических наук доцент Л. Н. СПЕРАНСКАЯ (глава 12); доктор исторических наук профессор Ф. Я. ПОЛЯНСКИЙ (глава 13).

ВВЕДЕНИЕ

1. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

На рубеже XIX и XX вв. капитализм вступил в новую, высшую и последнюю стадию своего развития — империализм. Всесторонний анализ этой стадии дал В. И. Ленин в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», изданной накануне Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 г. Прошедшие с тех пор полвека явились триумфом ленинских идей, подтвердив их научную истинность и революционно-преобразующую силу. В. И. Ленин характеризовал империализм как умирающий капитализм, канун социалистической революции. Победа Великого Октября открыла эпоху перехода к социализму во всемирном масштабе. Ярчайшим выражением силы и жизненности ленинского учения явились полная и окончательная победа социализма в нашей стране, образование мировой социалистической системы. Современный мировой революционный процесс, направленный против империализма и расшатывающий устои всей капиталистической системы, осуществляется народами, строящими социализм и коммунизм, рабочим классом капиталистических стран, возглавляющим борьбу народных масс против власти монополий, национально-освободительным движением угнетенных народов и народов развивающихся стран.

За 50 лет произошли немалые изменения в материальной и духовной жизни капиталистического мира. Состояние общего кризиса капитализма, вызванное прямым распадом мировой капиталистической системы, сокращением ее территориальной сферы, существованием и прогрессирующим развитием системы социализма, обусловило дальнейшее обострение внутренних противоречий капитализма, способствовало появлению некоторых новых тенденций, процессов, явлений в его экономике.

Однако эти новые моменты не отменяют ни общих экономических законов и закономерностей капитализма, открытых и сформулированных К. Марксом в «Капитале», ни специфических экономических законов и закономерностей империализма, обоснованных В. И. Лениным в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Современный капитализм остается капитализмом, и потому он характеризуется теми чертами, которые свойственны капитализму вообще как исторически определенной форме общественного производства. Современный капитализм является капитализмом на его высшей, монополистической стадии, и потому ему присущи главные признаки монополистического капитализма, империализма. Ленинский анализ империализма, вошедший составной частью в марксистскую политическую экономию, выдержал высший экзамен — проверку общественной практикой.

Изучение новейших экономических явлений современного капитализма представляет актуальную задачу. На это обращает внимание постановление ЦК КПСС о развитии общественных наук и повышении их роли в коммунистическом строительстве. Среди важнейших проблем политической экономии в постановлении названы новые явления в экономике современного капитализма, социально-экономические противоречия империализма, новые формы империалистической борьбы за передел мира и другие экономические, социальные и политические проблемы развивающихся стран, освободившихся от колониальной зависимости¹.

Марксистско-ленинский анализ новейших процессов в экономике и политике современного капитализма был

¹ «Коммунист», 1967, № 13, стр. 8.

дан XXIII съездом КПСС. Исследования в этой области ведутся советскими экономистами, в том числе и вузовскими работниками.

Предлагаемая читателю книга подготовлена преподавателями и сотрудниками экономического факультета МГУ на основе материалов, посвященных 50-летию работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Авторы книги не только обобщают некоторые результаты экономической теории, добытые за последнее время, но и в значительной мере делятся своими собственными соображениями. При этом авторы стремились показать: 1) непреходящую ценность главных положений книги В. И. Ленина для современности, 2) модификации основных закономерностей империализма, выявленных В. И. Лениным, в современных условиях, 3) значение ленинской методологии для изучения новейших явлений в экономике и политике империализма, 4) несостоятельность антиленинских концепций современного капитализма.

Книга состоит из четырех разделов. Первый и второй разделы охватывают проблематику основных признаков империализма, выясняя своеобразие их проявления в современный период. В первом разделе раскрываются новые явления в области концентрации производства и капитала, монополизации экономики и банковского дела. Второй раздел посвящается мирохозяйственным связям империализма. В третьем разделе рассматриваются некоторые особенности воспроизводства в условиях государственно-монополистического капитализма. Четвертый раздел представляет критику современных буржуазных и других немарксистских теорий империализма.

Составители книги считают, что обмен взглядами между экономистами, работающими в области теории империализма, является полезным, особенно в том случае, когда имеет место полемика, позволяющая резко обнажить как слабости тех или иных теоретических построений, так и выявить в них «рациональные зерна». В этом смысле авторы и составители возлагают надежды на товарищескую критику.

а) Империализм — особая стадия капитализма

В. И. Ленин характеризовал империализм как особую стадию развития капитализма. «...Капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями»². И далее: «...Империализм есть монополистическая стадия капитализма»³.

Как особая фаза империализм характеризуется качественными изменениями в развитии капиталистического способа производства. Эти изменения касаются как производительных сил, достигших высокой ступени концентрации производства, так и производственных отношений, поскольку капитализм свободной конкуренции сменяется капитализмом монополистическим. Возникает круг особых, специфических явлений, отношений, закономерностей, отличающих империализм от предшествующей, домонополистической стадии капитализма. «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»⁴.

Как историческая стадия империализм противостоит не последней из предшествующих стадий развития производства относительно прибавочной стоимости, — простая капиталистическая кооперация, капиталистическая мануфактура, капиталистическое машинное производство, — а капитализму свободной конкуренции в целом. Деление капитализма на домонополистический и монополистический совершенно иного плана, чем его

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 385.

³ Там же, стр. 386.

⁴ Там же, стр. 387.

деление на исторические стадии по трем указанным способам производства относительной прибавочной стоимости. Строго говоря, монополистический капитализм находится в исторических пределах крупного машинного производства и существует на этой развивающейся материально-технической базе, подготовляющей материальные предпосылки для перехода к социализму.

В своей книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин настойчиво подчеркивает особенность этой стадии, критикуя мелкобуржуазных теоретиков, а также социал-реформистов, игнорировавших объективный факт вступления капитализма в специфическую, высшую фазу его экономического развития.

Вместе с тем, как бы предугадывая апологетические концепции, пытающиеся представить монополистический капитализм как организованное, плановое хозяйство, как «общество всеобщего благоденствия», утратившее родство с прежним капитализмом, В. И. Ленин подчеркивал, что, превратившись в империализм, капитализм не перестал быть капитализмом. «Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще»⁵.

Империализм есть стадия именно капитализма, а не какой-либо новый способ производства. Качественные изменения производственных отношений, происходящие при империализме, являются частными, они не затрагивают их общего качества как отношений капиталистических. «...Самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это — монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой»⁶. Впоследствии, отвергая концепцию «чистого империализма», выдвинутую Н. Бухариным в ходе разработки программы РКП(б), В. И. Ленин ярко и сильно оттенил капиталистический характер империализма: «Чистый империализм без основной базы капитализма никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет. Это есть неверное обобщение всего того, что гово-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 385.

⁶ Там же, стр. 396—397.

рилось о синдикатах, картелях, трестах, финансовом капитализме, когда изображали финансовый капитализм так, как будто никаких основ старого капитализма под ним нет»⁷.

Таким образом, капитализм на его высшей стадии как целостная экономическая структура представляет собой диалектическое единство общих свойств капитализма, характеризующих его на всех без исключения стадиях развития, и специфических черт, присущих только империалистической стадии. Это обстоятельство предопределяет, с одной стороны, включение ленинской теории империализма в качестве особого отдела в политическую экономию капитализма. С другой стороны, теория капитализма вообще имеет отношение не только к монополистическому капитализму как особой исторической стадии капитализма, но и к монополистическому капитализму, поскольку последний, взятый в целом как историческая стадия, характеризуется не только специфическими явлениями, но и общими чертами капиталистического способа производства. Теоретически понятия «капитализм вообще» и «империализм» соотносятся в плане единства исторического и логического, которое, как известно, предполагает, что исторически первоначальное явление образует вместе с тем реальную основу позднейшего явления, генетически развитого из первого, и сохраняется в нем, претерпевая определенные модификации.

Модифицируются ли в условиях империализма общие закономерности капитализма? На этот вопрос следует ответить положительно, имея в виду конкретные формы их проявления, механизм действия. Следовательно, изучение новейших процессов в экономике современного капитализма происходит как в пределах собственно теории империализма, так и в рамках теории капитализма вообще. В известной мере эта двоякого рода проблематика имеет место и в предлагаемой нами книге.

б) Империализм, общий кризис капитализма, государственно-монополистический капитализм

Как соотносятся друг с другом империализм (соответственно теория империализма) и общий кризис капитализма (соответственно теория общего кризиса капита-

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 151—152.

лизма)? Такой вопрос возникает в связи с тем, что учебники политической экономии придерживаются здесь разных позиций. Одни учебники освещают капитализм по двухступенчатой схеме, группируя проблемы под рубриками «домонополистический капитализм» и «монополистический капитализм — империализм». Другие исходят из трехступенчатой схемы: 1) капитализм вообще, 2) монополистический капитализм, 3) общий кризис капитализма. Если первые рассматривают общий кризис капитализма как составную часть периода империализма, а теорию общего кризиса капитализма включают в теорию империализма, то вторые теорию общего кризиса капитализма выносят за пределы теории империализма и рассматривают как особую теорию специфических закономерностей капитализма, возникающих в условиях раскола мира на две общественные системы. Нам представляется второй подход спорным.

Нельзя отрицать, что условия общего кризиса порождают особый круг явлений капитализма. Очевиден факт, что в период общего кризиса происходит прямой распад капиталистической системы и дальнейшее обострение внутренних противоречий капитализма. И тем не менее этот факт не дает оснований рассматривать общий кризис капитализма в одном логическом ряду с капитализмом вообще и империализмом как высшей стадией капитализма.

С исторической точки зрения рассмотрение общего кризиса капитализма наряду с капитализмом вообще и империализмом как высшей стадией капитализма неправомерно потому, что общий кризис капитализма не является третьей стадией его развития, приходящей на смену империализму, как в свое время монополистический капитализм пришел на смену капитализму свободной конкуренции. Общий кризис капитализма разворачивается внутри монополистической стадии. В. И. Ленин характеризовал империализм как высшую стадию капитализма, на которой он становится умирающим. Распад капиталистической системы есть не что иное, как дальнейшее проявление процесса умирания. В этом смысле империализм выступает как последняя стадия капитализма, непосредственно подводящая общество к социализму. Между монополистическим капитализмом и социализмом никаких других стадий развития капитализма

нет, хотя сам монополистический капитализм имеет свою периодизацию соответственно определенным ступеням, периодам и этапам экономического и политического развития.

С логической точки зрения трехступенчатое членение теории капитализма не обоснованно потому, что оно производится не по одному, а по двум разным критериям (признакам). Одно дело превращение свободной конкуренции в монополию как выражение качественного скачка в процессе капиталистического обобществления производства. Другое — общий кризис как результат одновременного осуществления во всех странах социалистической революции, порождающего историческую полосу сосуществования капиталистического и социалистического миров.

Общий кризис капитализма — составная часть современной эпохи перехода к социализму во всемирном масштабе, поскольку в эту эпоху продолжает еще существовать капитализм.

Выделение общего кризиса в истории, теории и логике капитализма — это другой аспект, отличный от соотношения капитализма вообще и империализма. Порожденные общим кризисом новые явления в экономике капитализма иного логического порядка, нежели новые явления, обусловленные монополистическим капитализмом, заменившим капитализм свободной конкуренции. Если бы речь шла о новом, качественно своеобразном выражении дальнейшего обобществления производства и соответствующем изменении производственных отношений, однопорядковом тем изменениям, которые произошли при переходе к империализму; если бы общий кризис являлся, наоборот, отрицанием некоторых существенных сторон экономического процесса монополизации хозяйства или вносил нечто принципиально новое в соотношение монополии и конкуренции, тогда общий кризис находился бы в одном ряду сменяющих друг друга стадий капитализма.

Империализм проходит в своем развитии определенные периоды, этапы, ступени и т. п. Периодизация империализма, как и всякая другая научная периодизация, — вопрос далеко не праздный и не простой. Здесь первостепенное значение имеет определение объективного критерия, который принимается за основу периодизации.

По-видимому, такой критерий должен отражать развитие самой сущности данного явления. Но и в этом случае могут обнаружиться разные подходы, соответствующие различным аспектам развития рассматриваемого явления.

Сопоставим общий кризис капитализма и государственно-монополистический капитализм, который характеризовался В. И. Лениным как ступенька к социализму, между которой и социализмом никаких промежуточных ступеней нет⁸. Государственно-монополистический капитализм интенсивно развивается в условиях общего кризиса капитализма. Однако по своей сущности он является непосредственным выражением дальнейшего обобществления производства и высшей формой монополизации капиталистического хозяйства. Государственно-монополистический капитализм есть современная ступень развития монополистического капитализма, его первого, исходного признака. С этой точки зрения предшествующая ступень империализма характерна относительно слабым вмешательством буржуазного государства в экономику. Выделение же общего кризиса капитализма в рамках империализма предполагает другой аспект: период империализма, когда он представлял собой единственную, господствующую мировую систему, и период, когда он как мировая система претерпевает прямой распад и рядом с ним существует социализм. В свою очередь, периодизация общего кризиса строится по признаку его нарастания: первый этап — до образования мировой системы социализма, второй этап — в условиях существования мировой системы социализма и распада колониальной системы империализма, третий этап — дальнейшее обострение межимпериалистических противоречий.

Естественно, что общий кризис капитализма, как и государственно-монополистический капитализм, модифицирует проявление основных черт не только империализма, но и капитализма вообще. Однако это обстоятельство не выдвигает их в один логический ряд с капитализмом вообще и империализмом.

⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

Изменения в капиталистических производственных отношениях не могут не затрагивать и буржуазной собственности, которая, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, «есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими»⁹.

В последнее время предпринимаются попытки освещения эволюции капиталистической собственности, ее форм, исторически сменяемых и существующих в современных условиях¹⁰. Выводы этого анализа свидетельствуют о необходимости отказа от упрощенных представлений о капиталистической собственности как о чем-то абсолютно неподвижном на всех этапах развития капитализма.

Вряд ли, однако, справедлива классификация, согласно которой капиталистическая собственность приобретает четыре особенных формы: 1) индивидуальную, 2) групповую, 3) монополистическую и 4) государственную¹¹. Говорить о том, что указанные формы сосуществуют рядом друг с другом или что они развивались исторически в указанной последовательности, нам кажется, нельзя. Здесь не только нарушено правило логического деления, но и неточно передается существо дела.

Нет частной собственности вообще, если подходить к этой проблеме экономически. Частная собственность, основанная на личном труде товаропроизводителя, из которой возникает по законам внутренней эволюции капиталистическая собственность, глубоко отлична по своему экономическому содержанию от феодальной и рабовладельческой форм собственности. Она не идентична и

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 438.

¹⁰ См., например, С. Далин. *Изменения в структуре капиталистической собственности. «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 12; М. С. Драгилев, Н. И. Мохов, П. А. Кашутин. Современные вопросы политической экономии капитализма. М., «Высшая школа», 1967; М. С. Драгилев. Капиталистическая собственность сегодня. «Коммунист», 1968, № 2.*

¹¹ Иногда групповую (корпоративную) собственность отождествляют с монополистической.

частной собственности мелкого самостоятельного производителя, ведущего замкнутое натуральное хозяйство. Именно частная собственность простого товарного хозяйства образует исходный пункт генезиса капиталистической собственности. Это К. Маркс всесторонне показал в «Капитале», раскрыв, в частности в 22-й главе I тома, диалектику превращения законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения.

Частная собственность самостоятельного товаропроизводителя и капиталистическая собственность однотипны как с точки зрения генезиса, так и вследствие того, что по отношению друг к другу в обмене капиталисты, а также капиталисты и наемные рабочие выступают как частные собственники, равноправные товаровладельцы, распоряжающиеся определенными товарами — средствами производства, предметами потребления, рабочей силой. Обмен между ними, а стало быть, и присвоение продуктов путем обмена протекает на основе законов рынка. Следовательно, по форме своей, как она обнаруживается в сфере рыночных отношений, частная собственность товарного хозяйства и капиталистическая собственность идентичны.

Однако по характеру (содержанию) капиталистическая и частная собственность, основанная на личном труде товаропроизводителей, далеко не одинаковы. «Нет надобности разъяснять здесь, — писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», — что если *форма* присвоения и остается прежней, то *характер* присвоения претерпевает вследствие вышеописанного процесса не меньшую революцию, чем характер производства. Присваиваю ли я продукт своего собственного или продукт чужого труда — это, конечно, два весьма различных вида присвоения»¹².

Означает ли это, что капиталистическая собственность лишь по форме проявления на рынке остается частной? Нет. Форма определяется содержанием. Присвоение плодов чужого труда есть отношение эксплуатации одними лицами других. И поэтому не только по форме проявления, но и по своему характеру капиталистическая собственность является частной, точнее сказать, частнока-

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 282 (сноска).

питалистической. Такой она остается на всем протяжении своего существования, выступает ли она как индивидуальная, корпоративная или государственная.

Это коренное свойство капиталистической собственности как родового понятия неустранимо и тогда, когда капитализм свободной конкуренции перерастает в монополистический капитализм. На высшей стадии капитализма действительно происходит качественная модификация частнокапиталистической собственности соответственно изменениям производственных отношений. Частнокапиталистическая собственность как бы раздваивается на две основных формы своего существования. С одной стороны, она превращается в монополистическую собственность, характерную тем, что фактическими хозяевами господствующими в экономике монополий, определяющими программу и направление их деятельности, становятся небольшие группы представителей финансовой олигархии. С другой стороны, наряду с монополистической сохраняется и немонополистическая частнокапиталистическая собственность.

Строго говоря, последняя форма возникает логически лишь потому, что появляется монополистическая собственность. Нет необходимости вводить понятие немонополистической собственности для периода свободной конкуренции.

Монополистическая собственность является высшей и последней модификацией частнокапиталистической собственности по ее характеру.

Монополистическую и немонополистическую нельзя ставить в один ряд с индивидуальной, групповой и государственной формами собственности. «Форма» «форме» рознь. Есть так называемые существенные (основные) формы, относящиеся к характеристике самой сущности. И есть формы более внешнего порядка, лежащие на иной ступени восхождения от абстрактного к конкретному. Как немонополистическая, так и монополистическая собственность могут существовать и действительно существуют в форме индивидуальной, корпоративной и государственной собственности. Эти три формы имеют место как в домонополистическом, так и в монополистическом капитализме.

Индивидуальная, корпоративная и государственная собственность относятся не к характеру частнокапитали-

стической собственности, а к ее форме проявления как частной собственности товарного хозяйства, выражающей меновые отношения, и выступают как виды (разновидности) этой формы. В них, следовательно, представлены определенные модификации частной собственности товарного хозяйства, из которой капиталистическая собственность развилась и которую она превратила в свою внешнюю форму, существующую на поверхности явлений в сфере обмена и непосредственно регулируемую нормами права.

Некоторые трудности в понимании эволюции частной собственности, превращения ее из индивидуальной в корпоративную и государственную связаны с тем, что в период расцвета капитализма свободной конкуренции капиталистическая собственность представляла собой по преимуществу индивидуальную собственность, т. е. собственность отдельных капиталистов, частных лиц. Для этого периода индивидуальная и частная собственность сливаются в одно понятие, предполагающее субъектом присвоения средств производства и продуктов труда индивидуального капиталиста. С появлением же акционерных обществ субъектом собственности на действительный капитал становится непосредственно корпорация, ассоциированный капиталист. Возникает корпоративная, коллективно-капиталистическая собственность. Указывая на противоречивый характер данного явления, выражающего процесс обобществления производства, К. Маркс писал: «Это — упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства»¹³. Но делать отсюда вывод, что форма частной собственности товарного хозяйства на почве акционерного капитала исчезает, разумеется, нельзя. К. Маркс говорил о тенденции ее развития на основе прогрессирующего обобществления производства. Частная собственность остается в виде индивидуальной собственности отдельных «неассоциированных» предпринимателей, индивидуальной собственности акционеров на фиктивный капитал, а также в виде самой корпоративной собственности. Корпорация, находясь в общей обстановке товарного хозяйства, выступает на рынке как ча-

¹³ К. Маркс. *Капитал*, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 479.

стный собственник и отдельный товаропроизводитель. Таким образом, с возникновением корпораций усложняется структура формы проявления капиталистической собственности. Однако капиталистическая собственность не утрачивает вследствие этого свой частный характер и форму частной собственности, адекватную рыночному хозяйству.

Дальнейшее усложнение структуры формы проявления капиталистической собственности связано с ее развитием как государственной собственности. По своему внешнему выражению государственная буржуазная собственность кажется прямой противоположностью частной, хотя в действительности она противостоит не частной, а индивидуальной капиталистической собственности, причем лишь по разновидности формы проявления, но не по характеру. Собственность буржуазного государства является общей собственностью класса капиталистов, а в период империализма выступает как общая собственность монополистического слоя буржуазии. Так обстоит дело со стороны экономической сущности. Но и со стороны экономической формы государственная собственность не утрачивает черт частной собственности. Внутри государственного сектора экономики (имеется в виду государственная собственность не только как юридическое, но и экономическое явление) субъектом собственности на средства производства и продукты труда выступает непосредственно государство. Но по отношению к частным корпорациям, неассоциированным капиталистическим товаропроизводителям и владельцам товара рабочая сила государство выступает в качестве частного собственника. Его предприятия, конкурируя на рынке, действуют фактически как частные собственники. Как и индивидуальная и корпоративная, государственная собственность регулируется в основном одними и теми же нормами права.

Особенностью государственной собственности как разновидности частной собственности является превращенно-мистифицированное выражение последней. Представляется, будто частная собственность исчезает, а на смену ей приходит непосредственно общественная собственность.

Нетрудно заметить, что эволюция частной собственности от индивидуальной к корпоративной и государст-

венной ближайшим образом касается субъекта присвоения. Но здесь не только область юридических отношений. Эта эволюция выражает действительный процесс обобществления производства на капиталистической основе. Объективный анализ указывает на новые моменты в области капиталистических производственных отношений, которые отражаются в развитии капиталистической собственности как в ее содержании, так и в ее форме. Рабочему классу далеко не безразлично, в каких формах и видах функционирует капиталистическая собственность. Рабочий класс выступает за национализацию решающих средств производства, ибо государственная собственность при определенном соотношении классовых сил позволяет ограничить власть отдельных монополистических групп и с точки зрения перспектив перехода к социализму выступает как важное условие, облегчающее такой переход.

Многосторонность процесса развития и структуры буржуазной собственности ставит вопрос о целесообразности унификации применяемой для ее анализа терминологии.

С точки зрения коренного социального содержания буржуазная собственность, в какой бы форме она ни проявлялась, характеризуется как частнокапиталистическая, выражающая эксплуатацию капиталистами лиц наемного труда. На высшей стадии капитализма она выступает как монополистическая и немонаполистическая собственность. Это — существенные экономические формы, характеризующие внутреннее состояние частнокапиталистической собственности на империалистической стадии ее развития. Ее внешней формой проявления в сфере рыночных отношений является то, что она обнаруживается как частная собственность, адекватная товарному хозяйству обособленных производителей. На современной стадии капитализма субъектами ее в непосредственной действительности выступают индивидуальные капиталисты, капиталистические корпорации и буржуазное государство. Вследствие этого можно говорить об индивидуально-капиталистической, корпоративно (коллективно) капиталистической и государственно-капиталистической собственности как о

конкретных видах (разновидностях) частнокапиталистической собственности.

Огромное возрастание экономической роли буржуазного государства, особенно в послевоенный период, осуществляется в различных формах. Однако они не равнозначны с точки зрения тех качественных изменений, которые характеризуют процесс обобществления производства на современном этапе развития капитализма. Важнейшие из форм государственно-монополистического регулирования экономики связаны с развитием государственной собственности, выражающей высшую возможность капиталистического обобществления. В рамках же государственной собственности особое место занимает государственное предпринимательство в сфере производства.

Особенное значение этой формы государственно-монополистического капитализма, — независимо от того, какой удельный вес занимает государственное предпринимательство в общем объеме производства, — состоит в том, что государство здесь прямо и непосредственно вклинивается в организацию общественного производства. Именно в этом заключен качественно-специфический момент экономической роли буржуазного государства в современных условиях. Благодаря этому государство в наибольшей степени обладает возможностью вносить прямые ограничения в стихийный процесс общественного воспроизводства, расширять прежде всего в пределах государственного сектора экономики элемент плановости и тем самым объективно содействовать подготовке экономических форм перехода к социализму. Однако прямое государственное управление хозяйством не может дорасти до всеобъемлющего охвата экономики в целом. Подобная ситуация предполагает ликвидацию частнокапиталистической собственности, т. е. гибель капитализма. Рост государственно-монополистической собственности и развитие государственного предпринимательства не способны разрешить основного противоречия капитализма. Они дают ему лишь форму движения, но ценой углубления основного противоречия и появления комплекса новых противоречий, вплотную подводящих к необходимости перехода от капитализма к социализму.

**ГОСПОДСТВО
МОНОПОЛИЙ
И ФИНАНСОВЫЙ
КАПИТАЛ
В СОВРЕМЕННУЮ
ЭПОХУ В СВЕТЕ
ЛЕНИНСКОЙ
ТЕОРИИ
ИМПЕРИАЛИЗМА**

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПРОЦЕССА КОНЦЕНТРАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

*«Порождение монополии кон-
центрацией производства вооб-
ще является общим и основ-
ным законом современной ста-
дии развития капитализма».*

В. И. Ленин

Эпицентром всех изменений, произошедших в экономической структуре капитализма на рубеже XIX и XX вв., явилась смена свободной конкуренции господством монополий. Ленинский анализ исходного пункта этого качественного изменения капитализма показал, что первопричина заключена в процессе накопления капитала, в развитии на этой основе производительных сил, в возникновении крупного производства, в достижении такой степени его концентрации, когда свободная конкуренция порождает свою противоположность — монополию. Возникновение монополии, по Ленину, есть закономерная реакция капитализма на требования производительных сил.

Какую бы сторону монополистического господства ни рассматривал В. И. Ленин в своей книге «Империализм, как выс-

шая стадия капитализма», везде он показал роль концентрации производства в установлении этого господства. Таким образом, В. И. Ленин раскрыл единую материальную основу возникновения всех видов капиталистической монополии — определенный уровень концентрации производства.

В современном капитализме процессы концентрации производства протекают своеобразно.

Если для капитализма свободной конкуренции, да и для капитализма первых двух десятилетий XX в., когда монополии господствовали только в решающих отраслях промышленности, основной формой концентрации производства являлось укрупнение производства в рамках предприятий — заводов, то на базе господства монополий решающей формой концентрации производства становится комбинирование, которое В. И. Ленин рассматривал как специфическую форму монополистической концентрации производства, как форму организации производительных сил в рамках монополий.

Если в эпоху свободной конкуренции каждое предприятие представляло, как правило, полный производственный цикл и производило конечную продукцию, то усложнение общественного производства, расщепление его на многие производственные промежуточные этапы, превращение отдельного предприятия в поставщика промежуточного продукта, выполняющего подсобные функции, изменяет и само содержание понятия производственной единицы. Такой технико-экономической единицей в современных условиях становится уже не отдельный завод или фабрика, а их комплекс. О концентрации производства в современных условиях следует судить не по удельному весу в производстве отдельных заводов, а по роли в общественном производстве производственных комплексов, которые могут не совпадать (и, как правило, не совпадают) с формальными рамками монополий.

Если в эпоху свободной конкуренции процесс концентрации производства носил стихийный характер, то в эпоху господства монополий в этот процесс привносится элемент планомерности. Монополии регулируют концентрацию производства, усиливая или задерживая ее. Активную роль в развитии процессов концентрации играет ныне буржуазное государство.

Апологетическое направление современной буржуазной политической экономии объявляет ныне ленинскую теорию империализма устаревшей и архаичной, а исходные позиции этой теории, т. е. положения о закономерном порождении монополии концентрацией производства, характеризует как несоответствующие реальной действительности.

В современной буржуазной литературе, особенно в американской, весьма распространена точка зрения, согласно которой процесс концентрации производства был характерен для XIX и первой четверти XX в., а затем определенной, четко выраженной тенденции концентрации не наблюдалось. Так, американский экономист Джон Бейн писал в 1961 г.: «В одних странах концентрация развивается, в других она отсутствует, и в итоге образовалось своего рода плато»¹. Известный американский специалист по вопросам концентрации Блэр, автор многих монографий, также считает, что современная научно-техническая революция препятствует укрупнению предприятий, которое наблюдалось до 50-х годов и которому пришел конец.

Что же лежит в основе подобного рода утверждений и каковы аргументы противников ленинской теории концентрации? Основным аргументом в данном случае являются результаты промышленных цензов США.

Середина 50-х годов явилась переломным моментом процесса концентрации промышленного производства в США в рамках предприятий — заводов. Если до 1955 г. наблюдался несомненный рост степени концентрации, то позднее происходит ее спад, выразившийся в снижении роли крупных предприятий. Так, динамика доли предприятий с числом занятых 1000 и более человек в условно чистой продукции обрабатывающей промышленности США изменялась следующим образом (%):²

¹ D. Bain. *Industrial Organisation*. N. Y., 1961, p. 315.

² «Annual Survey of Manufactures», 1955; «Census of Manufactures» за соответствующие годы.

1947 г. — 32,6 1955 г. — 39,5 1963 г. — 36,9
 1954 г. — 37,0 1958 г. — 35,7

Снижение уровня концентрации производства в 1963 г. по сравнению с 1955 г. можно проследить по всем показателям.

Доля предприятий с числом занятых свыше 1000 человек (%) ³:

	1955 г.	1958 г.	1963 г.
По числу занятых	33,1	30,5	29,8
По условно чистой продукции	39,5	35,7	36,9
По объему новых капиталовложений .	40,2*	38,4	36,3

* 1954 г.

Критерий «крупности» предприятия в различных отраслях производства, разумеется, не совпадает: предприятие, которое для одной отрасли является крупным, может представляться незначительным для другой. Например, предприятие с числом занятых 1000 человек будет средним для транспортного машиностроения и совершенно уникальным для швейной промышленности. Поэтому единый принцип классификации предприятий для всех отраслей производства придает анализу концентрации условный характер. Понятие крупного производства изменяется и с учетом специфических условий производства в той или иной стране капиталистического мира. Наконец, сами показатели, характеризующие значение различных групп предприятий в какой-либо отрасли производства, не всегда являются безупречными.

В основе классификации предприятий по различным группам статистика США (да и не только США) использует показатель занятости. В последнее время среди экономистов как зарубежных, так и советских много говорится о непригодности показателя численности рабочих и служащих для характеристики степени концентрации производства. Происходящая научно-техническая революция и, в частности, автоматизация производства приводит к возникновению предприятий, на которых сосредоточено только несколько сотен, а иногда и десятков человек. Но даже в США, где достигнут наиболее высо-

³ «Census of Manufactures» за соответствующие годы; «Annual Survey of Manufactures», 1955.

кий уровень автоматизации производства, полностью автоматизированные предприятия не делают «погоды» ни в одной достаточно крупной отрасли производства. Частичная же автоматизация не вносит кардинальных изменений в соотношение рабочей силы и средств производства на предприятиях.

Практика частичной автоматизации в США свидетельствует о сокращении численности работников на несколько десятков и в редких случаях сотен человек (в рамках предприятия — завода). Во многих случаях частичная автоматизация осуществляется без сокращения количества занятых на предприятии и выражается только в увеличении объема продукции и повышении ее качества. Уместно напомнить также, что масштабы частичной автоматизации в США весьма незначительны, за исключением нефтеперерабатывающей промышленности и некоторых видов химического производства.

Сказанное не означает, что научно-техническая революция не оказывает влияния на размеры занятости на отдельных предприятиях. Автоматизация производственных процессов на том или ином предприятии может изменить количество занятых и обусловить переход этого предприятия в более низкую классификационную группу при одновременном увеличении масштабов производства. Однако то, что правильно для отдельного предприятия, не всегда можно перенести на всю отрасль производства, особенно если она насчитывает тысячи предприятий. Ограниченные масштабы и характер автоматизации производства в США пока сохраняют значимость показателя численности рабочих и служащих при классификации различных групп предприятий и анализе процесса концентрации.

Классификация предприятий по стоимости производимой продукции в значительно большей степени исказила бы роль крупных предприятий из-за резкой неравномерности движения цен на различные виды продукции, а также в результате различной степени монополизации той или иной отрасли производства. Идеальной основой классификации предприятий является выпуск продукции в натуральном выражении. Однако этот показатель применим только для характеристики концентрации производства в рамках какой-либо конкретной отрасли (да и то при условии однородной продукции) и не дает воз-

возможности для сопоставления уровней концентрации в различных отраслях производства.

Данные ценовых обследований промышленности США при всех недостатках их классификации и статистических методов позволяют сделать вывод о стабилизации процесса концентрации промышленного производства в звене предприятие — завод, чего не наблюдалось ранее. Аналогичный вывод возникает и при рассмотрении изменений удельного веса в производстве предприятий с числом занятых более 500 человек, или при сравнении доли различных групп предприятий в новых капиталовложениях. Какова причина указанного изменения?

Конкретные условия производства и реализации в США показывают, что наиболее эффективными во многих отраслях оказываются предприятия с числом занятых 500—1000 человек. Наиболее высокую выработку условно чистой продукции в расчете на одного занятого в отраслях с широкой или быстроизменяющейся номенклатурой продукции дают именно такие предприятия.

Приводимая на рис. 1 схема дает представление о выработке условно чистой продукции в расчете на одного занятого на предприятиях различной величины по материалам промышленной переписи 1958 г. Схема наглядно иллюстрирует ситуацию, сложившуюся в восьми отраслях обрабатывающей промышленности США. В отраслях с широкой номенклатурой продукции оптимальными можно назвать предприятия с числом занятых менее 1000 человек. Таковы химическая и резиновая промышленность, общее машиностроение и нефтепереработка. Процесс концентрации производства в рамках заводов — предприятий не имеет в этих отраслях широких перспектив. Однако там, где номенклатура продукции сравнительно устойчива (транспортное машиностроение, металлургия, пищевая и табачная промышленность), процесс концентрации производства на крупнейших заводах будет, несомненно, продолжаться, так как здесь выработка в расчете на одного занятого повышается с ростом предприятия.

Материалы промышленной переписи США за 1963 г. подтверждают сделанный нами ранее вывод о стабилизации процесса концентрации производства на уровне предприятий — заводов. Удельный вес крупных предприятий в обрабатывающей промышленности в целом в

1963 г., хотя и превышал показатели 1958 г., но был ниже, чем в 1954 г. или 1955 г. Пик процесса концентрации производства остался позади, в 1955 г., и нет оснований

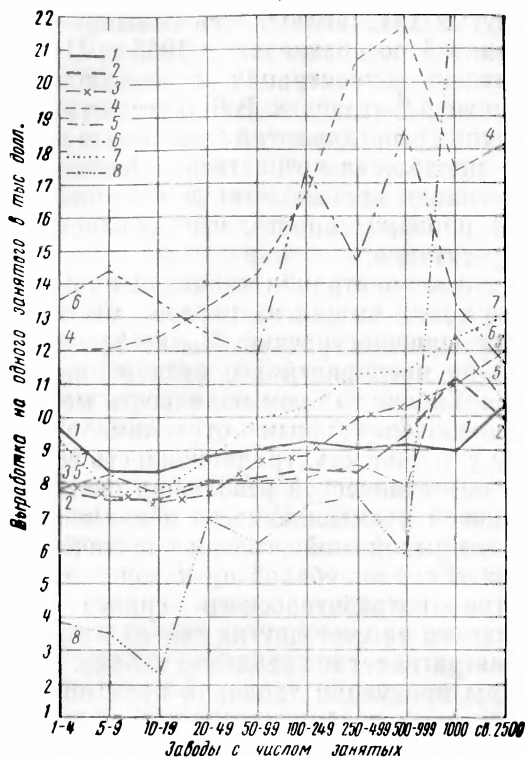

Рис. 1. Выработка условно чистой продукции в расчете на 1 занятого на предприятиях различной величины (по материалам переписи 1958 г.). 1 — общее машиностроение, 2 — транспортное машиностроение, 3 — металлургия, 4 — химическая промышленность, 5 — резиновая и пластмассовая промышленность, 6 — нефте- и углепереработка, 7 — пищевая промышленность, 8 — табачная промышленность

ожидать изменения создавшегося положения в ближайшем будущем.

Данные последних промышленных цензов показывают, что крупные предприятия играют заметную роль

(не менее $\frac{1}{10}$ объема производства) в 15 отраслях обрабатывающей промышленности, 10 из которых принадлежат к промышленной группе А. В 1963 г. в 13 отраслях (из упомянутых 15) наблюдалось снижение роли крупных предприятий по сравнению с 1955 г. По сравнению с 1958 г. степень концентрации производства в 1963 г. оказалась ниже в 9 отраслях. В 6 других отраслях удельный вес крупных предприятий оставался на уровне 1958 г. или продолжал возрастать. Особенно заметен рост концентрации производства в табачной и электротехнической промышленности, что нуждается в специальном комментарии.

По степени концентрации табачная промышленность в настоящее время вышла на первое место, опередив транспортное машиностроение; $\frac{9}{10}$ ее производства сосредоточено на предприятиях с числом занятых свыше 1000 человек. Табачную промышленность можно отнести к наиболее консервативным отраслям производства, имея в виду устойчивость, традиционность ее продукции. Влияния научно-технической революции сказались на изменениях табачной промышленности в наименьшей степени. К тому же рынок этой отрасли практически не зависит от циклических колебаний производства и потребления. Сжатие потребительского спроса происходит преимущественно за счет других статей личного потребления и не затрагивает потребление табака. Постоянство номенклатуры продукции табачной промышленности, ее крупносерийность, устойчивость рынка сбыта делают сосредоточение производства на крупных предприятиях особо выгодным и целесообразным.

Что касается продолжающегося процесса концентрации производства в электротехнической промышленности, то он объясняется особыми, «тепличными» условиями конкуренции, в которых находится данная отрасль. Являясь основой военно-промышленного потенциала США, электротехническая промышленность в большей степени, чем любая другая «цензовая» отрасль, загружена военными заказами правительства. Крупные военные заказы на электронную «начинку» современной боевой техники, гарантированный рынок сбыта, позволяют организовать крупносерийное производство и сосредоточить его на ведущих предприятиях.

Каковы ближайшие перспективы процесса концент-

рации производства на уровне предприятий — заводов? Изучение масштабов новых капиталовложений на предприятиях различной величины по материалам промышленной переписи 1963 г. показывает, что удельный вес новых капиталовложений, произведенных на предприятиях обрабатывающей промышленности с числом занятых свыше 1000 человек, был ниже удельного веса этой группы предприятий в общем объеме производства. Наоборот, доля новых капиталовложений на предприятиях с числом занятых менее 1000 человек была выше доли этих предприятий в промышленном производстве. Аналогичная ситуация характерна для 9 из 15 отраслей обрабатывающей промышленности, где роль крупных предприятий достаточно велика. Анализ структуры новых капиталовложений свидетельствует об отсутствии благоприятных перспектив процесса концентрации промышленного производства в ближайшем будущем, что не исключает роста значения крупных предприятий в отдельных отраслях обрабатывающей промышленности.

Если в 20-х годах в США строились предприятия-гиганты с числом занятых в 25—30 тыс. человек, то в послевоенный период подавляющая масса новых предприятий рассчитана на 500—1000 человек. (За исключением предприятий атомной промышленности, которые построены на государственные средства и при сооружении которых коммерческие соображения не играли сколько-нибудь существенной роли.) Отказ от гигантомании диктуется чисто экономическими соображениями — наиболее высокой выработкой, наиболее благоприятным соотношением основной и вспомогательной рабочей силы, технологической гибкостью, стремлением облегчить управление и повысить его эффективность.

Анализ промышленных ценов США позволяет сделать следующий вывод: концентрация производства в рамках отдельных предприятий — заводов в ряде отраслей обрабатывающей промышленности приостановилась⁴.

⁴ Этот процесс пока нельзя обнаружить в других странах капиталистического мира, которые по степени индустриальной зрелости уступают США.

Этот новый момент процесса обобществления капиталистического производства свидетельствует о том, что рост крупных предприятий натолкнулся на вполне объективные технико-экономические препятствия. В каждой отрасли хозяйства существует определенный оптимум размеров предприятия, повышение которого сопровождается снижением его эффективности.

Не претендуя на полное раскрытие факторов, обуславливающих оптимальные размеры предприятий в условиях современной научно-технической революции, можно попытаться свести их к следующим основным группам.

Факторы управления. Практические возможности «охватить» производственный процесс управления даже при помощи новейшей электронной техники весьма ограничены. Размеры эффективно работающего предприятия обусловлены, таким образом, пределами человеческих возможностей в условиях современных производительных сил. Без учета этих факторов производство становится неуправляемым (отсутствие крайне необходимой четкости и оперативности). Несоответствие растущего масштаба производства возможностям управления выражается в просчетах, в снижении эффективности предприятия⁵.

Бурный процесс дробления обобществленного производства на новые, специфические отрасли. Появление новых отраслей производства легко обнаружить и в переписях американской

⁵ Факторы управления имеют громадное значение и при определении оптимальных размеров предприятий в сельском хозяйстве. Анализ зависимости между экономической эффективностью ферм в штате Калифорния и их размерами показал, например, следующую любопытную картину. При увеличении площади фермы с 64 до 256 га, т. е. в 4 раза, чистый доход с гектара площади возрастал в 11 раз и достигал 61 долл., а при увеличении этой оптимальной (в 256 га) фермы до 1280 га, т. е. в 5 раз, чистый доход с гектара площади практически не изменялся, так как «состав оборудования на этой укрупненной ферме является по существу умноженным составом оборудования оптимальной фермы» (*California agricultural experimental station*). «Research report», 1963, December, No. 269, pp. 1—7).

промышленности. Например, в электротехнической промышленности США число самостоятельных отраслей возросло с 21 в 1947 до 32 в 1958 г. Процесс специализации также ставит определенный предел для размеров предприятий, ибо специализация его в узкой области ограничена объемом тех потребностей, которые оно должно удовлетворять. Специализированное предприятие зачастую невозможно перестроить на выпуск иной продукции, поэтому изменение спроса на рынке сказывается на нем с особой силой. Более высокий удельный вес мелких предприятий в промышленности США по сравнению с ФРГ и Англией обусловлен прежде всего высокой степенью их специализации. Быстрая дифференциация общественного производства в условиях сохранения частной собственности в наше время ограничивает возможности концентрации производства в рамках заводов.

Емкость капиталистического рынка и близость к нему предприятия. Предпринимателя интересуют не только заводские издержки производства, но и способность местного рынка «впитать» продукцию предприятия. В послевоенный период тарифы на железнодорожном и водном транспорте в США росли вдвое быстрее, чем цены на прочие товары и услуги. Значительный удельный вес транспортных расходов при доставке продукции заставляет капиталистов зачастую идти не на расширение существующих предприятий, а на строительство новых с максимальным приближением последних к рынку сбыта. Именно этими соображениями можно объяснить процесс перебазирования нового промышленного строительства в США в новые районы и известную децентрацию производства в послевоенный период.

Оптимальные размеры предприятий нельзя рассматривать в отрыве от конкретных условий реализации в той или иной стране. Оптимум предприятий в конкретной капиталистической стране всегда обусловлен и емкостью рынка. Поэтому то, что считается оптимальным для условий США, не является таковым даже для «Общего рынка», не говоря уже об отдельных капиталистических странах.

Изменчивость номенклатуры производимой продукции. Быстрый научно-технический прогресс в наше время находит выражение прежде всего

В появлении видов продукции, с новыми потребительскими стоимостями. Номенклатура производимой продукции в промышленности США в ходе 50-х годов обновилась наполовину. Главным орудием конкурентной борьбы в этих условиях становятся уже не цены, а способность наладить быстрый выпуск новой продукции и тем самым потеснить конкурентов. Преимущества крупного предприятия очевидны лишь там, где ассортимент продукции относительно стабилен, ибо крупное предприятие болезненно реагирует на всякую ломку ассортимента. В условиях изменения ассортимента небольшие предприятия оказываются более рентабельными, они сравнительно легче поддаются переналадке, технологически более гибки, приспособляемость к изменениям спроса у них выше, чем на крупных предприятиях. Устойчивость мелких предприятий в отраслях легкой промышленности объясняется прежде всего их мобильностью, способностью быстро изменить номенклатуру изделий, быстро привыкнуть к условиям капризного рынка. Там же, где номенклатура продукции довольно устойчива (металлургия, транспортное машиностроение), крупные предприятия сохраняют очевидные преимущества.

Ускорение морального износа. Быстрое обновление номенклатуры производимых продуктов требует существенных изменений технологических процессов их изготовления и серьезных изменений парка оборудования. Технический прогресс в условиях ожесточенной конкуренции весьма разорителен и зачастую сопровождается растратой накопленного богатства, когда вполне пригодное, а иногда и новое оборудование исключается из процесса производства. Поэтому монополии стремятся максимально сократить сроки строительства и освоение новых предприятий с тем, чтобы успеть вернуть затраченные средства. Эти же опасения принимаются в расчет и при определении масштабов нового строительства, т. е. размеров новых предприятий.

Следовательно, влияние научно-технического прогресса на размеры предприятий противоречиво. С одной стороны, современная техника требует довольно крупных масштабов производства (в противном случае она просто убыточна). С другой стороны, ускоряя моральный износ продукции и оборудования, технический прогресс препятствует строительству крупных заводов.

Является ли снижение или стабилизация удельного веса крупных предприятий — заводов в промышленном производстве свидетельством процесса деконцентрации производства в целом? Правы ли буржуазные экономисты, которые ставят под сомнение марксистскую теорию концентрации? С нашей точки зрения, нет.

Во-первых, сосредоточение производства на крупных заводах не является единственной и тем более решающей формой концентрации современного капиталистического производства.

Во-вторых, производственной единицей, имеющей полный производственный цикл и характеризующей степень концентрации производства, является ныне не отдельный завод или фабрика, а их комплекс.

В. И. Ленин никогда не ограничивал процесс концентрации сосредоточением рабочей силы и средств производства на крупных предприятиях — заводах, хотя и придавал этой форме концентрации большое значение. Концентрация производства на крупных заводах исторически предшествовала иной, более высокой форме концентрации производства — монополистическому комбинированию. Причем концентрация производства в этой форме означает не любое объединение производства в рамках монополий, а объединение технологически связанных между собой предприятий одной или нескольких отраслей производства.

Процесс комбинирования капиталистического производства, получивший большое развитие в начале XX в., продолжается и в современный период. Если в начале века комбинирование распространялось главным образом в металлургии, то теперь оно наблюдается во многих отраслях. Современная научно-техническая революция, с одной стороны, расчленяет промышленное производство, с другой стороны, она ведет к целесообразной его комбинации. Быстро развивается как вертикальное комбинирование, т. е. охват всего производственного процесса от добычи сырья до выпуска готовой, конечной продукции, так и горизонтальное комбинирование, т. е. производство разнообразной продукции на единой сырьевой основе.

В усилении процесса комбинирования находит выражение стремление монополистического капитала подчинить важнейшие стадии производственного процесса своему непосредственному контролю. Последовательную обработку продуктов труда, комплексное использование сырья и отходов основного производства можно обнаружить в большинстве крупных монополий капиталистического мира.

В послевоенный период наблюдается организация собственного производства наиболее массовых деталей, узлов, кузовов, электрооборудования, инструмента крупными автомобильными компаниями США и Западной Германии. Избавившись от услуг крупных предприятий-поставщиков, автомобильные монополии присваивают ту часть прибыли, которая ранее уплывала на сторону. Крупные машиностроительные фирмы, имеющие большие отходы металла, во многих странах обзаводятся собственными металлургическими предприятиями. Металлургические монополии строят собственные предприятия по производству кислорода и организуют процесс обогащения руд. Химические монополии, связанные со многими энергоемкими процессами, внедряются в электроэнергетику и производство цветных металлов. Примеры комбинирования производства можно было бы продолжить. Стремление охватить многие этапы производственного процесса особенно рельефно проявляется у западноевропейских и японских монополий, что объясняется слабой сырьевой и энергетической базой Японии и западноевропейских стран по сравнению с США, а также подрывом их колониальных связей.

Вместе с тем число мелких поставщиков, которым навязываются любые условия, продолжает возрастать. Процесс комбинирования, видимо, не следует ограничивать формальными рамками той или иной крупной монополии. В машиностроении, например, крупнейшие корпорации обрастают целыми созвездиями внешних предприятий-поставщиков, которые удовлетворяют технологические потребности головных, сборочных предприятий ведущих фирм. Десятки тысяч мелких предприятий-поставщиков имеют не только американские, но и западноевропейские объединения. Например, западногерманский автомобильный трест «Бенц» обслуживают до 40 тыс.

формально-независимых мелких предприятий⁶. Независимость подобных предприятий сугубо номинальна, многие из них десятилетиями работают на крупного заказчика, перестраивают производство в соответствии с его спецификациями и стандартами, продолжают функционировать лишь постольку, поскольку они удовлетворяют требования заказчика.

Существование множества мелких предприятий в промышленности развитых капиталистических стран объясняется не устойчивостью мелкого капитала, а именно тем обстоятельством, что многие мелкие предприятия либо непосредственно входят в монополистическое объединение, либо находятся в технологической связи с крупной фирмой, удовлетворяя ее потребности в деталях, отдельных узлах, инструменте и т. д.

Следовательно, вне зависимости от того, входят ли юридически мелкие предприятия в орбиту монополий или же формально они независимы, длительная и устойчивая технологическая связь этих предприятий с головными предприятиями монополий, выпускающими конечную продукцию, свидетельствует о комбинировании производства, т. е. его концентрации.

Анализ процесса концентрации капиталистического производства в послевоенный период свидетельствует не о затухании этого процесса, а о дальнейшем его развитии. Однако основное выражение процесс концентрации находит ныне уже не в сосредоточении производства на крупных предприятиях — заводах. Эта форма концентрации постепенно утрачивает свое значение. Основной формой концентрации становится процесс комбинирования.

3. ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Характерным явлением в экономической жизни ведущих капиталистических стран стала диверсификация производства. Нельзя сказать, что процесс диверсификации капиталистического производства не получил отра-

⁶ «*Economist*», 7 April 1964.

жения в советской экономической литературе; о нем писалось достаточно много. Однако до сих пор существует серьезный разнобой в экономической интерпретации этого процесса. Так, одни авторы рассматривают диверсификацию как форму концентрации производства, а точнее — как прямое продолжение комбинирования производства, другие же называют процесс диверсификации производства формой централизации капитала.

Диверсификация, в отличие от комбинирования, не может быть названа формой концентрации производства, так как она распыляет производственные усилия по многим направлениям, не являющимся этапами единого производственного цикла, и имеет своим результатом создание технологически разнородной конечной продукции. При комбинировании же расщепление единого технологического процесса на самостоятельные, специализированные производства подчинено задаче возрастания выпуска технологически родственной конечной продукции. Между диверсификацией и комбинированием производства лежит четкий технологический барьер. Отождествление диверсификации производства с процессом централизации капитала, на наш взгляд, также неудачно, ибо процессы укрупнения капитала обладают известной самостоятельностью и не всегда сопровождаются изменениями в процессе производства.

Само определение диверсификации как любое расширение номенклатуры продукции в рамках монополистических объединений, бытующее в советской экономической литературе и учебниках политической экономии, представляется неудовлетворительным. Такое определение лишено точного содержания, ибо в данном случае смешиваются процессы различного характера — процессы, характеризующие дальнейший рост концентрации производства, и процессы, лежащие за его пределами.

Действительно, расширение номенклатуры изделий во многих отраслях химической промышленности имеет единую технологическую основу — первичный продукт, из которого изготавливаются десятки тысяч наименований различных продуктов. Поэтому, когда в качестве типичного примера диверсификации указывается, что предприятие западногерманской «ИГ Фарбен» производит до 20 тыс. наименований продуктов, а английский химический концерн «Импириал кемикл индастриз»

(ИКИ) — свыше 12 тыс.⁷, то мы имеем дело в данном случае не с диверсификацией, а типичным комбинированием производства в ленинском понимании этого процесса. Следовательно, диверсификация производства подразумевает не любое расширение номенклатуры производимой продукции, а организацию производства продукции, не имеющей технологической близости к основному виду производства данного предприятия.

Диверсификация подразумевает не модификацию изделий в рамках одной отрасли, а проникновение монополий в «чужие» для их традиционного профиля отрасли хозяйства, распыление производственных усилий по многим направлениям, не имеющим в отличие от вертикального или горизонтального комбинирования непосредственной технологической близости.

Процесс диверсификации обусловлен не техническим прогрессом, который создает лишь новые возможности для приложения капиталов, а растущей конкуренцией, неустойчивостью капиталистического производства, медленным ростом емкости капиталистического рынка, стремлением монополий застраховаться от случайностей рынка и обеспечить финансовое равновесие. Серьезное значение имеет в данном случае и стремление монополий своевременно захватить позиции на рынке новых отраслей.

Диверсификация осуществляется либо путем учредительства, т. е. создания новых предприятий, не имеющих очевидной связи с основным видом производства, либо присоединением уже существовавших предприятий или объединений других отраслей производства. Волна слияний и поглощений в послевоенный период в немалой степени объясняется именно этим. Следует подчеркнуть, что диверсификация является уделом крупных монополий. Для проникновения в отрасли уже монополизированные требуются колоссальные капиталы. Новые отрасли также весьма капиталоемки и связаны с особо крупными расходами на ведение научно-исследовательской работы и покупку патентов. Диверсификация становится особой формой переплетения интересов крупно-

⁷ «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 10, стр. 40.

го монополистического капитала при активной финансовой поддержке государства.

Таким образом, возможность процесса диверсификации возникла в результате процесса накопления, который сосредоточил необходимые капиталы в руках монополий. Эта возможность была подготовлена процессом концентрации производства во всех его формах. С другой стороны, возможность процесса диверсификации появилась в ходе быстрого научно-технического прогресса, создавшего новые сферы приложения капиталов. Необходимость процесса диверсификации диктуется неустойчивостью капиталистического рынка, наличием свободного капитала, сложностью использования этого капитала в уже освоенных отраслях производства.

Объединение под единым финансовым контролем разнородных производств, превращение крупных корпораций в многоотраслевые конгломератные комплексы можно назвать в отличие от концентрации производства его централизацией.

Процесс монополизации, который был подготовлен длительным процессом концентрации производства и капитала, в настоящее время усилился благодаря быстрому развитию именно централизации производства. Стремясь защитить себя на флангах от наступления реальных и потенциальных конкурентов, монополии внедряются в смежные или новые отрасли производства, лихорадочно скупая существующие или создавая новые предприятия. Если до недавнего прошлого можно было с достаточной точностью определить основную специализацию фирмы, то теперь это сделать зачастую невозможно. Крупные фирмы превращаются в конгломерат самых различных производств и в миниатюре представляют, хотя и не копируют, экономику страны в целом. Процесс деспециализации крупных капиталистических фирм, порожденный узостью рынка и ожесточенной конкуренцией, разумеется, не всегда требует ликвидации основного вида продукции, производимого в рамках крупной корпорации. Ориентация монополии на выпуск всех видов продукции в равной мере и теоретически и практически невозможна. Конкуренция, обуславливая проникновение монополий в различные отрасли производства, вместе с тем ограничивает процесс диверсификации необходимостью выпуска продукции в определенных масшта-

бах при соблюдении таких параметров, как уровень издержек производства, качество и новизна продукции, уровень расходов на научно-исследовательскую работу и т. п. «Многоплановость» современных крупных монополий, т. е. объединение в них многих отраслей производства, часто не связанных технологически или имеющих самую отдаленную связь с их первоначальным или основным профилем производства, — вот что является их характерной чертой по сравнению с монополиями начала XX в.

Крупнейшие автомобильные корпорации США «Дженерал моторс», «Форд» и «Крайслер» в последние годы активно внедряются в электронную и ракетную промышленность, затрачивая большие средства для производства электронной техники, вычислительных машин, сугубо военной продукции. Не жалеют они затрат и для осуществления научно-исследовательских работ, связанных с освоением космического пространства. «Форд» и «Дженерал моторс» являются ныне крупными производителями сельскохозяйственной техники. В последнее время «Форд» проявляет интерес и к производству внутриавтомобильного транспортного оборудования.

Аналогичные примеры можно найти в других империалистических странах. Так, в составе старых металлургических объединений Западной Германии — Круппа, Тиссена, Маннесмана и Флика появились «инородные» предприятия химии, автомобильной промышленности, общего машиностроения. Итальянский «Фиат» в послевоенный период обзавелся химическими, металлургическими предприятиями и т. д. Эволюция же известной французской автомобильной компании «Рено» привела к тому, что наряду с автомобилями эта фирма выпускает ныне производственное оборудование для многих отраслей промышленности, тракторы и сельскохозяйственные машины, подвижной состав метрополитена, разнообразные виды пластика, моторы и генераторы, трубы для нефтяной промышленности и т. д.

Разумается, не во всех случаях можно провести четкую границу между процессами комбинирования и диверсификации, но видеть в них различие необходимо. Хотя организация комбинированного производства в рамках фирмы не исключает реализацию части промежуточных продуктов на стороне, процесс комбинирова-

ния ограничивается преимущественно внутренними потребностями фирмы. В отличие от этой формы концентрации, прогресс централизации производства ограничен по существу лишь масштабами всего общественного производства. Поэтому возможности монополизации капиталистического производства посредством его централизации неизмеримо шире возможностей процесса концентрации.

Таким образом, о процессе концентрации производства в современных условиях нельзя судить только по фирменным показателям, характеризующим удельный вес монополий в производственных мощностях, объеме продукции или прибыли. Этого нельзя делать, во-первых, потому, что процесс концентрации производства не ограничен формальными рамками монополий и развивается не только внутри, но и вне последних. Во-вторых, фирменные показатели отражают не только процесс концентрации производства, но и процесс диверсификации, т. е. монополистической централизации производства. В современных условиях не всякое укрупнение масштабов производства в рамках монополий означает его концентрацию, оно может вуалировать его фактическую деконцентрацию. Концентрация производства не тождественна увеличению масштабов производства, которое может быть достигнуто более интенсивным использованием существующих производственных мощностей на всех предприятиях. С другой стороны, рост объема производства на крупных предприятиях в результате освоения выпуска новой продукции, не имеющей технологической связи с основной продукцией этих предприятий, также не означает концентрации производства. Более того, рост производства в данном случае может сопровождаться его деконцентрацией.

Как бы ни изменялись формы и темпы концентрации, остается неизменной ее сущность — рост монополистического контроля над возрастающей долей общественного производства.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ МОНОПОЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

«Монополия — вот последнее слово «новейшей фазы» в развитии капитализма».

В. И. Ленин

Исторический опыт, накопленный за прошедшие 50 лет, полностью подтвердил правильность ленинского исследования монополистического капитализма.

Экономическая сущность империализма состоит в господстве монополий. К этому выводу В. И. Ленин пришел в результате анализа множества фактов и данных, относящихся к концу XIX и к первому десятилетию XX в. Ленинское исследование монополий раскрыло их сущность, закономерности возникновения и роста.

Анализ монополий не был для В. И. Ленина самоцелью. Еще до опубликования ленинского труда «Империализм, как высшая стадия капитализма» о монополиях писали Д. Гобсон, Р. Лифман, Ф. Кестнер и другие. Но указанные экономисты в силу своего классового положения не смогли разглядеть то принципи-

ально новое, что внесло в структуру производственных отношений капитализма появление монополий. В. И. Ленин же подошел к исследованию монополий прежде всего с целью выявления того, какие изменения внесло их возникновение и развитие в исторические судьбы капитализма как общественного строя. Поэтому в названной ленинской работе представляется особо важной заключительная глава — «Историческое место империализма», в которой все исследование монополий, их сущности и разнообразных форм господства синтезировано в положении о том, что монополистический капитализм есть «переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу»¹.

Из такого ленинского подхода к анализу монополий следует, что при выявлении новейших тенденций монополистического капитала нельзя ограничиваться фиксацией внимания лишь на росте господства монополий, надо видеть и то, что усиление монополизации означает ускорение вызревания предпосылок перехода к более высокому общественно-экономическому укладу.

1. РОСТ МОНОПОЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ЦЕЛОМ

«Монополия, — писал В. И. Ленин, — раз она сложилась... с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни...»². Эта тенденция к приращению монополистического капитала во все новые сферы капиталистической экономики особенно ярко выступает в современных условиях.

Насколько далеко пошел процесс монополизации по сравнению с началом текущего столетия, показывает табл. 1.

Разумеется, 725 тыс. рабочих «Дженерал моторс» заняты не на одном предприятии, так же как товары и услуги на гигантскую сумму в 20 млрд. долл. не могут быть произведены на единственном предприятии. В со-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 420—421.

² Там же, стр. 355.

став фирмы «Дженерал моторс» входит множество заводов. Таким образом, данные, содержащиеся в табл. 1, отражают тот факт, что в современных условиях монополистическое господство основывается уже не на отдельных предприятиях, пусть даже очень крупных, а на гигантских комплексах предприятий.

Таблица 1

Три крупнейшие монополистические компании США (1964 г.)*

	«Дженерал моторс»	«Американ телефон энд телеграф»	«Стандарт ойл оф Нью-Джерси»
Активы (млрд. долл.)	11,6	30,9	12,5
Число занятых (тыс.)	725	762	147
Стоимость проданных за год товаров и услуг (млрд. долл.)	20	11,1	11,4
Прибыли (млрд. долл.)			
до уплаты налогов	4,6	4,3	2,6
после уплаты налогов	2,1	1,9	1,0
Дивиденды (млрд. долл.)	1,5	1,1	0,7
Нераспределенная прибыль (млрд. долл.)	0,6	0,8	0,3

* «Fortune», June 15, 1966.

В начале XX в. монополии господствовали лишь в части промышленности, преимущественно в тяжелой индустрии, в ее базовых отраслях. Теперь все материальное производство стало сферой господства монополий, в том числе те отрасли, которые выпускают пищевкусовые товары. Даже в этих отраслях счет выпуска продукции не на миллионы, а на миллиарды долларов. Примером может служить ряд американских компаний (табл. 2).

Только одна компания «Свифт» нанимает более $\frac{1}{6}$ всего количества рабочих, занятых в молочной промышленности³. Таким образом, теперь не только тяжелая индустрия, но и ряд отраслей легкой промышленности отличается высокой степенью монополизации.

³«Statistical Abstract of the United States», 1966, p. 778.

В США показателем высокой степени монополизации является концентрация выпуска значительной части продукции целой отрасли в руках всего лишь четырех компаний. В настоящее время не только в автомобилестро-

Таблица 2

**Монополии в пищевкусовых отраслях промышленности США
(1964 г.)***

Компании	Активы (млн. долл.)	Количество занятых (тыс.)	Годовой оборот (млн. долл.)	Прибыль (млн. долл.)
«Свифт»	639	53	2610	25
«Нэшнл дэари продактс» .	825	45	1920	45
«Проктер энд Гэмбл» . . .	1293	35	1914	131
«Армор»	504	34	1887	23
«Дженерал фудс»	725	30	1338	84
«Борден»	677	36	1293	73
«Рейнолдз тобэко»	1019	14	938	124

* «Statistical Abstract of the United States». N. Y., 1966, p. 778

нии всего четыре компании сосредоточивают не менее 75% общего выпуска автомашин, но и в такой отрасли, как табачная промышленность, на долю четырех компаний приходится 79% всей продукции⁴.

Процесс монополизации захватил и сельское хозяйство. В настоящее время есть основания говорить о том, что верхушка аграрного капитала перерастает в монополистический аграрный капитал. Например, в США 1200 сельскохозяйственных предприятий, каждое с годовой продукцией в 500 тыс. долл. и более, дают вместе взятые больше сельскохозяйственной продукции, чем миллион мелких ферм. Крупнейшие из указанных 1200 сельскохозяйственных предприятий могут систематически получать прибыль более высокую, чем средняя прибыль в сельскохозяйственном производстве, хотя бы только потому, что благодаря высокому уровню концент-

⁴ «Statistical Abstract of the United States», 1966, p. 223.

рации издержки производства на них ниже обычных. А при современном процессе общественного разделения труда в сельском хозяйстве, при его расчленении на узкоспециализированные отрасли крупнейшие сельскохозяйственные корпорации могут в известных пределах диктовать цены рынку в рамках определенного экономического района.

В США это, несомненно, относится к таким компаниям, как, например, «Керн — Каунти лэнд», владеющей 445 тыс. га земли, «Андерсон, Клейтон энд компани», хлопковые плантации которой раскинулись на площади в 10,5 тыс. га, «Джорджио фрут корпорейшн», владеющей плодовыми и овощными плантациями в Калифорнии площадью в 8,8 тыс. га. Характерная для ряда отраслей американской промышленности концентрация решающей части производства в руках всего только четырех фирм имеет место и в производстве некоторых видов сельскохозяйственной продукции, например, в птицеводстве. Еще в 1958 г. четыре крупнейшие фермы по производству бройлеров контролировали выращивание 80—90% цыплят⁵.

Не только материальное производство, но и производственная сфера стала ареной господства монополий. До первой мировой войны не было оснований говорить о монополиях в области торговли. В дальнейшем они появились. А в настоящее время имеются торговые монополии, которые по размерам своих активов превосходят даже крупнейшие промышленные компании. Активы американской торговой фирмы «Сирс, Робек» достигли в 1965 г. 5 млрд. долл., т. е. примерно 40% общей суммы активов «Дженерал моторс» — одной из крупнейших промышленных компаний⁶.

Наблюдается тенденция к перерастанию промышленных монополий в промышленно-торгово-финансовые. В США крупнейшие автомобильные, электротехнические, пищевые и другие монополии держат в руках не только выпуск соответствующей продукции, но и ее перевозку, оптовую и розничную продажу, техническое обслуживание (например, ремонт автомобилей, телевизоров).

⁵ «Facts for Farmers», 1959, October.

⁶ «Fortune», 1966, July 15.

Банковские монополии — не новое явление, равно как и слияние банковских и промышленных монополий. Как показал В. И. Ленин, из их слияния, сращивания образуется финансовый капитал. Но ново то, что крупнейшие промышленные компании создают собственные банковские фирмы, осуществляющие, например, сделки по потребительскому кредиту.

В. И. Ленин писал о монополиях, как о предприятиях «столь громадных, что они господствуют во *всей* данной отрасли промышленности...»⁷. Наряду с этим он отмечал и тенденцию к комбинированию, т. е. к соединению в рамках одной фирмы производства продукции данной отрасли и товаров, выпуск которых является делом других отраслей.

Хотя в начале XX в. эта тенденция еще только обозначалась, В. И. Ленин придавал ей большое значение как форме монополистической мощи. Ныне комбинирование производства получило широкое распространение, развивается диверсификация.

Если в комбинате соединяется производство смежных отраслей (например, выплавка чугуна из руды, переделка чугуна в сталь, производство тех или иных готовых продуктов из стали), то диверсификация означает развитие многоотраслевых монополистических фирм, которые неслучайно называются конгломератами, ибо они охватывают предприятия самых различных отраслей, часто технологически не имеющих между собой ничего общего. Упомянутые выше американские монополии «Армор» и «Свифт» выпускают кроме мясных консервов, что является их давней специализацией, еще и разнообразные химические продукты, а также строительные механизмы, электронно-измерительные приборы и другие виды оборудования.

Такой же характер носит японская монополия «Тосиба». В списке 200 крупнейших неамериканских мировых монополий она стоит на 26 месте. Обычно о ней говорят как об электротехнической фирме. Это японский аналог американской «Дженерал электрик». И действительно, «Тосиба» выпускает много электротехнических

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 231.

товаров. Но даже перечень главных товаров, выпускаемых предприятиями этой монополии, насчитывает около 200 наименований — от атомных реакторов до стиральных машин и пишущих машинок. Такой же многоотраслевой характер носит монополия «Мицубиси Геви индастриз», продукция которой простирается от громадных танкеров водоизмещением в 180 тыс. т до самолетов.

Через комбинирование и особенно диверсификацию монополии увеличивают свою мощь, расширяют свои возможности диктовать рынку цены и, следовательно, извлекать монопольную сверхприбыль.

В период, когда В. И. Ленин создавал труд «Империализм, как высшая стадия капитализма», государственно-монополистические предприятия еще не занимали сколько-нибудь значительного места в экономике капиталистических стран. Теперь государственно-монополистическое предпринимательство приобрело большие размеры. Во Франции в руках государства находится почти вся угольная и газовая промышленность, около 80% электронной и авиационной промышленности, более двух третей производства автомобилей и химических удобрений, крупнейшие кредитные учреждения. В США структура государственной собственности характеризуется следующими данными: общая сумма активов составляет 351 млрд. долл., в том числе военное имущество — 171 млрд. долл., собственность государственных учреждений — 50 млрд. долл.; золото, другие денежные ценности и средства финансовой системы — 83 млрд. долл.; земля — 19 млрд. долл. и прочие виды государственного имущества — 28 млрд. долл.⁸ Государственное предпринимательство по темпам роста опережает частное. С 1955 по 1965 г. затраты на строительство в государственном секторе возросли на 73%, в частном — на 37%⁹.

Переход от домонополистического капитализма к империализму означал образование прежде всего национальных монополий. Широкая полоса их развития последовала уже после экономического кризиса 1873 г. В дальнейшем стали возникать международные монополии, как

⁸ «U. S. News and World Report», 1966, April 18, p. 18.

⁹ «U. S. News and World Report», 1965, November 22, pp. 62—63.

соглашения о разделе мировых рынков сбыта, сырья и капиталов между национальными монополиями. В. И. Ленин характеризовал их возникновение, как новую ступень в развитии монополистического капитала. Международные монополии являлись мировыми в том смысле, что они устанавливали контроль над сбытом и в известной мере над производством товаров данной отрасли, взятой в мировом масштабе.

К настоящему времени международные монополии сильно развились. К числу современных особенностей монополистического капитала относится то, что не только международные монополии являются мировыми, но и ряд национальных монополий вырос до уровня мировых.

Если взять суммарный оборот 10 самых крупных автомобилестроительных компаний капиталистического мира, который в 1964 г. составил 39,2 млрд. долл., то на долю «Дженерал моторс» приходилось 17,0 млрд. долл. (т. е. 43% всей суммы оборота 10 компаний), на долю «Форд моторс» — 9,7 млрд. долл. (т. е. около 25% общей суммы оборота)¹⁰. Ясно, что «Дженерал моторс» и «Форд», вне зависимости от международных соглашений, стали мировыми монополиями в силу гигантских размеров своего производства и сбыта.

К числу таких монополий можно с полным основанием отнести нефтяную компанию «Стандарт ойл оф Нью-Джерси», сталелитейную «Юнайтед стейтс стил» и ряд других фирм, американских и неамериканских. Список 100 крупнейших монополий США по итогам 1966 г. заканчивается текстильной компанией «Стивенс» с годовым оборотом по продажам в 805 млн. долл. Список 100 крупнейших неамериканских монополий капиталистического мира замыкает японская компания «Тоё Рэйон» (главные виды продукции — синтетические товары), объем продаж которой составил в 1965 г. 463 млн. долл.¹¹. Даже с учетом падения покупательной способности доллара эта сумма намного превосходит совокупный объем продаж американской фирмы «Дженерал электрик» и немецкой АЭГ в 1907 г., ознаменовавшемся для

¹⁰ «Fortune», 1965, July, August; «Europe face à la concurrence des entreprises mondiales». Losanne, 1965.

¹¹ «Fortune», 1966, July.

этих компаний вступлением в международное монополистическое соглашение.

Следует учесть, что «Дженерал моторс» и подобные ей компании приобрели значение мировых монополий в силу размеров производства не только в рамках своей страны, но и вследствие экспансии в экономику других стран. Такие компании имеют в других странах свои филиалы и вдобавок к этому скупают акции иностранных фирм; через те банки, с которыми они тесно связаны, ставят иностранные фирмы в определенную зависимость.

Действуя подобным образом, «Дженерал моторс» и «Форд» захватили около $\frac{2}{5}$ рынка автомобилей в Англии и в ФРГ. То же самое следует сказать и о крупнейших неамериканских монополиях. Посредством разнообразных методов экономической экспансии усиливают свое значение в качестве мировых монополий английская компания «Империял кемикл индастриз», западногерманская фирма «Сименс» и ряд других.

Монополистический капитал персонифицирован в лице представителей финансовой олигархии, которые и теперь, как и полвека назад, по численности занимают небольшое место даже в составе буржуазии. Из данных экономистов ГДР видно, что в 1962 г. в ФРГ численность буржуазии составляла 2 млн. 746 тыс. человек (включая членов семей). На долю финансовой олигархии приходилось 850 человек, крупных предпринимателей — 15 тыс. человек, управляющих крупнейшими акционерными компаниями, высокопоставленных деятелей государственного аппарата и высокооплачиваемых служащих и чиновников — 930 тыс. человек, немонополистической буржуазии — 1 млн. 800 тыс. человек¹². Финансовая олигархия составляет, таким образом, 0,00004% всего состава буржуазии.

Но несмотря на ничтожный удельный вес семей богатейших капиталистов, их абсолютное число растет. В США доля семейств миллионеров в общем числе семейств составляла в 1965 г. не более 0,15%. Однако если в 1948 г. в этой стране насчитывалось 13 тыс. миллионеров, то уже в 1953 г. их число составляло 27 тыс., а в

¹² «Imperialismus Heute» Berlin, 1966, S. 612.

1965 г. достигло 90 тыс.¹³. Даже с учетом уровня того, что со времени второй мировой войны доллар обесценился примерно наполовину, можно видеть, что количество миллионеров возросло в США за два десятка лет в несколько раз. Строго говоря, лишь несколько сот наиболее богатых из них относится к финансовой олигархии, т. е. к той верхушечной части буржуазии, в руках которой сосредоточена основная масса экономических ресурсов страны. В 1953 г. личный капитал в 10 млн. долл. и выше имели лишь 646 из общего числа 27 тыс. миллионеров¹⁴. Все же рост числа миллионеров выражает тенденцию к известному увеличению численности финансовой олигархии. К тому же следует иметь в виду, что определенную прослойку финансовой олигархии составляет ныне и верхушка управляющих, получающих баснословные оклады, дивиденды от принадлежащих им акций и другие доходы, которые в сумме порой не уступают прибылям владельцев крупнейших фирм.

2. ОСОБЕННОСТИ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ

В работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» развитие монополистического капитала анализируется главным образом по тем данным, которые относились к США и Германии. Это неслучайно, ибо в начальной фазе империализма монополии развивались в первую очередь в указанных странах. За истекшие десятилетия монополистический капитал развивался и вширь. Сейчас монополии произрастают не только на американской или британской почве, но и на испанской, мексиканской и даже индийской. Такое распространение процесса монополизации на все более широкий круг стран представляет собой важный момент в характеристике современного мирового империализма.

¹³ «U. S. News and World Report», 1965, October 12, p. 119.

¹⁴ См. С. М. Меншиков. *Миллионеры и менеджеры. Современная структура финансовой олигархии США*. М., «Мысль», 1965, стр. 30.

Но отмечая этот момент, нельзя, конечно, упускать из виду, что между монополиями, скажем, Западной Германии, с одной стороны, и Бразилии, с другой стороны, имеются существенные различия. В структуре мирового монополистического капитала существует сложная иерархия, система господства и подчинения. Монополии относительно слабых стран находятся в зависимости от крупнейших мировых монополий. Существуют немалые различия и между монополиями более или менее одинаково развитых империалистических стран.

В советской литературе отмечалось, что на современном этапе по сравнению с начальным периодом текущего столетия произошла определенная нивелировка государственно обособленных империализмов. Мысль эта правильная, но только в определенном аспекте. Конечно, теперь уже нет основания определять специфику французского империализма, как ростовщического, в отличие от британского империализма, как колониального. Но эту мысль о нивелировке нельзя абсолютизировать. Отошли в прошлое прежние отличия империализмов разных стран, но появились новые различия. И эти различия обнаруживаются в разных аспектах.

Возьмем, например, Японию и Западную Германию. По степени монополизации между этими странами много общего. А по степени милитаризации экономики много различий. Каждый империализм агрессивен. Но совершенно очевидно, что степень агрессивности западно-германского империализма не идет в сравнение с относительно слабо выраженной сейчас агрессивностью японского империализма. В каждом государственно обособленном империализме имеются общие черты, свойственные империализму вообще, и имеются черты особенные и даже единичные.

Методология ленинского анализа империализма требует выделения общих тенденций, характерных для империализма в целом, и в то же время выяснения специфических особенностей империализма каждой отдельной страны. Если в одних отношениях произошла известная нивелировка империализма, то в других отношениях имеет место их дифференциация. Учитывать это требуют и методология ленинской теории империализма, и интересы внешней политики нашего государства. Было бы, например, очень важно вскрыть причины,

обусловившие в последние годы определенные сдвиги во внешней политике Франции. Нельзя, конечно, сводить все дело только к экономике. Но в конечном счете первопричины кроются в экономике, в новых особенностях монополистического капитала Франции. На подобные вопросы, относящиеся к специфике империализма разных стран, советская экономическая литература еще не дает достаточно удовлетворительных ответов.

А между тем, заглядывая в специфические моменты развития империализма в той или иной стране, мы подчас обнаруживаем удивительные черты. Возьмем для примера Японию. Темпы развития ее экономики намного выше темпов роста любой другой капиталистической страны. Чем это объясняется? Причин тут много, они должны быть рассмотрены в специальной работе. Но оказывается, что среди этих причин немаловажное место занимают некоторые структурные особенности монополистического капитала Японии.

В Японии мелкие и средние предприятия с числом занятых от 1 до 300 человек сосредоточивают более $\frac{2}{3}$ всего числа занятых и производят около половины всей промышленной продукции. Это еще раз показывает, насколько прав был В. И. Ленин, когда критиковал теорию «чистого империализма» Бухарина. Абсолютной монополизации не было 50 лет назад, нет ее и теперь. Но ленинская критика теории «чистого империализма» отнюдь не означала, что В. И. Ленин исходил из того, что мелкое предпринимательство при империализме представляет собой сектор экономики, независимый от монополий. Мелкое предпринимательство существует лишь в общих рамках господства монополий, оно составляет элемент монополистической экономики, важный источник монополистической сверхприбыли.

Невозможно разделить высказанного в литературе мнения, согласно которому монополистическая сверхприбыль есть лишь перераспределенческая категория¹⁵. Монополистическая сверхприбыль—это категория не только и даже не столько распределения, сколько производства. Это относится и к мелкому предпринимательству как к источнику сверхприбылей монополий. В Японии происхо-

¹⁵ Е. Варга. *Очерки по проблемам политической экономики капитализма*. М., «Мысль», 1965, стр. 168.

дит не просто перекачка прибыли из мелких предприятий в монополию через систему монопольных цен. Отношения там более прямые. Возьмем для примера автомобильный завод компании Ниссан, производящей около 500 тыс. автомобилей в год, примерно $\frac{1}{4}$ всего выпуска автомобилей в Японии. Разумеется, все основные производственные операции осуществляются на предприятиях самой компании. Но наряду с этим для компании работают более 4 тыс. мелких предприятий, изготавливающих детали автомобилей из материалов, принадлежащих компании. Компания же дает ссуды на поддержание оборудования мелких предприятий. В отличие от других империалистических стран, где между монополистическими компаниями и мелкими предприятиями существуют отношения подрядчиков и субподрядчиков, в Японии мелкие предприятия очень часто являются как бы мельчайшими филиалами монополий. Во всяком случае в автомобильной компании Ниссан дело обстоит именно таким образом. Владелец мелкого предприятия в сущности не хозяин его, а приказчик компании. Почти вся прибыль предприятия, за вычетом небольшой доли в пользу владельца, поступает компании и не через рыночную сферу, а через отношения, складывающиеся в большей мере непосредственно в сфере производства. Это повышает норму прибыли компании, а также ее конкурентоспособность и позволяет ей успешно противостоять иностранной конкуренции. Вот одна из причин относительно высокой конкурентоспособности японских монополий, что составляет одну из причин относительно быстрых темпов развития японской экономики.

Приведенный пример достаточно наглядно иллюстрирует большую значимость учета специфики монополистического капитала каждой отдельной страны.

3. МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ ДВУХ СИСТЕМ И СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Отмеченные выше явления дают представление о масштабах роста мощи монополистического капитала в промышленно развитых капиталистических странах за последние десятилетия.

Как реагируют на этот факт буржуазные экономисты? Отнюдь не единодушно. Одни из них стараются преуменьшить и тем самым замаскировать рост монополий, отрицают монополистическую сущность крупнейших компаний (Э. Чемберлин, А. Каплан в США) или доказывают якобы происходящую «деконцентрацию капитала» (Н. Калдор в Англии), упрочение «социального рыночного хозяйства», характеризующегося будто бы «свободой рынка, свободными ценами» (В. Ойкен, В. Репке в ФРГ). Другие, наоборот, подчеркивают рост могущества монополистического капитала (М. Фридман в США), заявляя, что этот факт говорит якобы об укреплении капитализма как общественного строя. Сторонники такого взгляда, в частности, говорят: в 20-х годах марксисты признавали стабилизацию капитализма; разве современная действительность, характерная тем, что монополистический капитал достиг невиданного могущества, не дает еще больше основания говорить о стабилизации капитализма?

Экономисты, подобные М. Фридману, явно хотели бы выдать размеры активов «Дженерал моторс» за показатель прочности капиталистической системы.

В действительности же, о какой стабилизации капитализма может идти речь в условиях, когда он потерял большую часть мировой территории и мирового населения и ему противостоит мировая система социализма, когда развалилась колониальная система, серьезных успехов добилось рабочее движение, на новую ступень поднялось мировое коммунистическое движение?

Но могут возразить: верно, конечно, что монополистический капитализм серьезно ослабел по сравнению с довоенным временем. Ну, а каково его современное состояние по сравнению с начальным периодом, последовавшим после окончания второй мировой войны? Нет ли оснований при таком сравнении говорить об относительном усилении капитализма?

На первый взгляд, ответ на такой вопрос представляется утвердительным. При этом как будто бы можно было сослаться не только на отмеченные выше явления, свидетельствующие о росте мощи монополий, но и на такие факты, как рост производства в главных капиталистических странах; то, что в некоторых из них на протяжении всего послевоенного периода еще не было резко

выраженного общего кризиса перепроизводства; новые формы межимпералистических отношений типа «Общего рынка» и т. д.

И все же утвердительный ответ на поставленный вопрос был бы неправильным, ибо это означало бы забвение того, что в современных условиях состояние капитализма надо определять, исходя не только из мощи монополий, но и из мирового соотношения факторов, действующих в пользу монополий и против них.

Если исходить не только из величины активов крупнейших монополий, не только из стоимости ежегодно продаваемых ими продуктов, не только из показателей, непосредственно характеризующих современное состояние капитализма, то для утверждения об усилении капитализма не останется никакого места. Зато бросается в глаза другое явление: монополистический капитал стремится приспособиться к новым условиям.

Как известно, ни один общественный строй не сходит с исторической арены прежде, чем его низвергнет революционный класс, борющийся за новый, более прогрессивный способ производства. Разумеется, это относится и к монополистическому капитализму. Где и поскольку он еще существует, там и постольку он стремится удерживать свои позиции и приспособиться к новым условиям.

Капитализму приходится искать пути и формы приспособления к новым условиям экономического соревнования двух систем, особенно в новейших отраслях производства, техники, науки. В некоторых из них Советский Союз занимает передовые позиции. У монополистов имеются все основания опасаться, что мы сможем оставить капитализм позади во всех важнейших областях; они понимают, что это было бы крупнейшим стратегическим поражением монополистического капитала. Естественно, монополисты не хотят этого допустить. Но это требует громадных капиталовложений в исследовательскую деятельность, в разработку новых видов техники. Такие инвестиции окупают себя лишь в продолжении ряда лет. Частному монополистическому капиталу это не всегда выгодно. Но тут на сцену выступают государственно-монополистические процессы. В США в 1964 г. из общей суммы в 13,3 млрд. долл., затраченных на промышленные научно-технические исследования и внедрение их результатов в производство, государством было

израсходовано 7,6 млрд. долл., а частными компаниями — лишь 5,7 млрд. долл.¹⁶.

Монополистический капитал вынужден искать пути и формы приспособления к новому уровню и характеру производительных сил. Необходимость такого приспособления стала возникать для капитализма США в прошлом столетии. К. Маркс в «Капитале» отмечал: «Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ осуществила это в один миг»¹⁷. Акционерные общества стали, таким образом, формой стихийного приспособления капитализма к новой ступени в развитии производительных сил.

Но тогда могла идти речь лишь о тех производительных силах, которые были адекватны капиталистическому способу производства. Ныне же монополистический капитал должен перестраиваться и пытаться приспособиться к тем производительным силам, которые вызваны к жизни современной научно-технической революцией и которые по своему уровню и характеру выходят за пределы капитализма и становятся все более адекватными коммунистическому способу производства.

Было бы неправильным не учитывать, что монополии еще не обладают определенными возможностями приспособления к современным производительным силам. Для иллюстрации этих возможностей приведем несколько примеров.

Монополистическое использование новой техники, ее внедрение в предприятия — поскольку оно рентабельно лишь при условии соответствующего увеличения выпуска продукции, — влечет за собой рост производства, что при ограниченности платежеспособного спроса населения увеличивает опасность перепроизводства. Правда, монополистические фирмы могут до известной степени заранее учитывать размеры спроса. Капиталист домонополистической эпохи выпускал продукцию на неизвест-

¹⁶ «Statistical Abstract of the United States», 1966, р. 544.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 642.

ный рынок. Уже в начале XX в. положение изменилось. В. И. Ленин писал, что монополиями «производится приблизительный учет размеров рынка»¹⁸. С тех пор возможности монополий в этом смысле в большей мере возросли. Крупнейшие из них располагают научно-исследовательскими экономическими институтами, лабораториями, оснащенными современной вычислительной техникой, что позволяет получать определенные прогнозы относительно перспектив рынка.

Следовательно, современные монополистические фирмы выпускают продукцию на более или менее известный им рынок. Все же существуют объективные границы платежеспособного спроса, созданные самой природой капитализма. Но тут опять-таки вступают в действие современные государственно-монополистические процессы. С одной стороны, государство, закупаая часть товаров, в определенных условиях расширяет спрос. В США в 1965 г. валовой национальный продукт был оценен официальной статистикой в 681 млрд. долл., а государственные закупки товаров и услуг составили сумму в 136 млрд. долл. С другой стороны, государство своими действиями в определенных ситуациях старается ограничить предложение товаров.

Современная техника требует новых форм управления производством. В эпоху домонополистического капитализма концентрация капитала как бы совпадала с концентрацией производства. Как правило, капиталист весь свой капитал вкладывал в одно предприятие. Но в современных условиях монополиям необходимо определенное оптимальное соотношение между концентрацией капитала и концентрацией производства. В 1966 г. активы «Дженерал моторс» достигли суммы в 12,9 млрд. долл.¹⁹. Если бы вся эта сумма была вложена в одно предприятие, то получился бы производственный сверхгигант, технически не управляемый и экономически не рентабельный. Но «Дженерал моторс» имеет не одно, а 89 основных и ряд вспомогательных предприятий, разбросанных по всей стране. Чтобы облегчить управление

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 27, стр. 320.

¹⁹ «Fortune», 1966, July.

ими, в рамках компании «Дженерал моторс» созданы филиалы — «Шевроле», «Понтиак», «Олдсмобил», «Кадиллак», «Бьюик».

В Японии, как и в других странах империализма, можно видеть еще одну попытку монополистического капитала приспособиться к новым условиям. Речь идет о том, что мы называем капиталистическим государственным программированием экономики.

В советской литературе вопрос о государственном программировании экономики в капиталистических странах уже получил известное освещение. Многие подмечено правильно. Хотелось бы подчеркнуть, что посредством государственного программирования экономики современный монополистический капитал пытается приспособиться к особенностям и характеру современных производительных сил.

Вместе с тем важно отметить противоречие, перед которым здесь оказывается монополистический капитал. Эту форму приспособления к новым условиям он может использовать лишь сугубо ограничено. В статье «Экономическое планирование в Японии», написанной деятелем «Экономического планового агентства» профессором Сисида, автор утверждает, что Япония — страна «смешанной» экономики; она состоит из государственного и частного секторов. Далее он признает, что даже применительно к государственному сектору планирование наталкивается на серьезные трудности. Что же касается частного сектора, а он решительно преобладает, то по отношению к нему государственный план является не чем иным, как всего лишь «указателем пути» (guide post). Поэтому нельзя согласиться с утверждениями некоторых японских профессоров-экономистов, считающих себя марксистами, о том, что монополистический капитал будто бы переживает трансформацию, что якобы происходит процесс превращения анархического монополистического капитализма в монополистический плановый капитализм. Изменения в монополистическом капитале произошли существенные, но природа его осталась прежней, анализ которой дал В. И. Ленин.

Нам представляется неверным и то мнение, высказанное в советской экономической литературе, согласно которому наблюдаемая в современной капиталистической экономике тенденция к планомерности будто бы

ведет к уменьшению анархии производства⁹. На наш взгляд, дело обстоит иначе. К анархии капиталистического производства ныне, конечно, нельзя подходить с той же меркой, что и несколько десятилетий назад. Есть внутрифирменное планирование. Поскольку имеются монополии, то имеется тенденция к перерастанию внутрифирменного планирования в отраслевое. Крупнейшие монополии в определенной мере работают на известный рынок. Есть государственное программирование экономики. Это не может не влиять на степень анархии производства.

Но имеют место и противоположные явления. Известно, что причиной анархии производства является основное противоречие капитализма. Усиление монополистической концентрации не только не ослабляет, но и усиливает действие этого противоречия. Характерная для современных монополий диверсификация производства, объединение под одним контролем предприятий совершенно различных отраслей производства, приводит к столкновению крупнейших монополистических гигантов. Анархия в рамках отдельных отраслей сохраняется потому, что функционирующие здесь предприятия часто принадлежат разным монополиям. Все это, естественно, снижает эффективность как внутрифирменного планирования, так и государственного программирования.

Программирование не ограничивает капиталистической стихии. Оно представляет собой государственно-монополистическую форму приспособления к анархии. Ведь не государство определяет общий ход капиталистического воспроизводства, а, наоборот, его развитие определяет действие государства в области экономики. В условиях капитализма следует противопоставлять не планомерность анархии, а две группы факторов, из которых одна действует в сторону известного сдерживания анархии, а другая — в сторону его обострения.

Капиталистические производственные отношения сковывают развитие современных производительных сил. Для их неограниченного роста требуется переход к социализму. Между тем приведенные примеры и соображения показывают, что пока капитализм не ликвидирует

¹⁹ «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 12, стр. 89—91.

ван, он ищет и в определенной степени находит формы приспособления к новым производительным силам.

Диалектика капитализма, однако, такова, что формы его приспособления к новым условиям являются в то же время формами углубления его противоречий, развития предпосылок социализма. Это видно хотя бы из следующего примера.

Современные производительные силы нуждаются в том, чтобы управление экономикой осуществлялось из единого центра в масштабе всей страны. Такого рода управление соответствует лишь природе социализма. Но монополии ищут формы централизованного управления экономикой на базе капитализма. Отсюда развитие в главных капиталистических странах государственного программирования экономики, которое, иногда ограничивая частную инициативу предпринимателей, обеспечивает интересы всего класса капиталистов. До невиданной ранее степени доводится обобществление производства, подрывающее основы капитализма. Ныне с особенной актуальностью звучит положение В. И. Ленина о том, что «капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению»²⁰.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 320—321.

НОВАЯ РОЛЬ БАНКОВ ПРИ ИМПЕРИАЛИЗМЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРЕДИТА

«По мере развития банковского дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников в всесильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев...».

В. И. Ленин

1. НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЕ

Вопрос о новой роли банков в эпоху империализма занимает важное место в книге В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», так как на нем основывается анализ финансового капитала и финансовой олигархии. В. И. Ленин, используя огромную литературу и статистические материалы, анализировал такие важнейшие процессы, как концентрация банков и рост банковых монополий; универсализация банков и новые виды банковых операций; формы связей банков с промышленностью; конкуренция в сфере банков и развитие небанковых финансовых институтов; роль фондовой биржи в экономике капитализма.

Один только перечень проблем показывает, что их значение для экономики капитализма чрезвычайно велико и в настоящее время. Многие линии дальнейшего развития кредит-

ной системы капитализма были проницательно намечены В. И. Лениным. В названных областях, естественно, возник ряд новых явлений, которые, однако, полностью подтверждают ленинскую теорию империализма.

Во многих работах советских экономистов, опубликованных за последние годы, исследуются процессы, происходящие после второй мировой войны в монополистической структуре банкового капитала. Довольно детально рассмотрены масштабы, формы и последствия процессов концентрации банков. В частности, раскрыт в его конкретности известный ленинский тезис о том, что банковая система США, несмотря на свойственный ей формально низкий уровень концентрации и многочисленность мелких и средних банков, по существу своему полностью соответствует условиям монополистического капитализма. Выявлена роль многих скрытых и косвенных методов концентрации и монополистического контроля. Анализ структуры финансового капитала, финансово-монополистических групп ведет к уяснению роли банков в этих группах, раскрывает многосторонние и сложные связи между банками и промышленностью. Такая важнейшая форма связи и важнейшая операция банков в эпоху империализма, как эмиссия банками ценных бумаг для промышленности, теперь в ряде случаев не играет столь большой роли, как 50—70 лет назад. Это связано с изменением в финансировании промышленности, с упадком частного рынка ссудных капиталов в результате кризиса 30-х годов, войны и инфляции и т. д. Но в последнем десятилетии отмечается возрождение этой функции банков с рядом закономерных изменений. Характерной чертой этого периода является также растущее международное переплетение ссудного капитала в виде эмиссий ценных бумаг на иностранных денежных рынках, создания международных инвестиционных компаний и т. п. Последний вопрос еще мало исследован в советской литературе.

Имеются, однако, два важных аспекта роли банков в современном капитализме, которые, как представляется, играют в настоящее время особую роль и заслуживают пристального внимания. В известной мере они связаны между собой.

Первый аспект — роль банков и кредитной системы вообще в накоплении реального капитала, в финансиро-

вании капиталовложений. Относительно высокая норма накопления в экономике развитых капиталистических стран после второй мировой войны и большая роль кредита в аккумуляции ресурсов для обеспечения высокой нормы накопления требуют анализа данного явления.

Второй аспект — роль банков в системе государственно-монополистического капитализма, в особенности современные методы использования кредитной системы и кредитной политики в борьбе с экономическими кризисами, в попытках обеспечить устойчивость и сбалансированный рост капиталистического хозяйства.

Несомненны и большая важность указанных проблем и их взаимосвязь. Интенсивная аккумуляция денежного капитала кредитной системой возможна, оправдана и способна реализоваться в капиталовложениях только при условии благоприятной экономической конъюнктуры, когда обеспечивается сбыт продукции, производимой за счет вложенных капиталов. Если в течение последних 15 лет норма накопления в Японии составляла 30% валового национального продукта (а кредитная система играет в этом выдающуюся роль), то лишь постольку, поскольку в указанный период, несмотря на отдельные срывы, в целом имели место высокие и устойчивые темпы роста производства и национального дохода. Теперь в марксистской литературе общепризнано, что одной из важнейших причин этого являются возможности, заложенные в государственно-монополистическом капитализме, в его экономической политике, составной частью которой является кредитная политика.

Но имеется и обратная связь. Рост производства и капиталовложений требует ресурсов, которые в товарно-денежной экономике могут быть обеспечены только через механизм денежного накопления. В свою очередь механизм денежного накопления действует через кредитную систему. В послевоенный период государство осуществляет интенсивное и широкое вмешательство в сферу накопления: оно аккумулирует большие финансовые ресурсы через бюджет и государственный кредит, отчасти затрачивая их на финансирование капиталовложений; оно проводит, как правило, мероприятия, направленные на стимулирование накопления в частно-предпринимательском секторе (такой характер носили изменения в налогообложении корпораций в 60-х годах в США);

пожалуй, еще более активно и постоянно государство вмешивается в сферу аккумуляции сбережений населения.

Понятие «сбережения населения» социально крайне неопределенно и неоднородно. Оно включает и ту часть дохода миллионера, которую он не в состоянии истратить на личное потребление и вкладывает, как правило, вновь в акции и другие ценные бумаги, и небольшой вклад рабочего в сберегательной кассе, представляющий деньги, отложенные на «черный день» или для покупки предметов длительного пользования. Однако капиталистическая кредитная система превращает любые сбережения, независимо от их происхождения, величины и формы, в денежный капитал, который используется в конечном счете в интересах монополий.

2. НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА И КРЕДИТНАЯ СИСТЕМА

По подсчетам автора, доля сбережений населения в финансировании валовых капиталовложений в 1957—1961 гг. в главных капиталистических странах составляла: в ФРГ — 38%, в Японии — 36%, в США — 29%, во Франции — 25%, в Англии — 21%. Поскольку очень значительная часть капиталовложений покрывается амортизационными отчислениями предприятий, доля личных сбережений в финансировании чистых капиталовложений была гораздо выше и составляла, например, в США 61%. Характерна также высокая корреляция между сберегаемой долей доходов населения и общей нормой народнохозяйственного накопления. Из числа названных стран первый показатель был самым высоким в Японии (19%) и ФРГ (14%); эти же страны имели и самую высокую норму накопления (соответственно 29 и 23%) и самые высокие темпы роста производства¹. Приведенные цифры показывают, какую большую роль играет аккумуляция личных сбережений в финансировании капиталовложений и обеспечении роста валового продукта и

¹ «Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах». Под ред. А. Г. Милейковско-го. М., «Мысль», 1967, стр. 167.

национального дохода. Такая аккумуляция в основном осуществляется кредитной системой — банками, сберегательными кассами, страховыми учреждениями, а также рынком ссудных капиталов через эмиссию ценных бумаг.

В этой связи следует затронуть вопрос о рантьеризме, который В. И. Ленин считал характерной чертой империализма. Рантьеизм сохранился до настоящего времени, хотя и претерпел известные изменения. Старый, «классический» тип рантье во Франции и Германии был ущемлен или даже ликвидирован инфляцией 20-х и 40-х годов. Для старого типа рантье были особенно характерны вложения в государственные и иностранные облигации, в железнодорожные бумаги и т. п. В США и Англии, где инфляция была меньше, рантье вкладывали свои средства в акции. Но миллионы мелких акционеров целиком или частично потеряли капиталы в кризисные 30-е годы. В США к началу второй мировой войны даже абсолютная численность акционеров заметно уменьшилась по сравнению с 1929 г.

Таким образом, к концу второй мировой войны поле было изрядно «расчищено» от мелкобуржуазного и в известной мере от среднебуржуазного слоя рантье. Вместе с тем в годы войны в США, Англии и ряде других стран среди широчайших масс населения, в основном среди трудящихся, были размещены огромные государственные займы. Увеличились также вклады этих слоев населения в банках. Такой вынужденный и крайне мало доходный «рантьеизм» бурно рос и в послевоенный период, причем в континентальных странах Западной Европы и в Японии его рост начался почти от нуля.

Наряду с этим, конечно, сохранился и укрепился слой крупной рантьерской буржуазии, которая удержала в своих руках крупные пакеты акций и приобрела новые ценные бумаги (в США, в частности, особенно выгодные для богачей облигации штатов и других местных органов власти, не облагаемые налогом). С ростом эмиссий акций и других бумаг и повышением их курсов развивается и паразитический слой мелких рантье.

В целом функция сбережения в определенной мере рассредоточилась в обществе, охватив весьма широкие небуржуазные слои. Однако такое рассредоточение не вызвало понижения нормы сбережения (сберегаемой доли личных доходов населения), что удивило мно-

гих буржуазных экономистов. Ранее считалось аксиомой, что получатели дохода на капитал гораздо более склонны сберегать (накапливать) его, чем получатели заработной платы и других трудовых доходов. Это всегда было одним из «социальных» аргументов в пользу капиталистов, в пользу экономического неравенства, за низкие доходы трудящихся.

Тот факт, что рассредоточение функции сбережения не привело к его падению, в большой мере объясняется необычайным развитием системы кредитно-финансовых учреждений, рассчитанных на аккумуляцию мелких и мельчайших сбережений. Французский экономист М. Сарме, рассматривая вопрос о том, как добиться увеличения роли личных сбережений в финансировании роста экономики, пишет: «В решающей степени это зависит от инфраструктуры финансовых посредников, существующей в стране, и от более или менее интенсивных методов привлечения сбережений»². Приводя американские страховые компании в пример странам «Общего рынка», он отмечает, что «роль современных финансовых институтов состоит не только в том, чтобы брать на себя сбор личных сбережений, но и в том, чтобы наилучшим образом способствовать их увеличению»³. Это очень характерная постановка вопроса: задача не в том, чтобы только собирать сбережения, а в том, чтобы их активно формировать, стимулировать.

К. Маркс и В. И. Ленин указывали на то, что роль сбережений из трудовых доходов может возрастать с развитием капитализма. Анализируя процесс накопления денежного (ссудного) капитала, К. Маркс отмечал, что «в ходе развития капиталистического производства дело действительного сбережения и воздержания..., поскольку оно доставляет элементы накопления, выпадает на долю тех, которые получают минимальное количество этих элементов и зачастую еще теряют свои сбережения, как, например, рабочие при крахе банков. ... Денежный капи-

² M. Sarmet. *L'épargne dans le Marché Commun. Comparaison avec la Grande Bretagne et les Etats — Unis*. Paris, 1963, p. 307.

³ M. Sarmet. *Op. cit.*, p. 309.

талист делает чужие сбережения своим капиталом...»⁴.

В. И. Ленин писал: «В деле обобществления капиталистического хозяйства конкуренцию банкам начинают оказывать сберегательные кассы и почтовые учреждения, которые более «децентрализованы», т. е. захватывают в круг своего влияния большее количество местностей, большее число захолустий, более широкие круги населения». При этом важно то, что «миллиардными капиталами сберегательных касс распоряжаются на деле в конце концов *те же* магнаты банковского капитала»⁵.

Таким образом, буржуазное общество все более возлагает на трудящиеся классы «дело действительного сбережения и воздержания». Какие это имеет социально-экономические последствия?

Статистический парадокс состоит в том, что, если доля трудящихся классов и вообще общественных групп с низкими доходами в совокупных сбережениях растет, то их доля в богатстве (точнее говоря, в совокупных личных активах, включающих все состояние в материальной форме и в форме акций, вкладов, денег и т. п.) отнюдь не увеличивается. По оценке американского статистика Р. Дж. Лампмана, доля лиц, составляющих один процент населения и обладающих самыми богатыми состояниями, в совокупных личных активах возросла с 24% в 1953 г. до 28% в 1961 г.⁶ Есть основания полагать, что эта доля во всяком случае не понизилась после 1961 г.

Это происходит вследствие различных форм, в которых осуществляются сбережения широких масс и верхушки буржуазии, и вследствие специфики фиктивного капитала. Подавляющая часть денежного капитала верхушки буржуазии вкладывается в обыкновенные акции, курсы которых во всех капиталистических странах выросли за последние 15 лет в несколько раз. Рост курсов акций объясняется как накоплением реального капитала, который представляют данные акции, так и рядом специфических причин. Сбережения трудящихся состоят почти целиком из страхования жизни и вкладов в раз-

⁴ К. Маркс. *Капитал*, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 52.

⁵ В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 27, стр. 333, 334.

⁶ «*Business Week*», 27 January 1962, p. 31.

личные сберегательные учреждения. Ясно, что номинальная сумма таких сбережений не меняется, а их реальная величина нередко уменьшается вследствие инфляционного роста цен.

Расширение кредитной системы и совершенствование методов формирования и привлечения сбережений имеют лишь ограниченное значение для аккумуляции денежного капитала буржуазии, рантье, высших групп интеллигенции, но в значительной мере влияют на аккумуляцию сбережений широких слоев населения.

Развитие системы кредитно-финансовых учреждений⁷ связано, конечно, не только с совершенствованием методов аккумуляции сбережений, но и с влиянием других факторов, в частности, модификации и умножения активных операций: расширения жилищно-ипотечного, потребительского кредита, долгосрочного кредитования предприятий, государственной кредитной поддержки определенных секторов и отраслей и т. д. Но аккумуляция сбережений имеет все же первостепенное значение.

Среди кредитно-финансовых учреждений, осуществляющих аккумуляцию сбережений, можно выделить

⁷ Этот термин и связанная с ним трактовка организационных форм финансового капитала вызвали известную полемику. В статье «Современные формы связей банков с промышленностью» автор уже высказывался по этому поводу («Мировая экономика и международные отношения», 1961, № 11, стр. 58). С. М. Меншиков критикует употребление термина «финансовые институты» (он равнозначен термину «кредитно-финансовые учреждения») в работах автора и В. Е. Мотылева, считая по существу, что любые капиталистические предприятия, действующие в сфере денежного капитала, следует считать банками (С. М. Меньшиков. Миллионеры и менеджеры. Современная структура финансовой олигархии США. М., «Мысль», 1965, стр. 200—201). По нашему мнению, для такой критики нет достаточно веских теоретических оснований. Думается, что тезис о том, что финансовый капитал представляет собой сращивание монополистического промышленного и банковского капиталов, несколько не пострадает, если мы отметим, что наряду с банками в собственном смысле слова в этом процессе увеличивается роль других предприятий, осуществляющих контроль над движением ссудного капитала. Рассматривать страховые и инвестиционные компании как виды банков можно лишь совершая ненужное насилие над языком и смыслом слов.

четыре группы: банки; специальные сберегательные учреждения; страховые учреждения и пенсионные фонды; инвестиционные компании.

Высшей стадии развития капитализма наряду с развитой банковской системой свойственна разветвленная и сложная система сберегательных и страховых учреждений, которая, как правило, вырастает позже и медленнее, чем банковая система. В настоящее время система сберегательных и страховых учреждений составляет неотъемлемую черту экономически развитых стран. Характерно, что многие из этих специализированных учреждений (страховые и инвестиционные компании, кооперативные сберегательные учреждения, а также инвестиционные банкирские дома) впервые появились в Англии — стране самого раннего капиталистического развития. Пересаженные еще в XIX и в начале XX в. на американскую почву, они разрослись до огромных размеров. На американские компании страхования жизни приходится около $\frac{3}{4}$ совокупного объема страховых операций в капиталистическом мире. Активы инвестиционных компаний США составляют примерно 60% активов таких компаний во всем мире. Как известно, доля США в совокупной продукции капиталистического мира значительно меньше. Следует отметить, что американский капитал контролирует также страховые и инвестиционные компании в других странах, особенно в Канаде.

Ныне подавляющая часть новых выпусков промышленных акций и облигаций в США не попадает в руки индивидуальных держателей, а оседает в кредитно-финансовых учреждениях. Поскольку индивидуальное владение акциями все же развито в США больше, чем в других странах, объем фиктивного капитала там далеко превосходит как абсолютно, так и относительно его объем в Западной Европе. На конец 1962 г. стоимость выпущенных акций, промышленных облигаций и облигаций местных органов власти в США составляла астрономическую сумму — 670 млрд. долл., что примерно в 9 раз больше, чем в Англии, в 22 раза больше, чем во Франции, в 30 раз больше, чем в ФРГ⁸.

⁸ D. Williams. *The Development of Capital Markets in Europe*. «International Monetary Fund Staff Papers», 1965, March, p. 53.

В таких странах, как ФРГ, Франция, Италия и Япония, главную роль в аккумуляции сбережений играют сберегательные учреждения и коммерческие банки, принимающие сберегательные вклады. Эта система в большей мере находится в руках государства, которое прямо или косвенно регулирует также вложения средств кредитных учреждений. Во многих странах государство применяет различные методы стимулирования сбережений (высокий процент по вкладам, особые премии за долгосрочные вклады, налоговые льготы, льготные условия ссуд вкладчикам и др.). Реклама и пропаганда сбережений поставлены на широкую ногу, в банках и сберегательных кассах внедряется новая счетная и конторская техника, ведутся специальные научные исследования в области психологии сберегателя и т. п.

Исключительно большие размеры, как уже отмечалось, приняла аккумуляция сбережений широких масс населения в Японии. Текущие расходы государственного бюджета в Японии, как правило, полностью покрываются налогами, вследствие чего государство забирает для финансирования неинвестиционных расходов незначительную часть ссудного капитала. Кредитование населения получило еще сравнительно слабое развитие. В этих условиях массы ссудного капитала, накапливаемые банками, сберегательными кассами и страховой системой, могут почти полностью использоваться для финансирования капиталовложений в промышленность и в других секторах народного хозяйства. Государство в различных формах играет ведущую роль в этой сфере.

Характерно, что в Японии структура сбережений приближается к структуре США и Англии: увеличивается объем операций частных страховых компаний и государственных учреждений, занимающихся страхованием жизни, растет число инвестиционных компаний. По сумме активов инвестиционных компаний Япония в 1964 г. вышла на третье место в мире после США и Англии, далеко опередив Францию и ФРГ.

Следует напомнить, что Япония достигла большого роста личных сбережений в условиях относительно низкого уровня реальных доходов населения и низкого уровня жизни, которые значительно ниже, чем в других развитых капиталистических странах. Наряду с опытом других стран это свидетельствует о том, что возможности

аккумуляции сбережений зависят отнюдь не только от абсолютного уровня доходов, но и от ряда других факторов, в частности, от темпов роста доходов. Значение институционных факторов (организация и деятельность кредитно-финансовых институтов) также очень велико.

Экономически аккумуляция значительных масс сбережений населения означает, что накопление в современном буржуазном обществе может выходить за пределы прибавочной стоимости, которая присваивается и перераспределяется между различными группами эксплуататорских классов, и поглощать известную долю стоимости, соответствующей необходимому продукту. Это расширяет базу накопления; создает потенциальные возможности повышения его нормы. Разумеется, действительное осуществление роста нормы накопления зависит также от ряда других важных факторов, особенно от того, насколько способен капитализм в данной стране разрешить проблему реализации.

Указанные явления имеют и большое социальное значение. Еще К. Маркс заметил, что сбережения — это золотая цепь, которой капитал стремится привязать к себе рабочий класс. Рабский, имеющий сбережения в банке, сберегательной кассе и тем более в виде акций, приобретает некоторый материальный интерес в сохранении капитализма, что широко использует социальная демагогия современного империализма. Но потеря сбережений при кризисах, их фактическая конфискация государством в условиях войны, их инфляционное обесценение постоянно напоминают трудящимся о непрочности «благополучия».

3. ГОСУДАРСТВО И БАНКИ

К. Маркс и В. И. Ленин указывали, что банковая система, четко организованная и высоко централизованная по самой своей природе, представляет собой гибкий механизм, создающий форму общего учета и распределения средств производства в общественном масштабе. Вполне естественно, что государственно-монополистический капитализм широко использует эту форму в своих попытках ослабления противоречий капитализма без ликвидации его основ. Банки и кредит всегда были и остаются «классической» сферой государственного вме-

шательства и важнейшим орудием экономической политики империалистического государства, что находит отражение и в буржуазной экономической теории.

Первая мировая война, мировой экономический кризис 1929—1933 гг. и вторая мировая война представляют собой главные этапы развития государственно-монополистического капитализма в кредитной сфере, как и его развития вообще. После второй мировой войны вмешательство государства в эту сферу приобретает ряд новых форм и особенностей. Как уже отмечалось, государство, в частности, взяло на себя в большей или меньшей степени руководство системой аккумуляции сбережений во всех странах и стремится регулировать процесс накопления денежного капитала вообще. Через налоговую систему, регулирование амортизационных отчислений, контроль над распределением прибылей и над эмиссиями ценных бумаг государство стремится оказывать воздействие на финансирование частнокапиталистических предприятий.

Основные проявления государственно-монополистического капитализма в сфере банков и кредита могут быть систематизированы следующим образом.

1. Образование и развитие государственной собственности на кредитные учреждения. Этот процесс идет разными путями, в частности, путем национализации центральных эмиссионных банков (Англия, Франция) и крупных коммерческих банков (Франция). В Италии капитал большинства крупных банков попал в руки государства в 30-х годах в условиях экономического кризиса; ведущая позиция государства в банковской системе сохраняется и после войны. В ряде стран имеются банки, находящиеся в смешанной государственно-частной собственности, причем определяющую роль в их деятельности играет государство. В 30-е годы начался и после войны продолжался процесс создания во многих странах различных специальных государственных банков, чаще всего предназначенных для финансирования определенных секторов и отраслей экономики, — сельского хозяйства, жилищного строительства, внешней торговли и др. Как отмечалось, в большинстве стран (кроме США) в руках государства полностью или частично находится система специализированных сберегательных учреждений. Фонды страховых и сберегательных учреждений в значи-

гельной мере концентрируются в руках или под контролем государства. В косвенной форме государство берет на себя ответственность за деятельность частных банков путем гарантирования их ссуд и депозитов. В США эта система получила большое развитие, в известной мере заменяя прямую собственность государства, более свойственную западноевропейским странам.

2. Вложение значительной части ресурсов коммерческих и центральных эмиссионных банков в государственные ценные бумаги и соответственно сосредоточение в банках значительной доли государственного долга. В периоды мировых войн вся кредитная система ставится на службу целям финансирования войны, причем во время второй мировой войны это проявилось сильнее, чем во время первой мировой войны⁹. После войны доля банковых ресурсов, вложенная в государственные бумаги, как правило, существенно уменьшается в связи с развитием операций банков по финансированию хозяйства¹⁰. Тем не менее связь банков с государственным кредитом остается исключительно тесной. Банки принимают самое активное участие в размещении новых государственных займов и в других операциях с государственным долгом. Одной из важнейших функций центральных эмиссионных банков является поддержка государственного кредита.

3. Государственная регламентация банков и всей кредитной системы, широкий контроль и надзор государства. В свое время такие меры регламентации и надзора были связаны просто с необходимостью предотвращения злоупотреблений: государство должно было защищать

⁹ В США за период 1913—1922 гг. в кредитно-финансовых учреждениях было размещено 36% прироста государственного долга, а в 1940—1945 гг.—67% (R. W. Goldsmith. *Financial Intermediaries in the American Economy Since 1900*. Princeton, 1958, p. 61). В гитлеровской Германии практически все ресурсы кредитной системы в годы войны вкладывались в государственный долг.

¹⁰ В США большие массы государственных облигаций были проданы крупными страховыми компаниями, которые поставили тем самым Федеральную резервную систему и казначейство в весьма трудное положение. Это один из примеров реальных противоречий государственно-монополистического капитализма.

весь класс буржуазии от слишком большой «ловкости» отдельных его представителей. Ныне государство ставит перед собой в этой области несравненно более широкие задачи. Регулирование кредитной системы подчинено коренным экономическим целям. Идет ли речь о мобилизации экономики для нужд войны, о политике «экономического роста», о социальной политике «государства благосостояния»¹¹, соответствующее регулирование кредитной системы рассматривается как необходимая составная часть политики государства. С переходом ряда стран, в частности Франции, к практике экономического программирования в национальном масштабе делаются попытки использования кредитной системы для подкрепления программы.

4. Кредитно-денежная политика центральных банков. В известном смысле эту политику можно считать частным случаем описанного в предыдущем пункте регулирования и контроля над кредитной системой. Однако здесь речь идет об особом по своим целям и методам направлении экономической политики государства, проводимой именно через центральные эмиссионные банки. Рассмотрим основные проблемы кредитно-денежной политики современных центральных банков несколько подробнее.

4. РОЛЬ КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Прежде всего хотелось бы отметить то крайне большое значение, которое придают современные буржуазные экономисты (и отнюдь не только теоретики, но также и практики) кредитно-денежной политике. Американский экономист П. Самуэльсон в своем учебнике политической экономии, в котором, согласно его собственному заявле-

¹¹ Не останавливаясь на этом вопросе специально, надо лишь отметить, что «государство благосостояния» следует рассматривать так же, как форму государственно-монополистического капитализма. Это попытка ослабить социальные противоречия капитализма с помощью системы государственных мер, путем модификации действия рыночных законов и отношений вмешательством государства.

нию, излагаются общепризнанные на Западе идеи, пишет: «Повсюду в свободном (капиталистическом. — *Ред.*) мире правительства и центральные банки показали, что они могут преодолеть резкий спад. Они имеют оружие фискальной политики (расходы и налоги) и кредитно-денежной политики (операции на открытом рынке, дисконтная политика, регулирование нормы законных резервов), с помощью которых они могут воздействовать на факторы, определяющие национальный доход и занятость. Подобно тому, как мы отказались от позиции покорного примирения с болезнями, нам нет необходимости мириться с массовой безработицей... Никогда больше мы не допустим крушения нашей банковской системы и того, чтобы наш народ снова прошел через мучительную дефляцию долгов и эпидемию банкротств»¹². В другом месте он делает такой вывод: «...С помощью соответствующей кредитно-денежной и фискальной политики наша система смешанного предпринимательства может избежать эксцессов бума и резкого спада, может рассчитывать на здоровый прогрессивный рост»¹³.

Итак, утверждается, что государственно-монополистические мероприятия в сфере финансов могут дать современному капитализму гарантию от циклических кризисов. Это, разумеется, не новая концепция, и жизнь много раз доказывала, что коренные причины кризисов лежат в самой сущности капиталистического способа производства, вследствие чего финансовая политика не может устранить неустойчивости капиталистической экономики.

Однако было бы неверно на этом основании отрицать всякую роль финансовой политики государства (этим термином можно объединить как фискальную, т. е. бюджетную, политику, так и кредитно-денежную политику центрального банка). Возможность известной эффективности этой политики определяется тем, что спрос, создаваемый в хозяйстве искусственно с помощью дополнительных бюджетных расходов и расширения кредита, может в известных пределах смягчать проблему реализации. Соответственно обратная политика может несколько

¹² П. Самуэльсон. Экономика. Вводный курс. М., «Прогресс», 1964, стр. 370.

¹³ Там же, стр. 396.

ко ослабить спрос в завершающей, предкризисной фазе подъема. Послевоенная практика, по-видимому, показывает, что удастся более или менее смягчать пароксизмы денежных кризисов с такими свойственными им чертами, как острая нехватка денег для срочных платежей, массовое изъятие вкладов и вызываемые этим банкротства банков и т. п. На этом, собственно, и базируется оптимизм Самуэльсона и других буржуазных экономистов.

Не рассматривая здесь конкретные методы кредитно-денежной политики¹⁴, можно лишь отметить следующее. Три метода, указанные выше в цитате из Самуэльсона (операции на открытом рынке; дисконтная политика, т. е. изменения учетной ставки центрального банка; регулирование нормы резервов, хранимых коммерческими банками в центральном банке), наиболее полно развиты в США. Их распространение в других странах в известной мере связано с заимствованием опыта США.

Основная идея кредитно-денежной политики заключается в том, чтобы воздействовать на способность и готовность коммерческих банков, как правило, частных, соответственно расширять или ограничивать кредитование хозяйства. В условиях недостатка спроса, трудностей реализации, понижения инвестиций принимаются меры для расширения кредита: центральный банк выкупает у банков государственные облигации, давая тем самым средства для увеличения ссуд хозяйству, понижает учетную ставку и тем самым поощряет спрос на кредит, уменьшает резервные нормы, высвобождая ресурсы банков для кредитования хозяйства. С целью ограничения кредита в условиях бума и предкризисного напряжения экономики принимаются обратные меры.

Следует отметить, что все названные меры носят рыночный, косвенный характер. Их цель заключается в том, чтобы сделать для банков выгодным расширение или ограничение их ссуд, оказать соответствующее воздействие на предприятия и других заемщиков. Однако во многих случаях такие меры оказываются недостаточными и

¹⁴ См., например, Л. И. Фрей. *Кредитная и валютная политика капиталистических стран*. т. I, М., «Финансы», 1962.

дополняются прямыми методами регулирования и контроля над кредитом со стороны государства. В США такие методы применялись главным образом в периоды войн, но во многих других развитых капиталистических странах они используются более или менее постоянно. Если речь идет о политике кредитной рестрикции, то обычно используются ограничение потребительского кредита, установление для коммерческих банков лимитов перекредитования в центральном банке, обязательное утверждение центральным банком ссуд свыше определенной суммы и т. п.

Высокая концентрация банков в ряде стран, особенно в Англии, создает особые возможности для прямого «сотрудничества» между центральным банком и крупными частными банковскими монополиями. Банк Англии обычно ограничивается неофициальными рекомендациями частным банкам, но эти рекомендации действуют не хуже формальных циркуляров.

Современная кредитно-денежная политика существенно отличается по своим целям от политики эпохи до первой мировой войны и даже до кризиса 1929—1933 гг. В те времена фактически единственной целью кредитно-денежной политики было оказание воздействия на платежный баланс и международное движение золота. Соответственно почти единственным средством политики было изменение учетной ставки центрального банка. Повышение учетной ставки привлекало иностранные краткосрочные капиталы, а приток капитала вел к улучшению платежного баланса и приливу золота из-за границы. Ныне главной целью кредитно-денежной политики является смягчение экономических кризисов, поддержание устойчивости хозяйства, темпов его роста.

Правда, проблема платежного баланса нередко выдвигается на первый план и оттесняет даже основную цель кредитно-денежной политики. В послевоенный период это особенно характерно для Англии, а в последние годы отчасти и для США. В Англии сравнительно низкие темпы роста производства, отставание от других стран настоятельно требует, с точки зрения самой же буржуазной теории и практики, политики кредитной экспансии, в частности низких ставок ссудного процента и т. д. Но острейшие валютные кризисы заставляют проводить противоположную, так называемую дефляционную, по-

литику. Эта несовместимость целей кредитно-денежной политики является одним из ее важных пороков.

Главное противоречие кредитной политики, как и государственно-монополистического капитализма в целом, состоит в стремлении лечить капитализм, не меняя его основ. Конкретно это проявляется в многообразных формах.

Кредитная политика, направленная на расширение кредита (и, следовательно, на рост производства, капиталовложений и занятости), чаще всего наталкивается на такие препятствия. В условиях серьезной депрессии облегчение условий кредита, как правило, не в состоянии вызвать увеличение спроса на кредит со стороны хозяйства. Такое положение имело место, например, в США в 30-е годы, вплоть до начала второй мировой войны. В общем силы экономического кризиса оказываются слишком большими для сравнительно слабого орудия кредитно-денежной политики. Доступность кредита лишь при определенных конкретных условиях может быть важным фактором в оживлении конъюнктуры.

Расширение кредита и рост денежной массы в некоторых случаях могут вызвать не увеличение производства и занятости, а повышение цен, причем это может иметь место даже тогда, когда в хозяйстве имеются незагруженные мощности и незанятая рабочая сила. Это объясняется рядом особенностей современной капиталистической экономики, в частности, господством в ней монополий и наличием инфляционных тенденций.

Условия значительной инфляции вообще исключают возможность сколько-нибудь эффективной кредитно-денежной политики. Это подтверждено и фактическим опытом капиталистических стран в 1945—1952 гг., когда основные методы кредитно-денежной политики почти не применялись в большинстве стран. Если важнейшим фактором в экономике становятся огромные и растущие военные затраты, как в настоящее время в США, кредитно-денежная политика также неизбежно отступает на задний план.

Однако кредитно-денежная политика центральных банков является важной чертой современного государственно-монополистического капитализма и потому заслуживает пристального внимания экономистов-марксистов.

ИСТОЧНИКИ МОНОПОЛЬНОЙ ПРИБЫЛИ

«Монополия дает сверхприбыль, т. е. избыток прибыли сверх нормальной, обычной во всем свете капиталистической прибыли».

В. И. Ленин

За истекшие 50 лет власть монополий неизмеримо возросла. Они захватили командные высоты во всех сферах экономики капиталистических стран, протянули свои щупальцы в слаборазвитые страны. Используя государственный аппарат, монополии оказывают решающее воздействие на политику буржуазных государств.

В гигантских масштабах возросли прибыли крупнейших монополистических союзов. Очень часто их размер становится соизмеримым с бюджетом целых государств. Так, прибыль корпорации «Дженерал моторс» в 1965 г. составила 2,1 млрд. долл., что превышает бюджет Франции, и представляет собой самую большую прибыль, о которой когда-либо сообщала какая-либо корпорация в прошлом.

Размеры и динамика монопольных прибы-

лей ярко характеризуют экономическую мощь монополий. Поэтому так важен анализ монопольной прибыли, ее источников и способов присвоения.

Но кроме изучения монопольной прибыли с точки зрения практики монополистического господства очень важен и теоретический аспект проблемы. Вопрос о монопольной прибыли является узлом, в который стянуто множество проблем капитализма на его высшей стадии. Проблема взаимоотношения труда и монополистического капитала, сущность монополистического присвоения, особенности ценообразования в условиях монополий, проблемы воспроизводства при империализме — решение этих и многих других проблем невозможно без ясного понимания природы монополистической прибыли.

1. ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК МОНОПОЛЬНОЙ СВЕРХПРИБЫЛИ

В. И. Ленин, отмечая своеобразие господства финансового капитала, подчеркивал, что монополия, возникнув, стремится не к свободе, а к господству. Огромная мощь сконцентрированного в руках монополий капитала дает ей не только экономическую, но и огромную политическую власть в капиталистическом обществе. «Отношения господства и связанного с ним насилия — вот что типично для «новейшей фазы в развитии капитализма», вот что с неизбежностью должно было проистечь и проистекло из образования всемогущих экономических монополий»¹.

Никогда прежде в истории развития капитализма насилие не было в такой мере необходимым подкреплением господства крупнейшего капитала, как в эпоху монополий, хотя вся история капитала есть история его преступлений. Едва ли можно разобратся в существе современного капитализма, не учитывая, что монополии несут с собой гнет, насилие, спекуляцию и прочие высшие достижения «гениев» финансовых проделок. Рассматривая каждую черту империализма, мы неизбежно наталкиваемся на произвол могущественного капитала,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 323.

на грубое попрание законов рынка. В. И. Ленин приводит перечень некоторых средств, которыми пользуются союзы монополистов в борьбе с конкурентами для установления своего безраздельного господства: лишение сырья, сбыта, подвоза, кредита, объявление бойкота. Монополия пролагает себе дорогу, не гнушаясь таким способом, как применение динамита к конкуренту. Такие методы представляют собой насильственное удушение конкурента, действие против экономических законов.

Подобные методы — насилие всякого рода, манипуляции с ценами — являются весьма важными способами получения монопольной прибыли, которые не утратили своего значения и для современных монополистических гигантов.

Сообразно этому в нашей экономической литературе вопрос об источниках монопольной сверхприбыли решается весьма единодушно². Так, в книге Г. Рогинского «Монопольная прибыль» сказано, что первичным ее источником является присвоение неоплаченного продукта труда рабочего, а также присвоение части необходимого продукта. Наряду с этим прибыль формируется и путем перераспределения уже созданной прибавочной стоимости³.

В двухтомном «Курсе политической экономии» МГУ утверждается, что для особой формы сверхприбыли, возникающей на базе господства монополий, «характерен прежде всего процесс *перераспределения*»⁴. В книге академика. Е. Варга «Очерки по проблемам политической экономии капитализма» подобная точка зрения выражена наиболее резко: «...монопольная сверхприбыль в чистом капиталистическом обществе может возникнуть

² Здесь необходимо заметить, что вся прибыль, получаемая монополией, включает в себя помимо обычной средней прибыли также и монополистическую надбавку — сверхприбыль. Проблему представляет природа и происхождение именно этой надбавки, так как закономерности образования средней прибыли известны.

³ См. Г. Рогинский. Монопольная прибыль. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 14—15.

⁴ «Курс политической экономии», т. I. М., Экономиздат, 1963, стр. 586.

лишь в результате неравномерного, не соответствующего величине капитала распределения совокупной прибавочной стоимости или совокупной прибыли. Никакого другого источника быть не может»⁵.

Хотя почти никто из авторов, кроме Е. Варги, не сводит образование монопольной прибыли лишь к перераспределению прибавочной стоимости в пользу монополии и наряду с указанными источниками называют присвоение необходимого продукта рабочего, ограбление народов слаборазвитых и зависимых стран, но по существу эти последние способы получения монопольной прибыли есть не что иное, как перераспределение стоимостей в пользу монополий. Следовательно, различие точек зрения здесь касается не принципиального механизма образования монопольной прибыли, а лишь источника той стоимости, которая является объектом перераспределения (это либо прибавочная стоимость, либо необходимый продукт, либо доход другой страны и т. д.).

Орудием такого перераспределения являются монопольные цены. Монополия, благодаря сосредоточенной в ее руках экономической мощи, обладает способностью длительно отклонять цены от стоимости, улавливая таким образом часть стоимости, которая в условиях свободной конкуренции присваивалась другими владельцами.

Иными словами, собственно монопольную сверхприбыль, т. е. постоянный избыток над средней прибылью, монополия черпает главным образом из других находящихся за пределами данной монополии источников. Основной способ получить эту сверхприбыль — перераспределить созданную стоимость в пользу монополий. На вопрос, что же определяет размер перераспределения, можно получить ответ, суть которого сводится к следующему: это зависит от мощи монополистического капитала, от состояния конкурентной борьбы, от соотношения сил различных классовых групп и т. д.

Как уже отмечалось выше, по данному вопросу нет особых расхождений. Однако такое объяснение не может, на наш взгляд, считаться удовлетворительным, раскрывающим сущность монопольной прибыли.

⁵ Е. Варга. *Очерки по проблемам политической экономики капитализма*. М., «Мысль», 1965, стр. 168.

При рассмотрении источников монопольной сверхприбыли возникает ряд противоречий, вытекающих из объяснения монопольной сверхприбыли исключительно как продукта перераспределения.

1. Перераспределение части необходимого продукта рабочего в пользу монополий, безусловно, является одним из источников присвоения монопольной сверхприбыли. Однако указанный источник нельзя привлечь для теоретического объяснения происхождения монопольной сверхприбыли по следующим соображениям. Заработная плата рабочих на предприятиях монополий выше (иногда значительно), чем на немонополизированных предприятиях. Здесь нет необходимости останавливаться на этом доводе, так как он подробно рассмотрен Е. Варгой⁶. Если же величина заработной платы постоянно находится на уровне ниже стоимости рабочей силы, то в конечном счете снижается соответственно сама стоимость рабочей силы. Заниженная заработная плата постоянно поддерживает круг потребностей рабочего в урезанном состоянии. В конечном счете этот круг становится привычным и определяет теперь стоимость рабочей силы. Таким образом, снова устанавливается соответствие заработной платы стоимости рабочей силы (разумеется, сказанное справедливо лишь до тех пор, пока заработная плата превышает физический минимум, а в развитых капиталистических странах она, как правило, превышает его). Можно, конечно, утверждать, что как только соотношение стоимости рабочей силы и заработной платы восстановится, движение вниз снова повторится, но тогда мы вступим в противоречие с действительностью. Постоянные вычеты из необходимого продукта рабочего затруднили бы воспроизводство рабочей силы в нужном для монополистического капитала качестве — достаточно квалифицированной, чтобы работать с современной техникой, достаточно здоровой, чтобы выдержать бешеный темп труда и т. п.

Здесь возникает вопрос: можно ли объяснить отношения наемного труда и монополистического капитала, исходя из предположения, что все товары, в том числе и

⁶ См. Е. Варга. *Очерки по проблемам политической экономики капитализма*, стр. 164—167.

рабочая сила, продаются по стоимости, или эта предпосылка отпадает в условиях империализма? Может ли рабочий класс предъявить особый счет монополистическому капиталу в том случае, когда стоимость его рабочей силы оплачена полностью; является ли он в этом случае объектом специфической монополистической эксплуатации?

2. Одним из источников монопольной сверхприбыли может быть, очевидно, перераспределение прибылей. «Процесс перераспределения прибыли происходит и внутри монополистического капитала. Оказавшись в благоприятном положении, та или иная монополия может захватить часть прибыли других монополий»⁷.

Однако в абстрактно-теоретическом анализе приходится считаться с тем, что завышенная против стоимости цена на товары у монополии-продавца, приносящая монопольную сверхприбыль, оборачивается соответствующей потерей, как только эта монополия превращается в покупателя. Прибыль и потери взаимно погашаются.

Подобное соображение стоит принять во внимание, так как значительная часть монополий имеет сравнительно небольшой процент продукции, продаваемой непосредственно потребителю. Их покупателями являются другие крупные монополисты. Например, сталелитейные концерны США $\frac{4}{5}$ своей продукции продают непосредственно крупным промышленным фирмам. «Юнайтед стейтс стил» в связи с этим даже сочла возможным перестроить систему сбыта продукции и, централизовав его, сократила наполовину свои торговые конторы. Безусловно, перераспределение части монопольной прибыли имеет место, особенно это касается вновь возникших монополий у новых источников сырья или в новых сферах производства. Так, в последние годы в число наиболее мощных монополий вошла корпорация «Интернешнл бизнес мэшинз», которая производит $\frac{3}{4}$ электронных вычислительных машин. Ее монопольное положение в новой отрасли производства позволяет реализовать продукцию (подавляющая часть которой поступает на предприятия монополий) по высоким ценам и тем самым брать некоторую

⁷ «Курс политической экономии», т. I, стр. 586.

дань с прибыли других монополий. Но такой источник монопольной прибыли нельзя рассматривать как постоянный и закономерный. В какой степени возможность для монополий обогащаться за счет своих собратьев ограничена, свидетельствуют такие факты. Как правило, в составе крупных концернов существуют предприятия, изготавливающие инструменты и оборудование для собственных нужд. Это характерно для случаев, когда возникает угроза переплачивать за них при покупке у других монополий.

При реализации товаров монополии наталкиваются на жесткие границы повышения товарных цен, когда речь идет о продаже их другим монополиям. Так, негласно организованный рудный картель в США в конце 30-х годов взвинтил цены на железную руду, но встретил серьезное сопротивление со стороны крупнейшего потребителя железной руды — монополии Форда. Форд не был намерен платить высокую цену за железо и урезать свою прибыль в пользу железорудного картеля. Он пригрозил избавиться от продавца железа созданием собственных железорудных предприятий. Угроза подействовала, цена была снижена, и автомобильный король был избавлен от необходимости платить монопольную цену⁸.

3. Путем перераспределения в пользу монополий поступает часть чистой прибыли немонополистических предпринимателей. Однако если монопольная сверхприбыль постоянно образуется путем изъятия части средней прибыли немонополизированных капиталистов, то остается неясным, каким образом последним удастся осуществлять процесс расширенного воспроизводства, поддерживать техническое оснащение своих предприятий на более или менее современном уровне, участвовать в конкурентной борьбе в достаточной степени успешно (иначе им пришлось бы прекратить свое существование довольно быстро) и, наконец, осуществлять капиталистическое личное потребление. Этот вопрос закономерен в условиях, когда большая часть товаров производится в рамках монополий. В США $\frac{2}{3}$ промышленной продук-

⁸ См. С. Л. В ы г о д с к и й. *Очерки теории современного капитализма*. М., Экономиздат, 1961, стр. 105.

ции реализуется монополиями или предприятиями, входящими в их систему. Поэтому вычет из средней прибыли немонополизированных предприятий (достаточно большой, чтобы быть источником монопольной сверхприбыли) может поставить под угрозу накопление, а следовательно и существование немонополизированных предприятий. А между тем статистика показывает, что хотя доля немонополизированных предприятий в объеме производства падает, количество их тем не менее растет, свидетельствуя о их жизнеспособности.

4. Существуют внешние источники монопольной сверхприбыли — ограбление народов слаборазвитых стран. Однако с точки зрения абстрактной теории воспроизводства весьма важно выяснить, каким образом монополии обеспечивают сверхприбыль за счет внутренних источников. Следует также учитывать, что в послевоенный период в экспорте капитала произошел весьма заметный сдвиг в изменении направления основных капитальных потоков — быстро увеличивается вывоз капитала именно в высокоразвитые страны. В 1964 г. около 36% прироста прямых инвестиций США приходилось на Канаду и страны Западной Европы⁹. Крупнейшие автомобильные монополии США имеют свои важнейшие филиалы именно в этих странах. Следовательно, в подобных случаях обогащение монополий за пределами своей страны основано на общих условиях, определяющих преимущества и возможности монополии присваивать сверхприбыль¹⁰.

Монополия не упустит возможности присоединить к своим богатствам часть чужих доходов. Но если сопротивление других монополий или ожесточенный натиск рабочего класса не позволяют ей осуществлять открытый грабеж, то монополия стоит перед необходимостью создания монопольной прибыли на своих собственных предприятиях. И проблема, видимо, состоит в том, чтобы

⁹ «Survey of Current Business», 1955, September, p. 24.

¹⁰ Внешние источники были существенным дополнением капиталистической прибыли и во времена К. Маркса. Настолько существенным, что рассматривались им как фактор, задерживающий падение нормы прибыли. Но в теоретическом анализе прибыли К. Маркс абстрагировался от них.

показать не только, как монополия улавливает стоимость, созданную за ее пределами, но и в том, как *она сама создает монопольную прибыль*.

Итак, вопрос сводится к следующему: можно ли монопольной прибыли дать чисто экономическое объяснение в рамках закона стоимости? Можно ли показать происхождение и природу монопольной прибыли, руководствуясь исходными положениями теории стоимости К. Маркса, что все товары продаются по стоимостям, или объяснить монопольную прибыль невозможно, исходя из этой предпосылки, так как монополии вершат произвол?

2. МОНОПОЛИЗАЦИЯ ИЗБЫТОЧНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

За полвека произошли заметные изменения в характере конкурентной борьбы между монополиями. Эти изменения возникли под влиянием развития процесса монополизации. Пятьдесят—шестьдесят лет тому назад сама организация монополии уже означала безраздельность ее господства в данной отрасли, так как объединенной мощи монополистического союза противостоял многочисленный, но экономически менее сильный, слой немонополизированных капиталистов. Монополия имела широкие возможности диктовать цены на рынке, прямо задерживать технический прогресс, не давая хода тем или иным изобретениям.

Современный уровень монополизации характеризуется широким распространением союзов монополистов, когда в каждой отрасли существует несколько монополий. Это ставит монополию в условия, когда она постоянно сталкивается с не менее могущественными конкурентами. И в таких условиях современная монополия вынуждена прибегать к традиционным методам свободной конкуренции — снижению издержек производства с помощью технических нововведений, снижению цен на потребительском рынке и пр.

Американский экономист Д. Голбрейс, детально изучавший практику крупнейших американских фирм, отмечает, что современная корпорация имеет широкие возможности максимально увеличить свои прибыли, не вздувая цен на рынке, а путем снижения издержек про-

изводства, увеличения выпуска продукции, создания новых товаров и т. п. Современная корпорация осуществляет свой контроль над рынком и производством, не прибегая к скандально-грубым методам вытеснения своих более слабых конкурентов¹¹. В условиях высоко-развитой капиталистической экономики особое значение приобретают коммерческие критерии эффективности, тщательно подсчитывается экономический эффект каждой меры, проводимой монополией.

Монополистические объединения представляют собой наиболее крупные и концентрированные производства, и как таковые они уже имеют преимущества перед монополизированными предприятиями. У них относительно меньшая потребность в обслуживающем персонале, шире возможности утилизации отходов производства, относительно меньшие расходы на бухгалтерию и т. п., что позволяет снизить издержки производства. Но кроме этих выгод монополии располагают преимуществами гораздо более существенными. Монополии сосредотачивают в своих руках подавляющее большинство патентов и лицензий на приобретение и эксплуатацию новой техники. В их руках сосредоточены научно-исследовательские центры, лаборатории, ведущие научные кадры. Концентрация научно-исследовательских работ по своему уровню и темпам даже превосходит концентрацию производства и капитала. Так, в Англии 93% всех затрат на научно-исследовательские работы производятся компаниями с числом занятых более 2 тыс. человек. На компании с числом занятых менее 300 человек приходится лишь 1% затрат на эти цели¹². Поэтому монополии имеют больше возможностей для модернизации производства. При этом не только настоящие, но и будущие технические новшества и усовершенствования оказываются узурпированными монополиями, находятся в их безраздельном распоряжении. На предприятиях монополий сосредоточена наиболее квалифицированная рабочая сила. Вооружая труд совершенными орудиями производства, используя преимущества его научной организации, монополия

¹¹ J. K. Galbraith. *New Industrial State*. Boston, 1967, pp. 122—125.

¹² «Economist», 14 January 1967.

добивается более высокой производительности труда. В какой степени возможности крупного производства в этом отношении выше, подтверждает следующий пример. С 1947 по 1958 г. условно-чистая продукция на одного работающего в обрабатывающей промышленности США выросла на предприятиях с числом рабочих до 100 человек примерно в 1,5 раза, а на предприятиях с числом занятых 1000 и более человек — примерно в 2 раза¹³.

Затраты труда и живого и овеществленного на единицу продукции в рамках монополий существенно ниже, чем у немонополизированных предприятий. На рынке, когда монополия реализует свои товары по средним рыночным ценам производства или даже ниже, она реализует и ту прибыль, которая составляет разницу между средней общественной ценой производства и более низкой ценой производства монопольных товаров.

Не имеем ли мы дело, однако, с обычной добавочной прибылью, известной еще со времен домонополистического капитализма?

Между добавочной прибылью капиталиста эпохи свободной конкуренции и добавочной прибылью в рамках монополий существует принципиальное отличие, превращающее добавочную прибыль в другую экономическую категорию. Оно состоит в том, что добавочная прибыль безраздельно и постоянно присваивается монополией, не превращаясь в общее достояние капиталистов. В условиях свободной конкуренции, где не существовало препятствий для перелива капитала, а распространению технических новшеств мешала лишь коммерческая тайна, избыток прибыли над средней прибылью носил временный характер. Он быстро исчезал в результате распространения изобретений и внедрения их в производство.

¹³ См. Л. Я. Берри, К. И. Клименко, Я. А. Обломский, Э. С. Савинский, С. А. Хейнман. *Промышленность США в 1929—1963 гг.* М., «Экономика», 1965, стр. 277. Среди предприятий с числом рабочих 1000 и более человек не все являются монополиями или входят в их состав. Однако в этой группе предприятий подавляющий удельный вес в числе занятых, в общем объеме производимой продукции составляют предприятия, входящие в состав монополистических объединений.

При империализме средства технического прогресса и их применение монополизированы. Они в течение длительного срока, часто многих лет, находятся в безраздельном распоряжении монополий. И к тому моменту, когда монополия решает, наконец, расстаться со своим новшеством и продает лицензию или когда тайна становится общим достоянием в результате новых открытий на других фирмах, то оказывается, что в руках монополий находится новое изобретение, представляющее следующий шаг в развитии техники. Патентное право, дающее титул собственности на изобретение, закрепляет сохранение лучших условий производства на фирме, владеющей патентом. Монополия прочно удерживает свои позиции благодаря тому, что она присваивает не только плоды, но и условия технического прогресса, а следовательно, и будущие его результаты. Добавочная прибыль, таким образом, становится устойчивой надбавкой к средней прибыли, превращаясь в монополистическую надбавку. Если в руках капитала сосредоточены условия производства и присвоения прибавочной стоимости, то монополистический капитал захватывает, кроме того, условия производства и присвоения добавочной прибавочной стоимости.

В результате искусственных препятствий, которые ставит монополия на пути распространения технических новшеств и перелива капитала, задерживается превращение более высокой производительности труда, достигнутой в рамках монополий, в среднюю общественную, превращение низких индивидуальных издержек производства в средние общественные. В результате господства монополий образуются такие сферы производства, которые в «состоянии избежать превращения их товарных стоимостей в цены производства, а потому и сведения их прибылей к средней прибыли»¹⁴. Монополия по существу навязывает обществу более высокую цену производства, которая при отсутствии искусственных препятствий на пути перелива капиталов и уравнивания издержек производства могла быть более низкой. Тем самым монополия берет дань с общества и в том случае,

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 218.

когда реализует свою продукцию по средним рыночным ценам и даже более низким.

Вот весьма любопытный пример, подтверждающий эту мысль. Министерство торговли США в 1965 г. провело обследование предприятий в обрабатывающей промышленности. Было обнаружено, что только 10% из них полностью используют выгоды от внедрения технических изобретений и научных открытий в производство. Причем в это число вошли наиболее крупные корпорации. По оценке авторов исследования, если бы остальные 90% предприятий имели возможность использовать имеющуюся научно-техническую информацию, то производительность труда в обрабатывающей промышленности возросла бы в 3 раза ¹⁵.

При установлении монополий цен на продукцию за основу берутся издержки производства на самом худшем предприятии, входящем в объединение. Подобное ценообразование закрепляет и оправдывает относительно низкий технический уровень производства. Монополия заставляет общество оплачивать завышенную стоимость продукции. В какой мере это справедливо, подтверждает высказывание американского экономиста Г. Минза. Он говорит, что «администрируемая» цена (т. е. цена, устанавливаемая монополиями), в основе которой лежат издержки производства на технически отсталых предприятиях, является препятствием для технического прогресса. Такая цена не способствует вытеснению наименее производительных предприятий, сохраняет их и тем самым наносит ущерб национальному производству, снижает темпы его роста. Г. Минз подтверждает свою мысль примером сталелитейной промышленности, где из-за препятствий свободной конкуренции сохраняется много устаревших доменных печей. Если бы таких препятствий не было, то из 220 существующих печей сохранились бы лишь 55 ¹⁶.

Монополия превращает различие между низкой индивидуальной ценой производства продукции монополий и средней общественной ценой производства в источник

¹⁵ «Congressional Record», 1966, April 19, A 2, p. 118.

¹⁶ G. Means. *Pricing Power and the Public Interest*. N. Y., 1962, p. 182.

добавочной прибыли, обеспечить постоянство которой можно лишь на основе монополистической собственности. И уже на этой основе начинает действовать механизм перераспределения. Неэластичность монопольной цены, ее относительная независимость от небольших изменений в рыночной конъюнктуре приводит к тому, что она на каком-то этапе начинает значительно отрываться от средней общественной цены производства, так как последняя под влиянием прогресса производительности общественного труда постоянно снижается. Монопольная цена превращается в орудие перераспределения даже при сохранении ее номинальной величины. А если общая конъюнктура такова, что монополия не встречает серьезных препятствий для взвинчивания цен, то она не преминет этим воспользоваться. В этом случае монопольные прибыли особенно быстро возрастают, теряя всякую связь с ценой производства, способствуя колоссальному обогащению финансовой олигархии.

Таким образом, главная функция монополии состоит не в том, что она поднимает цены выше стоимости и поддерживает их на этом уровне, а в том, что она воздействует на самый процесс формирования стоимости. Затрудняя свободный перелив капитала, распоряжаясь условиями и плодами технического прогресса, монополия нарушает процесс сведения индивидуальных стоимостей к средней общественной, ставит таким образом препятствия для ее снижения. В этом проявляется противоречивая роль монополии в отношении процесса общественного производства. С одной стороны, механизм монополистического господства свидетельствует об исторической обреченности стихийно-рыночного характера с его свободной конкуренцией и свободной ценой. С другой стороны, монополия тормозит снижение общественной стоимости продуктов труда, сковывая тем самым прогрессирующий рост производительных сил.

**В. И. ЛЕНИН
О МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ
СВЯЗЯХ
ИМПЕРИАЛИЗМА
И МЕЖИМПЕРИАЛИС-
ТИЧЕСКИЕ
ПРОТИВОРЕЧИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПОРТА КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

«Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз товаров. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз капитала».

В. И. Ленин

В. И. Ленин рассматривал вывоз капитала как одну из важнейших черт империализма. Вывоз капитала является средством создания международной сети зависимостей и связей финансового капитала. В значительной степени именно благодаря вывозу капитала небольшая группа монополий стран Западной Европы и Северной Америки начала эксплуатацию народов стран, оставших в своем экономическом развитии — народов большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки. Происходило установление господства монополий не только в национальном, но и во всемирном масштабе.

В работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» были показаны условия, порождающие возможность и необходимость вывоза капитала, вскрыта сущность вывоза капитала. «Паразитизм в квадрате» —

очень емкое и яркое ленинское определение, данное вывозу капитала. В работе В. И. Ленина раскрыты также основные направления вывоза капитала, его последствия как для стран ввозящих, так и вывозящих капитал, влияние вывоза капитала на развитие капитализма вообще.

С тех пор прошло более 50 лет, но основные признаки вывоза капитала, его роль в экономической системе империализма, его эксплуататорская сущность, вскрытые В. И. Лениным, продолжают полностью сохранять свое значение для капитализма наших дней.

Вместе с тем для современного вывоза капитала характерны новые тенденции, некоторые новые особенности.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ВЫВОЗЕ КАПИТАЛА

Одним из главных факторов, влияющих на появление новых моментов, является кризис мирового капитализма. Кризис мирового капитализма оказывает влияние на многие черты развития современного капиталистического общества. Но, пожалуй, в самой большой степени он затронул систему международных экономических отношений капитализма, в том числе и вывоз капитала.

Кроме того, важную роль в развитии новых тенденций в вывозе капитала, в частности, в развитии его форм, направлении и структуре его приложения играет современная научно-техническая революция.

Изменения, присущие современному вывозу капитала, состоят в следующем.

Во-первых, в значительном увеличении общего объема вывоза капитала. При этом существенную роль начинают играть некоторые виды экспорта капитала, которые ранее, хотя и имели место, но не получали широкого развития. К ним относится, например, кредитование экспорта товаров, или, другими словами, экспортные кредиты.

Во-вторых, все большую роль в экспорте капитала начинает играть буржуазное государство. Это сказывается как в вывозе собственно государственного капитала, так и в различных формах государственного поощ-

рения экспорта частного капитала, получающих сейчас распространение. Появляются также международные государственно-монополистические формы вывоза капитала.

В-третьих, важные сдвиги происходят в географическом размещении капитала. Если раньше основными районами, в которые направлялся капитал, были страны, менее развитые в экономическом отношении, то ныне все большая часть вывозимого капитала, особенно частного капитала, направляется в развитые капиталистические страны. Усиливается миграция капитала между империалистическими державами.

В-четвертых, изменяется отраслевая структура приложения капитала, особенно в странах, менее развитых в экономическом отношении, где увеличиваются вложения в отрасли обрабатывающей промышленности.

И, наконец, в-пятых, повышается роль вывоза капитала в современных международных экономических отношениях капиталистического мира. С одной стороны, вывоз капитала ведет к интенсификации хозяйственных связей между капиталистическими странами, к интернационализации капитала, а с другой стороны, служит фактором дальнейшего обострения межимпериалистических противоречий.

При империализме конца XIX — начала XX вв., о котором писал В. И. Ленин, избыток капитала обращался на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, прежде всего в отсталые страны. «В этих отсталых странах, — отмечал В. И. Ленин, — прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы»¹. И действительно, отсталые страны были основной сферой приложения капитала. Особенно это касалось вывоза капитала в предпринимательской форме.

Характерной чертой современного вывоза капитала является относительное сокращение вложений частного капитала в экономически слаборазвитые страны (бывшие колонии и полуколонии империалистических держав). При этом речь идет именно об относительном снижении

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 360.

роли развивающихся стран как сферы приложения иностранного капитала, ибо при общем значительном росте вывоза капитала абсолютные размеры вывоза капитала в развивающиеся страны также несколько увеличиваются. Характерны в этом отношении сдвиги в вывозе частного капитала из Соединенных Штатов Америки. США, как известно, являются основной страной, вывозящей капитал, и общие размеры вывезенного из США капитала значительно превосходят размеры вывезенного капитала из других империалистических держав.

За 1958—1967 гг. новые прямые вложения американского частного капитала в развивающиеся страны составили 4,5 млрд. долл., а в развитые капиталистические страны — примерно 16,7 млрд. долл.², т. е. в 3,7 раза больше. В 1967 г. из США в развитые капиталистические страны было вывезено 2,2 млрд. долл., а в развивающиеся страны лишь 0,6 млрд. долл. в виде прямых частных инвестиций.

Следствием этого явились изменения в географическом размещении американских заграничных инвестиций (см. табл. 3).

В 1950 г. примерно половина прямых частных инвестиций США находилась в развитых капиталистических странах и половина в экономически слаборазвитых странах. К 1967 г. картина существенно изменилась. На развивающиеся страны приходится менее $\frac{1}{3}$ вложений — 16,9 млрд. долл., а на развитые капиталистические страны — 40,1 млрд. долл. Главная причина того, что в экономически слаборазвитые страны поступает относительно меньшая часть капитала — коренное изменение политической обстановки в этих странах в связи с крахом колониальной системы и борьбой молодых государств за создание национальной экономики. Естественно, что политические сдвиги оказывают определенное влияние и на экономические условия приложения капитала.

Империалисты полностью потеряли свои капиталы в странах, составляющих ныне мировую систему социализма. США только на Кубе потеряли почти 1 млрд. долл.

² Рассчитано по данным «Survey of Current Business», 1960, September; 1961—1965, August; 1967, September; 1968, October.

прямых вложений. Важно отметить, что в молодых национальных государствах, не входящих в мировое социалистическое содружество, также происходят процессы, влияющие на условия приложения иностранного капитала.

Господство иностранного капитала в экономике, до ставшееся молодым государствам от эпохи колониализ-

Таблица 3

Размещение прямых частных капиталовложений США за границей (млрд. долл., на конец года)*

Сферы приложения	1950 г.	1967 г.
Общий объем	11,8	59,3
Развитые капиталистические страны	5,7	40,1
в том числе:		
Западная Европа	1,7	17,9
Канада	3,6	18,1
Япония, Австралия, Новая Зеландия и ЮАР	0,4	4,1
Развивающиеся страны	5,7	16,9
в том числе:		
Латинская Америка	4,6	11,9
Азия (без Японии)	1,0	3,4
Африка (без ЮАР)	0,1	1,6

* Рассчитано по данным «Survey of Current Business», 1960, September; 1968, October.

ма, является орудием эксплуатации этих стран империалистическими державами, уродует структуру экономики. Поэтому подрыв позиций иностранного капитала — одна из главных задач этих стран в деле строительства национальной экономики. В результате многие страны, завоевав политическую самостоятельность, проводят мероприятия, ограничивающие или даже запрещающие деятельность иностранного капитала. В странах, вставших на некапиталистический путь развития, эти вопросы решаются наиболее радикально. Но даже в странах, где у власти стоит национальная буржуазия, она проводит национализацию иностранной собственности в ряде отраслей, ограничивает или регулирует деятельность иностранного капитала в других.

Следовательно, сейчас в связи с подъемом национально-освободительного движения, развитием национальной

экономики в молодых государствах возможности приращения капитала здесь относительно сократились. Конечно, эти процессы противоречивы. В некоторых странах находящиеся у власти проимпериалистические правительства создают благоприятный режим для притока иностранного капитала.

2. ОСОБЕННОСТИ ВЫВОЗА ЧАСТНОГО КАПИТАЛА В ЭКОНОМИЧЕСКИ СЛАБОРАЗВИТЫЕ СТРАНЫ

Хотя опасность национализации, ограничения, вводимые в отношении иностранного капитала в ряде молодых стран, делают «климат» многих из них менее подходящим для вложений капитала империалистических держав, тем не менее размеры вложений капитала в развивающиеся страны увеличиваются. При этом основную часть современных долгосрочных капиталовложений в развивающиеся страны составляют прямые инвестиции, т. е. такие вложения, которые обеспечивают их владельцам контроль над создаваемыми или покупаемыми предприятиями (см. табл. 4).

Таблица 4

Иностранные частные долгосрочные инвестиции в экономику развивающихся стран*

	1960 г.	1963 г.	1967 г.
Всего	2385	1943	3109
Прямые	1740	1659	2022
из них:			
за счет притока капитала	1076	1057	1218
реинвестиций	664	602	804
Портфельные	645	284	1087

* OECD. Development Assistance Efforts and Policies, 1968, Review, p. 261.

Прямые капиталовложения, как правило, обеспечивают наиболее высокую норму прибыли, поэтому монополии империалистических держав и сейчас стремятся устанавливать, где это, с их точки зрения, возможно,

прямой контроль над создаваемыми предприятиями. Следует особо подчеркнуть, что свыше $\frac{1}{3}$ всего прироста прямых капиталовложений в развивающихся странах осуществляется за счет реинвестирования получаемых там же прибылей.

Империалистические монополии делают все, чтобы закрепиться в экономике освободившихся стран. Всеми силами они стремятся обойти те ограничения, которые вводят национальные правительства в отношении иностранного капитала. За последние годы возрос интерес монополий капиталистических стран Запада к созданию в освободившихся странах смешанных компаний вместе с национальным капиталом. Привлекая национальный капитал, западные компании регистрируются как национальные компании, добиваясь, чтобы ограничения, относящиеся к иностранным компаниям, на них не распространялись. В Индии, например, получили широкое распространение соглашения о так называемом «сотрудничестве», заключаемые между национальными и иностранными фирмами. Эти соглашения предусматривают различные формы участия иностранного капитала в индийской экономике: в одном случае образование смешанных компаний, в другом — оказание технической помощи и т. д. По данным индийской газеты «Экономик таймс», за 1957—1963 гг. было заключено 1639 таких соглашений о «сотрудничестве»³. Оказывая финансовую и техническую помощь, предоставляя лицензии, империалистические монополии требуют получения доли в акциях и участия в управлении предприятием. По мнению английского экономиста М. Кидрона, иностранному капиталу бывает достаточно 25—40% акций смешанной компании для того, чтобы ее контролировать⁴.

О развитии вывоза капитала в развивающиеся страны в форме организации смешанных компаний свидетельствует имеющее место в ряде случаев увеличение портфельных инвестиций, которое происходит наряду с ростом прямых вложений. За 1958—1967 гг. почти $\frac{2}{5}$ всего прироста долгосрочных вложений американского

³ БИКИ, 6 апреля 1964 г.

⁴ M. Kidron. *Foreign Investment in India*. London, 1965, pp. 286—287.

частного капитала в Латинскую Америку приходится на портфельные вложения. За этот период прямые инвестиции США в Латинской Америке увеличились с 7751 до 10 213 млн. долл., т. е. на 32%, а портфельные — с 1039 до 2870 млн. долл., т. е. почти в 2,8 раза⁵.

Такой рост портфельных инвестиций США в Латинской Америке связан с тем, что североамериканские капиталисты, опасаясь возможной национализации, предпочитают вкладывать средства в предприятия, формально принадлежащие местному капиталу, тем более, что ввиду распыленности акций среди местных владельцев иногда 10—15% акций достаточно для установления действительного контроля над предприятием. В настоящее время широкий размах получает продажа акций уже существующих компаний США населению латиноамериканских стран. Фирмы США продают местным акционерам по 20—25% своих акций, оставляя себе контрольный пакет.

Необходимо подчеркнуть, что продажа акций иностранных компаний местным жителям рассматривается империалистическими монополиями не только как мера против возможной национализации, но и как средство создания в развивающихся странах, особенно в тех из них, где еще не получили достаточного развития капиталистические отношения (например, в Африке), слоя средних и мелких национальных буржуа. Создание такого слоя препятствовало бы вступлению молодых государств на путь некапиталистического развития.

Создание смешанных компаний представляет собой новую форму проникновения иностранного капитала в экономику развивающихся стран, оно может являться одной из форм неоколониализма. Но следует иметь в виду, что, создавая смешанные компании, монополии империалистических держав делают определенную уступку национальному капиталу. И эта уступка стала возможна только благодаря развитию новых процессов на мировой арене, связанных с ростом мирового социализма, подъемом национально-освободительного движения. Если бы не было этих новых явлений, ни о каких сме-

⁵ Подсчитано по данным: «Survey of Current Business», 1960, September; 1968, October.

шанных компаниях не было бы речи, и иностранный капитал эксплуатировал бы экономику развивающихся стран старыми методами, в старых формах.

В ряде случаев иностранный частный капитал участвует в создании смешанных компаний вместе с государственным сектором молодых государств. Например, смешанные государственно-частные компании с участием иностранного, преимущественно французского капитала, создаются в Алжире для развития нефтегазовой промышленности.

В июле 1965 г. между Алжиром и Францией было подписано соглашение об образовании на паритетных началах смешанного общества по эксплуатации нефтяных ресурсов Сахары. Функционирует созданное в результате этого соглашения общество «Ассосиасьон кооператив альжеро-франсэз» (АСКООП), в котором участвуют алжирская государственная компания СОНАТРАШ и несколько французских компаний. СОНАТРАШ участвует еще в ряде смешанных компаний, при этом доля ее участия постепенно увеличивается. Алжирское государство привлекает иностранный капитал и в других формах. Государственная компания СОНАТРАШ в 1966 г. подписала контракт с французским нефтяным институтом на выполнение исследовательских работ с целью определения возможностей увеличения разработки и переработки нефти и газа. Французские компании привлекаются на выполнение подрядных работ по строительству нефте- и газопроводов, нефтеочистительных заводов и заводов по сжижению газа. Так, французская компания СОФРЕГАЗ привлечена алжирским правительством для производства работ на строительстве газопровода Хасси — Р'Мел-Скикда. Алжирское правительство пошло также на предоставление концессий нескольким французским фирмам на разработку и эксплуатацию нефтяных месторождений, имея в виду использовать поступления от них в государственную казну на расширение доли государства в смешанных компаниях, а также на создание собственных государственных предприятий.

Рассматривая деятельность алжирского правительства по созданию государственно-частных предприятий и привлечению иностранного частного капитала в других формах, следует иметь в виду, что в условиях нехватки

собственных капиталов, технически обученных кадров, общей научно-технической отсталости страны эти меры экономически оправданны, даже объективно необходимы, так как способствуют более быстрому индустриальному развитию.

Важное значение для развивающихся стран имеет и изменение отраслевой структуры приложения иностранного капитала. Ранее основными сферами приложения иностранного капитала в экономически слаборазвитых странах были наиболее прибыльные отрасли с низким органическим строением капитала — добывающая промышленность, плантационное хозяйство и т. д. В настоящее время пока еще эти отрасли продолжают доминировать в общем объеме прямых иностранных инвестиций в освободившихся странах, но вместе с тем характерным явлением становится рост вложений в обрабатывающую промышленность. На этих процессах также сказывается подъем национально-освободительного движения, политика национальных правительств по отношению к иностранному капиталу. В ряде стран эта политика непосредственно направлена на то, чтобы поощрять и объективно вынуждать иностранный капитал вкладывать свои средства в обрабатывающую промышленность, которая призвана стать основой национальной экономики. Однако наряду с влиянием экономической политики молодых государств существенную роль играют объективные экономические процессы.

Национальный капитал стал осваивать новые отрасли производства, прежде всего в области обрабатывающей промышленности. Впервые столкнувшись с серьезной конкуренцией национального капитала, компании империалистических держав стремятся опередить его в развитии новых для национальной экономики отраслей, как правило, отраслей обрабатывающей промышленности.

Надо сказать и об изменении структуры спроса на мировом капиталистическом рынке на важнейшие виды продукции. Обнаруживается стностительное снижение спроса на сырьевые товары, в том числе на некоторые металлы, каучук, хлопок и т. п. Медленно расширяется спрос, а в отдельные годы имеет место перепроизводство таких товаров, как чай, кофе, какао и пр.

Мировые цены на сырьевые и продовольственные товары обнаруживают тенденцию к снижению. В этих ус-

ловиях вложения в добывающую промышленность и плантационное хозяйство для компаний империалистических стран часто оказываются невыгодными. Все это также отражается на изменении отраслевой структуры приложения капитала в экономически слаборазвитых странах. Сдвиги в отраслевой структуре приложения американского частного капитала в странах Латинской Америки показаны в табл. 5.

Таблица 5

**Отраслевая структура частных прямых инвестиций США
в Латинской Америке (в млн. долл.)***

Отрасли	1959 г.		1967 г.	
	млн. долл.	%	млн. долл.	%
Обрабатывающая промышленность	1426	15,9	3572	30,0
Нефтяная промышленность	3312	36,8	3502	29,4
Горнорудная и металлургическая промышленность	1416	15,8	1649	13,8
Коммунальное хозяйство .	1150	12,8	665	5,6
Торговля	688	7,6	1299	10,9
Другие отрасли	999	11,1	1234	10,3
Всего:	8990	100,0	11 921	100,0

* «Survey of Current Business», 1962, August; 1968, October. Включены вложения в другие страны Западного полушария (исключая Канаду).

За последние годы капиталовложения США в обрабатывающую промышленность Латинской Америки выросли примерно в 2,5 раза, в то время как общие вложения увеличились на 32,6%, а вложения в нефтяную промышленность лишь на 5,7%. Следовательно, в значительной мере прирост новых вложений приходится на обрабатывающую промышленность. Удельный вес обрабатывающей промышленности в общем объеме вложений быстро увеличивается. В 1940 г. на обрабатывающую промышленность приходилось лишь 7,6%, в 1957 г. — 17,1%, а в 1967 г. — уже 30% общего объема частных капиталовложений США в Латинской Америке.

Изменения в отраслевой структуре приложения ино-

странного капитала можно проследить и в экономике других развивающихся стран, особенно тех из них, где укрепляются позиции национального капитала. Так, в Индии обрабатывающая промышленность уже стала главной сферой приложения иностранного капитала. В 1960 г. на ее долю приходилось 41,9% всех вложений, в то время как в 1955 г. лишь 28,8%. Капиталовложения иностранных компаний в плантационное хозяйство и в сферу обслуживания (торговля, банковское дело и др.), которые ранее были важнейшими сферами приложения иностранного капитала, абсолютно выросли незначительно, а относительно их доля упала с 46,2% в 1955 г. до 34% в 1960 г.⁶

Изменение отраслевой структуры приложения иностранного капитала оказывает существенное воздействие на процесс развития экономики в освободившихся странах.

Если раньше вложения иностранного капитала, направлявшиеся в основном в добывающую промышленность и сельское хозяйство, вели к закреплению за экономически слабо развитыми странами положения аграрно-сырьевых придатков империалистических стран, то сейчас увеличение вложений иностранного капитала в обрабатывающую промышленность объективно ведет к изменению однобокой структуры экономики этих стран.

В последнее время все большую роль в экспорте капитала в развивающиеся страны играют экспортные кредиты. Если вывоз капитала в форме прямых и портфельных вложений представляет собой вывоз капитала в предпринимательской форме, то экспортные кредиты — вывоз капитала в ссудной форме. Объективную основу для развития кредитования экспортной торговли с развивающимися странами составляют изменения в структуре самой торговли. Поскольку молодые национальные государства стремятся к развитию национальной промышленности; они увеличивают на рынках развитых капиталистических стран закупки машин и оборудования.

⁶ «Reserve Bank of India. India's Balance of Payments 1948/49 to 1961/62». Bombay, 1962, p. 62.

В структуре экспорта развитых капиталистических стран в развивающиеся страны машины и оборудование составляют все большую долю. Однако покупатели в развивающихся странах не в состоянии сразу оплачивать такого рода покупки в силу их высокой стоимости. Отсюда — развитие экспортных кредитов.

В 1960 г. развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки получили от развитых капиталистических стран частные экспортные кредиты на сумму 382 млн. долл., а в 1967 г. — на сумму 1220 млн. долл.⁷. В 1966 г. общий объем среднесрочных и долгосрочных экспортных кредитов (включая государственные), предоставленных 21 страной — участницей Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) — составил 2750 млн. долл.⁸. Сроки, на которые предоставляются экспортные кредиты, все более удлиняются. Так, в 1960 г. на кредиты сроком свыше 5 лет приходилось только 26% коммерческих кредитов, а в 1967 г. — 84%.

Хотя проценты по экспортным кредитам достаточно высоки — до 6% в год, они имеют большое значение для молодых национальных государств, поскольку служат одним из источников внешнего финансирования экономического развития. Как отмечалось в докладе Международного банка реконструкции и развития за 1966/67 финансовый год, экспортные кредиты заменили традиционные портфельные инвестиции в качестве основного источника внешнего финансирования экономического развития в развивающихся странах путем частных займов. Внешнее размещение ценных бумаг, выпущенных в развивающихся странах для инвестиций, составляет в последние годы всего лишь 500—600 млн. долл. (в 1967 г. — 490 млн. долл.).

Однако, несмотря на развитие в разных формах частного экспорта капитала в развивающиеся страны, основную роль в экспорте капитала в этот район капиталистического мира играет буржуазное государство.

⁷ *OECD. Development Assistance Efforts and Policies, 1968, Review, p. 261.*

⁸ *Ibid., 1967, Review, p. 62.*

Во времена написания ленинской работы «Империализм, как высшая стадия капитализма» государственно-го экспорта капитала практически не существовало. Буржуазные государства получали деньги займы у иностранных капиталистов, но сами не выступали в качестве экспортеров капитала. Государственный экспорт капитала фактически получает развитие лишь после второй мировой войны.

Государственные средства из империалистических стран вывозятся почти исключительно в страны Азии, Африки и Латинской Америки. Предоставляются эти средства в основном в двух формах: а) государственные займы и кредиты (в том числе государственные экспортные кредиты) и б) государственные субсидии. Ни у кого не вызывает сомнения, что государственные займы и кредиты представляют собой вывоз капитала в ссудной форме. Государственные же субсидии некоторые советские экономисты не относят к экспорту капитала.

Капитал — самовозрастающая стоимость, а средства, выделяемые в качестве субсидий иностранным государствам, не только не возрастают, но и вообще практически утрачиваются для владельца. С этой точки зрения, субсидии, конечно, существенно отличаются от экспорта капитала. Однако известно, что, предоставляя субсидии, империалистические государства преследуют политические, а часто и экономические цели. Поэтому субсидии, хотя непосредственно и не приносят прибылей, призваны давать империалистам определенные выгоды, в том числе экономического характера. Субсидии можно назвать своеобразной формой вывоза государством средств за границу, порожденной новыми условиями кризиса мирового капитализма. Однако это явление, несомненно, примыкает к вывозу капитала.

В последнее время доля субсидий в общем объеме государственных средств, выделяемых империалистическими державами развивающимся странам, сократилась (с 76% в 1961 г. до 64% в 1966 г.). Остальная часть государственных средств — это займы и кредиты на несколько более льготных условиях по сравнению с обычными условиями на рынке капиталов. Все средства,

предоставляемые развивающимся странам империалистическими государствами, получили название в буржуазной литературе «экономической помощи». Некоторые буржуазные авторы даже частный экспорт капитала, в том числе и прямые инвестиции, включают в понятие «помощь» развивающимся странам, хотя очевидно, что эти вложения «помогают» в основном империалистическим монополиям укрепиться в экономике молодых государств. Другая часть авторов в понятие «помощь» включает лишь государственные средства, выделяемые отдельными странами или международными организациями. С начала 60-х годов размеры государственного экспорта капитала из империалистических стран в развивающиеся страны значительно возросли и ныне существенно превышают объем частного вывоза капитала в этом направлении. Если в 1950—1955 гг. государственный экспорт капитала в развивающиеся страны составлял 1800 млн. долл., а частный экспорт — 1500 млн. долл., то уже в 1961—1963 гг. страны — члены ОЭСР предоставляли развивающимся странам в среднем ежегодно государственных займов и субсидий на сумму 6065 млн. долл. в то время как частный экспорт капитала в этом направлении, даже включая реинвестиции, составлял 2126 млн. долл. В 1964—1966 гг. размер государственных займов и субсидий составлял в среднем ежегодно 6487 млн. долл., а частный экспорт капитала — 2681 млн. долл.⁹ Эти данные показывают, насколько возрос в начале 60-х годов государственный экспорт капитала как абсолютно, так и относительно по сравнению с периодом начала 50-х годов.

В середине 60-х годов некоторые страны несколько уменьшили размер государственной помощи странам Азии, Африки и Латинской Америки. В частности, Франция отказалась от дотаций в государственные бюджеты своих бывших африканских колоний (суммы этих дотаций ранее включались в общую сумму французской «помощи» развивающимся странам). Сократились размеры государственной помощи ФРГ. В 1964 г. в связи с кризисом платежного баланса правительство США

⁹ OECD. *Development Assistance Efforts and Policies. 1967 Review; table III, 2*; UNCTAD. *Growth, development finance and aid. Td/7, Supp. 1, p. 9.*

уменьшило объем «помощи» развивающимся странам. Сокращение «помощи» в отдельные годы производится и в других странах. Но в целом размеры государственной «помощи» развитых капиталистических стран развивающимся странам пока продолжают увеличиваться (см. табл. 6).

Таблица 6

Общий объем «помощи» развивающимся странам странами ОЭСР в 1961—1967 гг. (выплаченные суммы, млн. долл.)*

	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.
Австралия	73	74	78	93	109	115	143
Австрия	1	6	8	17	39	50	56
Бельгия	71	66	76	80	105	78	75
Канада	50	47	92	115	108	206	185
Дания	3	1	1	3	5	11	13
ФРГ	401	399	471	518	597	559	612
Франция	918	900	852	859	787	771	850
Италия	128	140	185	155	171	157	278
Япония	102	88	141	126	251	260	370
Голландия	38	48	19	34	49	51	77
Норвегия	1	1	2	3	4	5	4
Швеция	2	3	7	14	18	24	26
Англия	442	408	413	500	496	530	525
США	3501	3624	3810	3602	3758	3899	3820
Всего:	5767	5846	6207	6185	6527	6748	7099

* OECD. Development Assistance Efforts and Policies. 1966, Review, Annex table 8; 1967, table III, 2; 1968, Review, p. 261.

Возможность использования капиталистического государства для вывоза капитала возникла в силу того, что в его руках в послевоенные годы сосредоточиваются значительные финансовые средства. Вместе с тем монополии охотно предоставляют займы государству крупные суммы для осуществления государственного экспорта капитала. Осуществляется это путем выпуска государством займов, размещаемых на внутреннем рынке капитала. Подобный путь мобилизации средств используется и международными организациями капиталистических стран. Так, Международный банк реконструкции и развития выпускает облигационные займы, размещае-

мые в развитых капиталистических странах, с довольно высокой ставкой процента (до 5,5%). Собранные средства используются в свою очередь для предоставления займов развивающимся странам. Таким путем монополии, опасаящиеся сами вкладывать средства в экономику молодых государств, перекладывают риск на государство или международную организацию, получая при этом гарантированную прибыль в виде процентов на облигации займов. Фактически в данном случае речь идет об экспорте частного капитала, принимающего форму государственного капитала.

Вместе с тем не следует упускать из виду, что появление на свет и значительный рост государственного экспорта капитала из империалистических держав в молодые национальные государства связаны с ослаблением мирового капитализма, подъемом национально-освободительного движения.

Принятие различных программ «помощи» не может быть объяснено лишь действием объективных законов капитализма. С сумм, выделяемых на «помощь» в виде субсидий, империалистические страны вообще не получают прибыли.

В начале 60-х годов под влиянием растущей помощи социалистических стран молодым государствам Азии, Африки и Латинской Америки существенно увеличились размеры государственного экспорта капитала из империалистических держав и даже улучшились условия предоставления государственных займов. Поэтому предоставление государственных займов и субсидий, безусловно, следует рассматривать как уступку империалистов молодым государствам в связи с коренным изменением соотношения сил на мировой арене. Конечно, цель такой уступки — сохранить основные позиции империализма в этих странах, но молодые государства могут использовать эту уступку в своих интересах.

Государственные займы более выгодны для развивающихся стран, чем вывоз частного иностранного капитала, так как после уплаты займа и процентов по нему объекты, сооруженные с помощью этого займа, остаются в руках национального государства. Как справедливо говорил представитель Индии К. Наир на встрече ученых марксистов в журнале «Проблемы мира и социализма», «видимо, не следует выступать вообще против

всякой иностранной помощи. Надо по-разному, например, относиться к помощи, идущей государственному сектору, и помощи, содействующей развитию частного сектора таких стран, как Индия. Мы должны, вероятно, выступать, как правило, против частно-капиталистических инвестиций, а не против иностранной помощи как таковой. Последняя должна предоставляться по линии правительств главным образом в форме поставок капитального оборудования — для развития основных отраслей промышленности»¹⁰.

Все эти обстоятельства следует иметь в виду особенно сейчас, когда в империалистических странах раздаются призывы к сокращению государственных займов и субсидий развивающимся странам и слышатся настоячивые требования к правительствам молодых государств создать благоприятные условия для приложения иностранного частного капитала.

В то же время монополии империалистических держав прилагают все усилия, чтобы использовать свое государство в целях создания лучших условий для приложения частного капитала в развивающихся странах.

Уже давно в империалистических странах существуют системы государственного страхования экспортных кредитов, предоставляемых частными фирмами. В США и Японии эти функции осуществляют государственные экспортно-импортные банки, в Англии создан специальный Департамент гарантий экспортных кредитов. Подобные организации действуют и в других странах. Более 85% коммерческих кредитов, предоставленных развивающимся странам в 1961—1965 гг., было гарантировано государственными организациями стран — экспортеров капитала.

Новым является стремление монополий использовать государство для гарантирования долгосрочных вложений капитала в развивающиеся страны. В США, например, Агентство международного развития, которое занимается вопросами предоставления «помощи» развивающимся странам, в последнее время уделяет внимание и страхованию частных инвестиций США за границей. На сере-

¹⁰ «Проблемы мира и социализма», 1964, № 12, стр. 71

дину 1967 г. Агентство заключило соглашения с 78 странами о страховании частных инвестиций американских компаний на сумму 3,7 млрд. долл., т. е. застрахована почти четверть американских прямых инвестиций в развивающихся странах. Причем эта деятельность Агентства все более активизируется. Только в течение 1966/67 финансового года Агентство международного развития подписало контракты с 43 странами о страховании 1,04 млрд. долл. частных инвестиций США. Характерно, что Агентство прямо указывает, что страхует инвестиции от угрозы войны, революции, возможной экспроприации¹¹.

Таким образом, империалистическое государство не только само осуществляет вывоз капитала, но и все больше способствует вывозу частного капитала в развивающиеся страны.

Рассматривая в целом экспорт капитала в экономически слаборазвитые страны, необходимо подчеркнуть, что иностранный капитал в большей части этой группы стран по-прежнему служит важным орудием эксплуатации их экономики. Достаточно указать, что за 11 лет (1957—1967 гг.) американские компании получили в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки чистые прибыли на сумму 23,5 млрд. долл., при этом 20,1 млрд. долл. было вывезено в США. За тот же период новые прямые вложения частного капитала США в эти страны составили лишь 5,4 млрд. долл.¹² Таким образом, развивающиеся страны потеряли 14,7 млрд. долл. из своего национального дохода, которые могли бы быть использованы на ускорение темпов экономического развития. В связи с ростом государственных займов за последние годы в огромных масштабах возросла внешняя задолженность развивающихся стран. Если в 1955 г. она составляла 10 млрд. долл., то в 1966 г. возросла до 41,1 млрд. долл. В 1955 г. на погашение займов и выплату процентов развивающиеся страны расходовали 0,8 млрд. долл., в 1966 г. эти суммы выросли до 4 млрд. долл.,

¹¹ «*The Foreign Assistance program*». *Annual Report to the Congress. Fiscal year 1967*», p. 14.

¹² Подсчитано по данным: «*Survey of Current Business*», 1960, September; 1967, September; 1968, October.

что составляет более половины средств, получаемых ими в виде «помощи».

Тем не менее, анализируя отношения на почве вывоза капитала между развитыми капиталистическими и экономически слаборазвитыми странами, следует отметить, что сейчас имеют место новые явления, которые в какой-то мере изменяют те классические формы экономических отношений между развитыми и слаборазвитыми странами, которые имелись раньше, подрывают тот экономический механизм международной эксплуатации, который был характерен для капитализма начала этого века.

Это проявляется и в национализации иностранной собственности или введении ограничений в отношении иностранного капитала в ряде развивающихся стран, росте вывоза государственного капитала, который, как отмечалось, более благоприятен для экономики молодых государств, и в изменениях форм и отраслевой структуры приложения частного иностранного капитала в развивающихся странах, который при определенных условиях также может быть использован в интересах ускорения развития национальной экономики.

4. ВОЗРАСТАНИЕ ВЫВОЗА КАПИТАЛА В РАЗВИТЫЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ

Усиление миграции капитала между развитыми капиталистическими странами — характерное явление современного капитализма. Это явление прежде всего можно проследить при анализе направлений экспорта капитала из США. В настоящее время большая часть частных американских инвестиций за границей приходится на развитые капиталистические страны (см. табл. 3). В 1967 г. 30% прямых американских инвестиций приходилось на Канаду. Увеличиваются капиталовложения в Западную Европу: в 1950 г. они составляли 1,7 млрд. долл., в 1967 г. — 17,9 млрд. долл., т. е. возросли более чем в 10 раз. В настоящее время на Западную Европу приходится около 30% всех американских капиталовложений. Исключительно высокими темпами растут капиталовложения США в Австралию. Они составляли в 1950 г. 200 млн. долл., а в 1967 г. — 2,3 млрд. долл. Капиталовложения США в Японии возросли с 19 млн. долл. в 1950 г. до 868 млн. долл. в 1967 г.

Наряду со значительным ростом американских вложений в страны Западной Европы, Австралию и Канаду быстрыми темпами увеличиваются вложения иностранного капитала в США. Это важная черта современного вывоза капитала. Общий объем иностранных вложений в США возрос с 17,6 млрд. долл. в 1950 г. до 69,6 млрд. долл. в 1967 г.¹³, в том числе долгосрочные инвестиции с 8 до 32 млрд. долл.

Можно полагать, что существенный рост долгосрочных портфельных вложений и увеличение иностранных краткосрочных активов в США вызваны стремлением мелких вкладчиков из разных стран держать свои средства в виде акций и облигаций американских компаний в надежде на получение устойчивых прибылей в цитадели современного капитализма независимо от событий на мировой арене. Приток иностранных средств связан и с увеличением покупки иностранцами облигаций займов, выпущенных правительством США.

Вместе с тем очевидно и стремление крупного капитала развитых капиталистических стран проникнуть в экономику США. Об этом свидетельствует значительный рост прямых иностранных вложений в США. Прямые инвестиции иностранных компаний в США составляли в 1967 г. свыше 9,9 млрд. долл., в то время как в 1950 г. — 3,4 млрд. долл. Прямые инвестиции в США осуществлены почти исключительно странами Западной Европы и Канадой.

Около $\frac{2}{5}$ прямых западноевропейских инвестиций в США приходится на вложения Англии. Прямые частные вложения Англии в США возросли с 1,2 млрд. долл. в 1950 г. до 3,2 млрд. долл. в 1967 г. Крупные инвестиции в США произведены такими промышленными компаниями, как «Ройял датч-Шелл», «Юнилевер», «Кэртолдс», «Бритиш америкен тобэко», «Боутер пейпер корпорейшн» и страховыми компаниями «Ройал иншуренс», «Дженерал эксидент файер энд лайф ашуранс корпорейшн», «Коммершиэл юнион ашуранс», «Нозерн энд имплойерз ашуранс». Пытаются расширить свои позиции в США

¹³ «Survey of Current Business», 1968, October.

«Импириал кемикл индастриз» и «Электрик энд мьюзикэл индастриз».

Соединенные Штаты являются важной сферой приложения капитала для малых стран Западной Европы. На конец 1967 г. прямые капиталовложения Голландии в США достигли 1,5 млрд. долл., а Швейцарии — 1,1 млрд. долл. В последнее время на американском рынке активизировал свою деятельность западногерманский и французский капитал (см. табл. 7).

Таблица 7

Иностранные прямые капиталовложения в США
(на конец года, млн. долл.)*

	1950 г.	1965 г.	1967 г.
Всего	3391	8797	9923
Канада	1029	2388	2575
Англия	1168	2852	3156
Остальные страны Западной Европы . .	1059	3224	3848
Бельгия	—	175	228
Франция	—	200	265
ФРГ	—	209	318
Италия	—	87	86
Голландия	334	1304	1508
Швеция	—	215	239
Швейцария	348	940	1096
Прочие	377	94	109
Япония	—	118	108
Другие страны	134	53	59

* «Survey of Current Business», 1968, October.

Ныне размеры валовых инвестиций западноевропейских стран в США (в 1967 г. — 41 млрд. долл.) превышают американские инвестиции в Западной Европе (35,4 млрд. долл.). Конечно, роль американских инвестиций в Европе и роль западноевропейских инвестиций в США различна. Прямые американские инвестиции в Европе (17,9 млрд. долл.) и по величине существенно выше. В то же время размер национального капитала западноевропейских стран меньше национального капитала США. Поэтому американский капитал играет большую роль в экономике западноевропейских стран, чем западноевропейский капитал в США. Тем не менее

важен сам процесс усиления миграции капитала между Западной Европой и США.

Процесс миграции капитала между развитыми странами проявляется не только в движении капитала между Западной Европой и США. Он отчетливо выражен в современных направлениях экспорта капитала других развитых капиталистических стран.

Значительная часть английских заграничных вложений в настоящее время приходится на промышленно развитые страны. В конце 1965 г. из 4,2 млрд. ф. ст. английских инвестиций за границей 2,8 млрд. ф. ст. приходилось на промышленно развитые страны, в том числе 531 млн. ф. ст. на Канаду, 713 млн. ф. ст. на Австралию, 388 млн. ф. ст. на США, 549 млн. ф. ст. на страны Западной Европы¹⁴.

Преимущественно в промышленно развитые страны направляются и заграничные капиталовложения ФРГ. На июнь 1964 г. общая сумма прямых частных западногерманских вложений за рубежом составляла 6570 млн. западногерманских марок. Из них на долю стран Западной Европы приходилось 3200 млн., Северной Америки — 1150 млн., Австралии — 120 млн. марок. Капиталовложения ФРГ в Центральной и Южной Америке составляли 1480 млн., в Африке — 300 млн. и в Азии — 220 млн. западногерманских марок¹⁵. Следовательно, на долю экономически слаборазвитых стран приходится лишь около 30% прямых частных заграничных инвестиций ФРГ.

Малые капиталистические страны Западной Европы, такие, как Швейцария, Голландия, Швеция, кроме крупных вложений в американскую экономику также инвестировали значительные средства в экономику западноевропейских стран (Англию, ФРГ, Францию и др.) и Канаду. На развивающиеся страны приходится небольшая доля их заграничных инвестиций. Так, если до войны голландский капитал большей частью был вложен в колониальные и зависимые страны (особенно в Индонезию), то ныне на развивающиеся страны приходится

¹⁴ «Board of Trade Journal», 1968, January 26.

¹⁵ «Far East Trade and Development», 1964, November, p. 1203.

лишь около $\frac{1}{4}$ голландских вложений. Доля развивающихся стран во вложениях швейцарского капитала — лишь 10%. Только у Бельгии еще свыше $\frac{2}{3}$ всех вложений осуществлено в развивающихся странах (в основном в Конго—Киншаса). Но и бельгийский капитал все больше переориентируется на Западную Европу.

Из всех этих фактов можно сделать вывод, что миграция капитала между развитыми капиталистическими странами отнюдь не частное явление, а одна из наиболее важных черт современного вывоза капитала.

5. ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИИ КАПИТАЛА МЕЖДУ РАЗВИТЫМИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

Основными причинами, вызвавшими это новое явление, можно назвать, во-первых, ухудшение инвестиционного «климата» для компаний империалистических стран в молодых национальных государствах, о чем уже шла речь в первой части главы, и, во-вторых, обострение борьбы за рынки развитых капиталистических стран под влиянием современной научно-технической революции. Кроме этих причин на миграции капитала сказывается и влияние некоторых других факторов, среди которых особую роль играет западноевропейская интеграция.

Научно-техническая революция в современных условиях ведет к появлению все новых производств и новых видов продукции. Номенклатура выпускаемой продукции растет очень быстро. Вместе с тем прогресс науки и техники выражается в тенденции к автоматизации и комплексной механизации производства, требующих выпуска продукции в массовых масштабах. Однако даже в крупных капиталистических странах невозможно организовать массовое производство всей огромной номенклатуры промышленной продукции в расчете на внутренний рынок. В этих условиях компании, специализируясь на выпуске того или иного изделия, в целях организации его производства в массовых масштабах особенно активно стремятся выйти на внешние рынки.

Вывоз капитала служит важным фактором расширения возможностей сбыта на внешних рынках. Для захва-

та рынков в других странах компании создают сначала торговые конторы, затем филиалы своих компаний, собственные предприятия, смешанные предприятия с участием местного капитала и т. д. Наличие своих представителей в зарубежных странах позволяет компаниям глубже изучить местные условия, спрос, лучше организовать сбытовую сеть, техническое обслуживание. Все это имеет особое значение в современных условиях, когда в торговле все большую долю занимают машины и оборудование. Бесперебойное и качественное техническое обслуживание уже реализованных машин и оборудования играет огромную роль в завоевании внешнего рынка.

Для упрочения своих позиций в иностранных государствах крупные компании используют свое научно-техническое превосходство. Продавая патенты и лицензии на новые изделия, новые технологические процессы, монополии требуют для себя пакета акций и тем самым получают возможность влиять на дела иностранных компаний.

Стремление расширить свое специализированное производство, добиться емкого рынка сбыта в других странах отражает тенденцию монополий к захвату предприятий иностранных конкурентов, т. е. к монополизации производства в масштабах всего мирового капиталистического хозяйства. В свое время имела место тенденция к монополизации в мировом масштабе производства сырьевых товаров, особенно сырья минерального происхождения, поскольку относительная ограниченность источников их добычи позволяла небольшой группе компаний держать их в своих руках. Ныне мы наблюдаем тенденцию к монополизации производства целого ряда готовых промышленных изделий. Современное высокоспециализированное в мировом масштабе производство создает для этого благоприятные условия.

О том, что миграция капитала во многом объясняется стремлением крупных компаний к монополизации отдельных, особенно новых видов производств во всем капиталистическом мире, свидетельствует отраслевая структура капиталовложений. Значительная часть вложений капитала в развитые капиталистические страны приходится на обрабатывающую промышленность. Так, на обрабатывающую промышленность приходится почти

55% всех прямых вложений США в Западной Европе¹⁶, при этом капиталовложения производятся преимущественно в новые и новейшие, наиболее перспективные отрасли народного хозяйства. Почти 50% западногерманских инвестиций в зарубежных странах в 1964 г. приходилось на общее и транспортное машиностроение (17,6%), электротехнику и точную механику (16,3%) и химическую промышленность (15,4%)¹⁷.

На движение капитала между развитыми капиталистическими странами сейчас, как и раньше, влияют такие факторы, как различия в национальном уровне заработной платы, уровне налогообложения, продолжительности рабочего дня и интенсивности труда и др., которые ведут к различиям в норме прибыли на предприятиях одних и тех же отраслей в разных странах. Американские компании, используя на своих европейских предприятиях технические достижения и новейшие методы организации производства, применяемые в США, вместе с тем выплачивают заработную плату, уровень которой в Западной Европе значительно ниже, чем в США. К тому же, рабочий день в Западной Европе более продолжителен. Поэтому нормы прибыли на европейских предприятиях компаний США, как правило, выше, чем в США.

Американские компании используют с целью повышения нормы прибыли в Западной Европе различные условия для приложения капитала даже в пределах одной и той же страны. Так, в Великобритании довольно большой удельный вес в американских инвестициях занимают вложения в Шотландии. Дело в том, что в связи со структурными сдвигами в экономике Великобритании многие предприятия так называемых старых отраслей промышленности (в Шотландии — это судостроение, хлопчатобумажная промышленность и др.) свертывают производство и даже вообще закрываются. Вследствие этого в Шотландии относительно выше процент безработных, чем в других районах Великобритании, и относительно ниже уровень зарплаты. Это и служит притя-

¹⁶ «Survey of Current Business», 1967, September.

¹⁷ «Deutsche Handelshammer in Osterreich», 1966, Nr. 3.

гательным моментом для американского капитала.

Однако, хотя норма прибыли выступает важным движущим мотивом современного вывоза капитала, она подчас не играет главной роли в каждый конкретный момент. Компания, стремясь к захвату рынка, может пойти и на получение в течение определенного времени меньшей нормы прибыли, чем в своей стране. Но в дальнейшем, укрепившись на заграничном рынке или даже захватив его целиком, компания, используя преимущества массового производства, будет иметь большой экономический эффект от заграничных вложений.

Следует также иметь в виду, что прибыль, показываемая в отчетах филиалов американских компаний за границей, отнюдь не является показателем всех доходов, получаемых от их деятельности материнскими компаниями. Если верить официальным американским публикациям, норма прибыли на прямые капиталовложения США за границей в послевоенные годы падает. Так, в 1950—1952 гг. она в среднем ежегодно составляла 17,8%, а в 1964—1966 гг. — в среднем 12,1%. Однако в том же официальном издании США «Сэрвей оф каррент бизнес» признается, что доходы американских компаний этим далеко не исчерпываются. В частности, указывается на такие дополнительные пути получения доходов, как осуществление импорта материнскими компаниями в США товаров из своих филиалов по ценам ниже, чем они были бы выплачены независимым производителям этих товаров, доходы от патентов, выплаты управляющим, выгоды, проистекающие из того, что филиалы принимают на себя расходы на исследовательские работы и развитие¹⁸. Исходя из этого можно сделать вывод, что в последнее время американские компании сознательно занижают норму прибыли, чтобы избежать налогообложения, и используют самые различные пути для получения действительных доходов.

Инвестиции в развитые страны играют большую роль и в преодолении барьеров на пути экспорта товаров, воздвигаемых национальными государствами. Создание филиала в той или иной стране позволяет компании обхо-

¹⁸ «Survey of Current Business», 1967, September, p. 49.

дить высокие таможенные пошлины, импортные контингенты и другие протекционистские барьеры. Поэтому можно сказать, что протекционизм выступает стимулятором движения капитала. Не случайно, что в конце 50-х годов свыше $1/2$ всех американских вложений в Западной Европе приходилось на Англию. Американские монополии, создавая свои филиалы в этой стране, тем самым стремились преодолеть созданную Англией систему имперских преференций и расширить свой сбыт не только в самой Англии, но и в других странах Британского Содружества наций.

Следует сказать, что открытие собственного предприятия в той или иной стране позволяет компании не только обойти непосредственно внешнеторговые барьеры, но и использовать все привилегии, которые создаются для национального производства государством, а такого рода привилегии для товаров, произведенных внутри страны, по сравнению с импортными товарами подчас бывают очень существенными.

В современных условиях огромную роль в миграции капитала играют процессы западноевропейской интеграции, связанные с созданием Европейского экономического сообщества и Европейской ассоциации свободной торговли. Эти группировки, в появлении на свет которых предварительная миграция капитала сыграла очень важную роль, ныне выступают чрезвычайно активными катализаторами миграции капитала между развитыми капиталистическими странами. Причем их влияние на эти процессы сказывается в ряде направлений.

Прежде всего одним из важных положений договора о создании ЕЭС является введение свободного движения капитала (наряду со свободным движением товаров и рабочей силы)¹⁹. В 1960 г. Комиссией ЕЭС было принято решение об отмене ограничений на прямые капиталовложения в рамках «Общего рынка» (строительство или покупка предприятий), а с 1963 г. постепенно отменяются ограничения гражданам любой из стран ЕЭС на право заниматься предпринимательской деятельностью во всех остальных странах ЕЭС. Отмена ограничений касается

¹⁹ В договоре о создании ЕАСТ не включены положения, касающиеся движения капитала.

почти всех отраслей промышленности, оптовой торговли и банковской сферы. Естественно, что отмена ограничений способствовала ускорению перелива капитала между странами—участницами ЕЭС. В 1964 г., например, около $\frac{1}{7}$ всех западногерманских заграничных инвестиций было произведено во Франции и Италии (около 1 млрд. зап. герм. марок). Франция является третьей, Италия — пятой страной по объему западногерманских инвестиций.

Однако создание ЕЭС и ЕАСТ не только способствовало движению капитала между странами — участницами этих группировок, но еще в большей мере дало толчок для проникновения в страны — участницы группировок капитала из стран, не участвующих в них. Дискриминационная торговая политика ЕЭС и ЕАСТ в отношении «третьих» стран, введение в ЕЭС единого внешнего таможенного барьера против импорта из этих стран вынуждает последние проникать за барьеры группировок с помощью капиталовложений и различных соглашений с монополистическим капиталом ЕЭС и ЕАСТ.

После возникновения ЕЭС и ЕАСТ в страны — участницы этих группировок в больших масштабах начались вложения американского капитала. Особенно активизировались американские компании в странах «Общего рынка», поскольку предусмотренные Римским договором далеко идущие интеграционные мероприятия могли существенно подорвать их позиции в крупнейших западноевропейских странах, которыми являются страны ЕЭС. К тому же американские предприниматели считали, что создание общего, не разъединенного барьерами рынка шести стран создает благоприятные перспективы для развертывания производства. За годы функционирования «Общего рынка» капиталовложения США в странах — участницах этой организации резко возросли (см. табл. 8).

Если с 1950 по 1957 г. (до создания ЕЭС) американские капиталовложения выросли примерно в 2,6 раза, то с 1957 по 1967 г. в 5 раз. Среди стран ЕЭС по объему прямых американских инвестиций на первом месте стоит ФРГ, затем Франция и Италия.

Существенное внимание уделяют американские монополии проникновению и в страны ЕАСТ и прежде всего в Англию. Хотя американские прямые капиталовложения

за последние годы в странах «Общего рынка» росли быстрее, чем в Англии, их увеличение также значительно. В 1957 г. американские прямые инвестиции в Англии составляли 1974 млн. долл., а в 1967 г. — 6101 млн. долл.

Т а б л и ц а 8

**Общий объем прямых капиталовложений США в странах
«Общего рынка» (в млн. долл.)***

	1950 г.	1957 г.	1961 г.	1965 г.	1967 г.
Бельгия и Люксембург . .	69	192	262	596	856
Франция	217	464	860	1609	1904
ФРГ	204	581	1182	2431	3487
Италия	63	252	491	982	1242
Нидерланды	84	191	309	686	917
«Общий рынок» — всего .	637	1680	3104	6304	8405

* «Survey of Current Business», 1960, September; 1968, October.

Проникновению американского капитала в экономику европейских стран, особенно стран ЕЭС, объективно способствует то, что европейские фирмы, иногда даже объединившись, не достигают крупного объема производства для более емкого рынка. Поэтому когда французское или итальянское предприятие оказывается в затруднении, оно часто обращается не к родственному предприятию другой страны «Общего рынка», а к американским корпорациям, которые имеют более крупные финансовые средства, более широкую научно-исследовательскую базу и т. д.

Вопрос о проникновении в экономику стран «Общего рынка» имеет жизненно важное значение для английского капитала. После провала Брюссельских переговоров в 1963 г. о вступлении Англии в ЕЭС, крупнейшие английские компании начали прилагать усилия для проникновения в экономику стран «Общего рынка» с тем, чтобы таким путем обойти его внешние таможенные барьеры. Многие крупные английские компании и раньше имели свои филиалы в странах континентальной Европы. Английский капитал поддерживал связи с финансовыми

группировками этих стран, особенно с голландским капиталом, о чем свидетельствует существование англо-голландских компаний «Ройял датч-Шелл» и «Юнилевер», являющихся одними из крупнейших в мире. Ясно, что английский капитал использует старые связи, но теперь он начал завоевывать для себя новые позиции в странах ЕЭС, вследствие чего существенно увеличились вложения английского капитала в эти страны.

На конец 1965 г. капиталовложения Англии в странах «Общего рынка» составляли 392,2 млн. ф. ст. (свыше 70% капиталовложений Англии в Западной Европе); из них 117,6 млн. ф. ст. приходится на долю Франции и 110,8 млн. ф. ст. на долю ФРГ

В свою очередь компании стран «Общего рынка» увеличивают свои капиталовложения в экономику стран ЕАСТ. Прямые частные инвестиции стран «Общего рынка» в Англии на 1962 г. составляли около 73 млн. ф. ст., т. е. они были ниже английских инвестиций в этих странах. Наибольшей активностью отличаются предприниматели Франции и Голландии, на долю которых приходится более $\frac{3}{4}$ общей суммы европейских капиталовложений в Англии. Самые незначительные инвестиции в Англии из стран ЕЭС имеет Западная Германия — всего 3,2 млн. ф. ст.

Таким образом, создание двух экономических блоков в Западной Европе не приостановило развития контактов между фирмами и банками стран противоположных блоков. Наоборот, фирмы всех стран усилили свои контакты с фирмами конкурирующего блока и увеличивают свои инвестиции в странах блока. Фактически наличие двух блоков форсирует процесс предпринимательской интеграции в Западной Европе, процесс взаимопроникновения и переплетения капиталов между конкурирующими блоками. Все это говорит о значительном усилении интернационализации капитала развитых капиталистических стран.

Интернационализация капитала оказывает большое влияние на экономические процессы в капиталистическом мире. Если интернационализация производства является объективной основой для интернационализации капитала, то в свою очередь интернационализация капитала способствует углублению интернационализации производства, росту специализации и кооперирования в между-

народном масштабе, ведет к интенсификации хозяйственных связей между капиталистическими странами.

Крупнейшие компании, владеющие предприятиями в разных странах, разрабатывая свою производственную программу, определяют специализацию филиалов в отдельных странах и кооперирование между ними. Поскольку нередко современные монополистические союзы, в которые входят компании разных стран, согласовывают размеры выпуска продукции и определяют специализацию предприятий, находящихся в различных странах, то это также ведет к углублению международного разделения труда.

Вывоз капитала, стимулируя международное разделение труда, выступает ныне важнейшим фактором роста международной торговли, особенно между развитыми капиталистическими странами. Сейчас интересы монополистической буржуазии, особенно той части, которая имеет довольно широкие международные связи, заставляют правительства развитых капиталистических стран отойти от мер крайнего протекционизма. За последние годы почти все развитые капиталистические страны снижают таможенные пошлины, ослабляют количественные ограничения импорта.

Эти же тенденции проявляются и в интеграционных процессах, хотя интеграция на нынешней стадии ведет к отмене ограничений на пути товаров, капиталов и рабочей силы лишь в пределах определенных группировок капиталистических стран. Между тем интернационализация производства и капитала выходит за узкие рамки блоков. Показателем новых тенденций во внешнеэкономической политике империализма являются и итоги так называемого «раунда Кеннеди» — переговоров о снижении тарифов в рамках ГАТТ, завершившихся в 1967 г., в ходе которых капиталистическим странам удалось согласовать около 6,3 тыс. взаимных скидок с тарифов более 50 стран, при этом средний размер скидок составит за четыре года 33—35% для промышленных и чуть ниже — для сельскохозяйственных товаров.

В советской литературе часто утверждалось, что характерной внешнеторговой политикой для империализма является таможенный протекционизм. Для определенного периода это было правильно. Но в современных условиях, когда компании становятся международными, мо-

нополизируют производство в мировых масштабах, эта политика в какой-то мере изменяется, модифицируется.

Национальный капитал в борьбе за рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капитала активно использует свое государство. В условиях роста государственно-монополистического капитализма государство стало в руках национальных монополий важнейшим оружием защиты их интересов как на внутреннем, так и на внешнем рынке, хотя формы этой защиты меняются. Отказываясь от высоких таможенных пошлин, государство, например, может способствовать деятельности национальных компаний путем налоговых льгот, субсидирования экспорта, государственных заказов и т. д.

Интернационализация капитала в современных условиях объективно ведет ко все большему обобществлению производства в мировом масштабе. Но в то же время тенденции к интернационализации капитала противостоят тенденции к усилению концентрации и централизации капитала в национальном масштабе, к консолидации сил национального капитала. Характерно, что подчас интернационализация капитала даже усиливает экономический национализм. Так, проникновение крупнейших американских «интернациональных трестов» в экономику стран Западной Европы ведет к объединению национальных компаний, которые тем самым стремятся укрепить свои позиции. В английской автомобильной промышленности, например, где двум американским компаниям принадлежит около $\frac{2}{5}$ всего производства, в 1961—1968 гг. произошла целая серия слияний английских компаний, вследствие чего сейчас в руках одной компании «Бритиш Лейланд мотор корпорейшн» сосредоточен практически весь английский капитал, занятый в этой отрасли.

Объединенными усилиями национального капитала некоторые страны пытаются создавать предприятия в тех отраслях, где ключевые позиции в капиталистическом мире захвачены международными группировками капитала. Например, стремясь освободиться от монопольного господства международного картеля на рынке нефти, итальянский капитал с помощью государства создает собственную нефтяную промышленность.

Следовательно, интернационализация капитала не только не устраняет, но и еще более усиливает меж импе-

риалистическую борьбу на мировых рынках, в которой особенно активно участвуют и крупнейшие компании, многие из которых раскинули свои предприятия по всему капиталистическому миру, и империалистические государства.

Разоблачая утверждения Каутского о возможности всемирного объединения магнатов капитала в единый всемирный трест, заменяющий соревнование и борьбу государственно-обособленных финансовых капиталов интернационально-объединенным финансовым капиталом, В. И. Ленин писал, «что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультра-империалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность»²⁰.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 98.

**ВЛИЯНИЕ ВЫВОЗА КАПИТАЛА НА ЭКОНОМИКУ
СТРАНЫ-ЭКСПОРТЕРА (НА ПРИМЕРЕ США)**

«Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда... приобрел выдающееся значение вывоз капитала...».

В. И. Ленин

В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин показал, воздействие вывоза капитала как на экономику страны-импортера, так и на экономику страны, вывозящий капитал.

В советской экономической литературе наибольшее внимание уделяется вопросу влияния вывоза капитала на экономику страны-импортера. Второй аспект проблемы не получил должного освещения. Между тем с конца 50-х годов проблемы воздействия вывоза капитала на экономику США — главного экспортера капитала — становятся предметом оживленного обсуждения в научных, деловых и политических кругах этой страны. Повышенный интерес к вопросам, связанным с экспортом капитала, был вызван, во-первых, растущим дефицитом платежного баланса США, в связи с чем обсуждается степень воздействия

иностранных инвестиций на платежный баланс страны, и, во-вторых, ростом производства товаров на американских предприятиях за границей и возможным воздействием этого процесса на производство, занятость и внешнюю торговлю США.

1. ВЫВОЗ КАПИТАЛА И «ИЗБЫТОЧНЫЙ» КАПИТАЛ

Вывоз капитала В. И. Ленин непосредственно связывал с образованием громадного «избытка капитала» в развитых капиталистических странах.

Этот избыток имеет относительный характер. Капитал становится избыточным не потому, что в стране отсутствуют объекты для инвестирования. Капитал экспортируется, поскольку за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли. Однако следует подчеркнуть, что капитал становится «избыточным» не только потому, что в зарубежных странах имеет место более высокая норма прибыли. При таком истолковании «избытка капитала» причина его появления лежит за пределами данной империалистической страны. «Избыток капитала» порождается внутренними экономическими процессами, условиями воспроизводства монополистического капитала в пределах национальных границ, а не какими-то внешними причинами. Капитал становится избыточным вследствие того, что применение его в пределах национальных границ привело бы к обострению противоречий капиталистического воспроизводства и в конечном счете к снижению нормы прибыли. Объективно функция вывоза капитала заключается в том, чтобы частично изъять избыточный капитал из процесса воспроизводства и тем самым ослабить его противоречия.

Вопрос об обратном воздействии вывоза капитала на экономику страны-экспортера усложняется тем, что вывоз капитала вызывает встречный приток капиталов в виде переводимых из-за границы прибылей. В 1966 г. американские монополии вывезли за границу в форме прямых инвестиций 3,5 млрд. долл., а полученные доходы составили 4 млрд. долл.¹. В связи с этим возникает

¹ «Survey of Current Business», 1967, September, pp. 42—43.

вопрос: происходит ли изъятие «избыточного» капитала в результате его экспорта?

К сожалению, американская статистика не дает сведений об использовании переводимых из-за границы прибылей внутри страны. Поэтому следует рассмотреть несколько возможных вариантов их использования и влияния на экономику страны-экспортера.

В а р и а н т 1: переведенные прибыли целиком входят в индивидуальное потребление буржуазии. «Так как капитал сосредоточен главным образом в руках богатых людей, — писал Ч. К. Гобсон, — то доход из заграничных источников оживляет сильнее всего спрос на предметы роскоши и на формы труда, заключающиеся в личном обслуживании»². Если переведенные прибыли расходуются на потребление буржуазии, то вывоз капитала уменьшает размер «избыточного» капитала в стране.

В а р и а н т 2: переведенные прибыли целиком используются на накопление. Кажется, что в этом случае движение капитала не разрешает проблемы «избыточного» капитала, поскольку вывоз компенсируется ввозом и даже превышает притоком прибылей. Если, однако, для экономики страны в целом вывоз капитала возмещается обратным притоком прибылей, то в отношении отдельных отраслей и монополий дело обстоит иначе. Вывезенный капитал может принадлежать одной отрасли или одному виду производства, в которых развитие замедлилось, а емкость рынка сузилась; переведенные же из-за границы доходы могут быть направлены в другие отрасли и виды производства, в которых ощущается нехватка ресурсов для развития. Иными словами, экспорт капитала может разрешить проблему «избыточного» капитала для отдельных монополий, для отдельных отраслей, хотя в целом страна получает доходов от иностранных капиталовложений больше, чем вывозит капиталов в другие страны. Необходимо также учитывать, что вывозимый капитал по своей натуральной форме может отличаться от встречного потока переводимых прибылей. В связи с вывозом капитала страна экспортирует, например, машины и оборудование, которые не способен поглотить внутренний рынок, а за счет переводимых прибы-

² Ч. К. Г о б с о н. *Экспорт капитала*. М., 1928, стр. 83.

лей от заграничных инвестиций финансирует импорт сырья и других товаров, в которых ощущается нехватка на внутреннем рынке.

В а р и а н т 3: переведенные прибыли вновь экспортируются за границу для создания предприятий в других странах и районах, т. е. вывоз капитала осуществляется частично за счет переводимых прибылей от заграничных инвестиций. При этом варианте переводимые из-за границы доходы оказываются «избыточным» капиталом. Их реэкспорт ограничивает вывоз «избыточных» капиталов, образовавшихся внутри страны.

Конечно, в реальной капиталистической действительности, по-видимому, имеет место сочетание всех трех вариантов. Поэтому статистический анализ последствий вывоза капитала для страны-экспортера крайне затруднен. В какой мере этот вывоз разрешает проблему «избыточного» капитала, зависит от размеров его экспорта и встречного потока прибылей от заграничных инвестиций, а также от форм использования доходов, полученных из-за границы, и емкости внутреннего рынка. При значительном превышении новых инвестиций встречным потоком прибылей не исключено, что количество «избыточного» капитала внутри страны будет увеличиваться, обостряя противоречия капиталистического воспроизводства.

2. ВЫВОЗ КАПИТАЛА И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Вывоз капитала связан с внешней торговлей и через нее влияет на экономику страны-экспортера. Между движением капиталов и товаров существует органическая связь, и без учета этой связи трудно показать влияние вывоза капитала на экономику страны-экспортера.

Вывоз капитала стимулирует экспорт товаров и тем самым частично ослабляет противоречие между производством и потреблением, во-первых, потому, что происходит вывоз средств производства из страны-экспортера, необходимых для организации производства за границей. В этом случае вывоз капитала представляет часть экспорта товаров. Во-вторых, действующие за границей предприятия покупают товары своей страны как для использования в процессе производства (сырье, материа-

лы, полуфабрикаты), так и для перепродажи на внешних рынках. В-третьих, предоставление займов и кредитов обусловливается расходом части их на покупку товаров в стране-экспортере.

По предварительным данным министерства торговли США, в 1966 г. родительские компании продали своим заграничным филиалам товаров на сумму 6 млрд. долл.³. Филиалы и дочерние компании американских фирм за границей выступают в качестве торговых агентов этих фирм, создают постоянный рынок для американского оборудования, способствуют развитию своеобразного разделения труда между родительскими и подконтрольными компаниями. В частности, операции, требующие больших затрат на заработную плату, могут переноситься за границу, что приводит к снижению издержек производства и повышению производительности труда.

Но вывоз капитала не только стимулирует рост экспорта товаров, но и вызывает увеличивающийся импорт товаров из страны, служащей полем приложения капитала. Американский экономист Н. Бьюкенон писал: «Как нация, мы не можем одновременно настаивать на выплате занятых у нас сумм и отказываться принимать импорт»⁴. Импорт товаров страны-экспортера в значительной части оплачивается доходами от иностранных инвестиций.

Возможное воздействие вывоза капитала на развитие производства в стране-инвесторе зависит от ряда обстоятельств. Как указывает американский экономист П. Симпсон, «инвестиции, которые являются выигрышными с точки зрения уровня производительности труда, в основном ограничиваются инвестициями в производство сырьевых товаров, импортируемых страной, вывозящей капитал. Общее развитие промышленной конкуренции за границей, вероятно, будет вредно для стран-экспортеров капитала»⁵. По его мнению, неблагоприятное воздействие на внутреннее производство наиболее вероятно в

³ «За рубежом», 1969, № 3, стр. 27.

⁴ N. Buchanan, *International Investment and Domestic Welfare*. N. Y., 1946, p. 210.

⁵ «U. S. Private and Government Investment Abroad». Oregon, 1962, p. 504.

тех случаях, когда иностранные инвестиции направляются в отрасли, конкурирующие с производством в стране-экспортере.

Вопрос о воздействии иностранных инвестиций на внутреннее производство более сложен, чем представляется в рассуждениях П. Симпсона. Капиталовложения в добывающую промышленность за границей увеличивают поставки сырья на мировой рынок и, удешевляя его, повышают норму прибыли в стране — экспортере капитала⁶. Однако не все сырье, производимое, например, американскими предприятиями за границей, экспортируется в США. Часть его направляется на внешний рынок, в другие развитые капиталистические страны. Поэтому необходимость конвертирования прибылей американских предприятий в доллары может вызвать экспорт готовых изделий из стран — потребителей сырья в США. Далее могут возникнуть противоречия между добычей полезных ископаемых внутри страны и на заграничных предприятиях. Например, для США характерно противоречие в области нефтедобычи. В заявлении Г. Джонсона, представленном одной из сенатских комиссий, утверждалось, что «уменьшающееся количество пробуренных скважин в США и вытекающее отсюда отставание в поддержании разведанных запасов на уровне, соответствующем целям национальной безопасности, объясняется в значительной мере крупным потоком американских капиталов, уходящих за границу»⁷.

С середины 50-х годов вопрос об импорте нефти служит источником довольно острых противоречий между различными группами американской буржуазии.

⁶ *Высокие прибыли на британские инвестиции в XIX и начале XX в. (от 15 до нескольких сотен процентов на вложенный капитал) «были вероятно, второстепенными с национальной точки зрения по сравнению с торговыми преимуществами. Выигрыш от поставок олова, чая, натурального каучука на соответствующих условиях, можно полагать, был более ценен, чем доходы на капитал».* «U. S. Private and Government Investment Abroad», p. 518.

⁷ «U. S. Private Foreign Investment». Washington, 1959, p. 167.

Еще более сложной представляется оценка влияния инвестиций в обрабатывающую промышленность за границей на развитие производства США. В послевоенный период производство товаров на подконтрольных американских предприятиях за границей достигает огромных размеров. Сумма продаж, осуществленных американскими подконтрольными компаниями обрабатывающей промышленности за границей, в 1965 г. составляла (в млрд. долл.) ⁸:

Стоимость товаров, проданных на местном рынке . .	34,7
Экспорт в США	1,9
Экспорт в третьи страны .	5,9
Всего	42,5

Около 82% готовых изделий продано в странах, в которых расположены американские предприятия; 14% — экспортировано в другие страны; 4% — в США. Таким образом, основная масса товаров произведена на местный рынок. Экспорт товаров в третьи страны и США играет менее значительную роль в деятельности американских подконтрольных компаний обрабатывающей промышленности. Производство товаров иностранными предприятиями на местный рынок развивается в крупных масштабах после второй мировой войны и требует известного теоретического осмысливания.

На мировом капиталистическом рынке для движения товаров требуется иностранная валюта и действует специфический механизм ценообразования. Продажа товаров, произведенных американскими предприятиями за границей, осуществляется в местной валюте и по ценам, складывающимся на внутреннем рынке соответствующей страны. Выручка от продажи товаров переводится в иностранную валюту лишь частично: часть прибыли, которая подлежит переводу в США; товары, импортированные из США для перепродажи; часть выручки, возмещающая по стоимости импортированное сырье, материалы, части, полуфабрикаты. Связь производства товаров на местный рынок с мировым рынком опосредована движением капи-

⁸ «Survey of Current Business», 1966, November, p. 9.

тала. Поэтому методологически правильной является постановка вопроса о соотношении внешней торговли и производства товаров на местный рынок иностранными предприятиями и противоречиях между ними. В современных условиях, по-видимому, уже недостаточно говорить о том, что вывоз капитала содействует вывозу товаров. Внешняя торговля США по объему отстывает на второй план перед производством товаров американскими предприятиями за границей.

Американский экономист Дж. Полк считает, что производство товаров, созданных при помощи американских активов за границей, достигает 100—150 млрд. долл. Он исходит из того, что каждый доллар, инвестированный за границей, создает товаров на сумму 1—1,5 долл.⁹

Влияние производства товаров американскими предприятиями за границей на внешнюю торговлю, а через нее на рост производства и занятости в США, несомненно, противоречиво. Как рассматривалось выше, оно в известной мере стимулирует рост внешней торговли. Это производство может замещать в определенных пределах экспорт из США в соответствующую страну или третьи страны. Авторы исследования, осуществленного «Нэшнл индастриал конференс борд», утверждают, что «в Соединенных Штатах не существует приемлемых заменителей для большинства продуктов, производимых за границей, включая некоторые инвестиции в обрабатывающей промышленности»¹⁰. По их мнению, стоимость американского экспорта, вытесненного производством товаров за границей, незначительна.

Статистически трудно определить эффект замещения вывоза товаров производством их на месте. Несомненно, что производство товаров за границей и стимулирует, и одновременно препятствует их вывозу из США. Возможно, что без заграничных капиталовложений американские монополии не смогли бы достигнуть современного уровня экспорта. Создание в Западной Европе замкну-

⁹ «Contingency Planning for U. S. International Monetary». Wash., 1966, p. 87.

¹⁰ J. Polk, I. Meister and L. Veit. U. S. Production Abroad and the Balance of Payments. N. Y., 1966, p. 107.

тых экономических группировок, меры, принятые развивающимися странами для охраны внутреннего рынка, конкуренция со стороны монополий других стран вынуждают американскую буржуазию переходить от экспорта к производству товаров за границей. Кроме того, состояние платежного баланса других стран не позволило бы в таких размерах увеличить импорт товаров из США (при условии, что Соединенные Штаты не увеличили бы в соответствующих размерах импорт товаров).

Производство товаров американскими предприятиями за границей, безусловно, вытесняет экспорт определенных товаров из США. Для увеличения объема экспортной торговли необходим переход к экспорту таких продуктов, которые не производятся заграничными подконтрольными компаниями. Поэтому развитие производства товаров за границей должно порождать тенденцию к изменению ассортимента вывозимых товаров, которая не может не вызвать обострения противоречий между различными группами буржуазии.

Заграничные подконтрольные компании в обрабатывающей промышленности часть своего производства экспортируют в США, что вызывает немалое беспокойство определенных кругов буржуазии.

Рассмотрим тенденции, возникшие в связи с импортом продукции подконтрольных компаний США. Иностранные капиталовложения американских компаний играют существенную роль в конкурентной борьбе на внутреннем рынке США. Монополии в борьбе с другими производителями (американскими и иностранными) используют инвестиции за границей для производства отдельных деталей и продуктов, которые затем ввозятся в США и реализуются на внутреннем рынке. Вывоз капитала позволяет им снизить издержки производства товаров за счет более низкой заработной платы, более дешевого сырья и материалов и укрепить их позиции на рынке США. Американо-канадская компания «Мэсси—Фергюссон» импортировала трансмиссии со своего завода во Франции и задние оси с завода в Англии для выпуска тракторов на заводе в г. Детройте¹¹. Многие американ-

¹¹ «U. S. Private Foreign Investment», p. 7.

ские компании ввозят и готовые изделия, произведенные предприятиями за границей (швейные машины, пишущие машинки, токарные станки, автомобили и пр.). Конкуренция импортных товаров американского происхождения принуждает других производителей к вывозу капитала и импорту продукции заграничных предприятий. Поэтому импорт товаров, произведенных подконтрольными компаниями за границей, вызывает рост противоречий между различными группами буржуазии и порождает различия интересов в отношении регулирования ввоза товаров.

Можно сделать вывод, что иностранные инвестиции, развивая международное разделение труда, способствуют повышению национальной производительности труда. Этот вывод относится не только к инвестициям в добывающую, но и обрабатывающую промышленность за границей. Что касается конкуренции между товарами, создаваемыми на подконтрольных компаниях за границей, и товарами внутреннего производства, то продукты добывающей промышленности, как правило, не конкурируют с внутренним производством, хотя могут быть довольно существенные исключения из этого правила (например, нефть для США). Опасность конкуренции товаров, производимых предприятиями обрабатывающей промышленности за границей, не следует переоценивать: основная масса их производится на местный рынок; производство их внутри страны и за границей контролируется одним и тем же монополистическим объединением. Монополии, располагающие заграничными инвестициями, повышают свою конкурентоспособность на внутреннем рынке в борьбе с другими производителями.

3. ВЛИЯНИЕ ВЫВОЗА КАПИТАЛА НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД, ЗАНЯТОСТЬ И ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС

Экспорт капитала оказывает противоречивое воздействие на величину национального дохода. В той мере, в какой вывоз капитала повышает эффективность общественного производства и уровень производительности труда, происходит его увеличение. Национальный доход увеличивается также за счет встречного потока прибылей из-за границы. Вместе с тем в результате вывоза ка-

питала национальный доход страны относительно уменьшается. Если бы весь вывезенный за границу капитал был помещен внутри страны, он увеличил бы национальный доход за пределы достигнутого уровня (за счет реинвестированных прибылей, остающихся за границей, заработной платы местному персоналу и налогов, выплаченных правительству страны, в которую вывезен капитал). В США величина национального дохода в результате вывоза капитала абсолютно возрастает примерно на 1%.

В результате экспорта капитала положение трудящихся относительно ухудшается, а их доля в национальном доходе уменьшается. Доля же буржуазии увеличивается на сумму доходов, полученных ею из-за границы на иностранные инвестиции, за вычетом той части доходов (относительно небольшой), которая попадает трудящимся. Часть прибылей, полученных из-за границы, может быть израсходована на подкуп верхушки рабочего класса. Кроме того, если полученные из-за границы доходы накапливаются, то часть средств авансируется на заработную плату.

Монополистическая буржуазия получает значительную долю совокупной прибыли от заграничных инвестиций. По нашим расчетам, эта доля равна 13,3%. Интересные данные о роли доходов от заграничных операций для отдельных компаний приводятся в книге Дж. Брайсона «Прибыли из-за границы» (они составляют от 5 до 90% совокупного дохода)¹².

Размеры прибылей на заграничные инвестиции оказывают непосредственное воздействие на позиции компаний в экономике США, на их способность расширять производство, финансировать программы научных исследований, обновлять ассортимент выпускаемых продуктов. Используя доходы от заграничных инвестиций, компания «Зингер» сумела поднять свою долю на внутреннем рынке с 25 до 40% в 1960—1962 гг.¹³ Как указывает американский экономист Дж. Брайсон, Форд занял второе место в США по производству автомобилей в значительной мере вследствие того, что он имел допол-

¹² G. Bryson. *Op. cit.*, p. X.

¹³ *Ibid.*, p. 54.

нительный источник для внутренней экспансии — доходы от заграничных инвестиций. Компания «Крайслер» оказалась на третьем месте, поскольку она не сумела развить операции за границей в соответствующих размерах¹⁴.

Владение иностранными инвестициями становится необходимым условием для достижения господствующих позиций на внутреннем рынке страны, экспортирующей капитал.

Какое влияние оказывает вывоз капитала на занятость? Инвестирование за границей понижает спрос на рабочую силу внутри страны и тем самым препятствует росту заработной платы¹⁵. Экспорт капитала есть одновременно и экспорт рабочих мест. Конечно, об экспорте рабочих мест можно говорить условно: они не существовали ранее в США. Если бы инвестировать все капиталы внутри страны (что не позволяют сделать противоречия капиталистического воспроизводства), занятость можно увеличить. Однако рост внутренних капиталовложений мог бы понизить норму прибыли. Поэтому экспортируются капиталы, а вместе с ними потенциальные рабочие места. В связи с этим растет интерес американских рабочих к делам за рубежом, появляется возможность нового подхода к проблеме международного профсоюзного единства. Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл писал: «Вступая в борьбу с монополиями, имеющими разветвленную сеть заграничных «беглых» предприятий, американские профсоюзы неизбежно порывают с позицией реакционных профсоюзных «боссов» Мини и Ловстона по вопросу об отношениях с профсоюзами других стран»¹⁶. Вывоз капитала может увеличить занятость также и внутри страны. В зависимости от формы использования переведенных из-за границы прибылей он окажет влияние на

¹⁴ G. Bryson. *Op. cit.*, p. 56.

¹⁵ «В настоящее время в Соединенных Штатах все более высоко оценивается воздействие частных иностранных инвестиций на заработную плату и заработную плату на движение капитала за границу». «U.S. Private and Government Investment Abroad», p. 159.

¹⁶ Гэс Холл. Новые возможности борьбы против империализма. «Коммунист», 1968, № 1, стр. 98—99.

число рабочих мест в I или II подразделениях общественного производства.

Далее, в той мере, в которой вывоз капитала способствует развитию экспортных отраслей и сохранению или расширению экспортных рынков, он повышает занятость или поддерживает уровень ее¹⁷ В той мере, в которой иностранные инвестиции стимулируют импорт товаров, конкурирующих с американскими товарами на внутреннем рынке, занятость может уменьшаться.

На вопрос о влиянии вывоза капитала на занятость нельзя получить однозначный ответ, так как здесь действуют противоречивые тенденции.

Влияние, оказываемое экспортом капитала на платежный баланс страны, зависит от форм его вывоза. В а р и а н т 1: экспорт капитала происходит в товарной форме. Если при этом стоимость вывезенных товаров равна экспортированному капиталу, то утечки валюты не происходит. В а р и а н т 2: экспорт капитала осуществляется в денежной форме. В этом случае страна лишается валюты на сумму, равную вывезенному капиталу. В реальной действительности капитал вывозится в товарной и денежной формах. Поэтому уменьшение валютных резервов происходит, но в меньшем объеме по сравнению с вывезенным капиталом. Экспорт капитала порождает встречный поток доходов, получаемых от заграничных инвестиций. Если последний осуществляется в денежной форме, то он увеличивает валютные резервы страны; если в товарной, то он способствует экономии иностранной валюты, которую иначе пришлось бы затратить на покупку импортируемых товаров. При оценке влияния иностранных капиталовложений следует также учитывать, что они поглощают часть экспорта товаров из США.

Доходы с прямых инвестиций США за границей значительно превышают отток новых фондов и увеличивают поступление иностранной валюты. Вывоз прямых инвестиций не является причиной дефицита платежного

¹⁷ *Американские экспортные рынки в 1960 г. обеспечивали работой свыше 3 млн. рабочих. Если пропорция между стоимостью экспорта и занятостью не изменилась, то в 1965 г. вывоз товаров давал занятие 4,3 млн. человек. «Statistical Abstract of the United States», 1966, p. 877.*

баланса США. Однако доходы, получаемые из-за границы, суть доходы со всей совокупности инвестиций, а не только с инвестиций текущего года. Гипотетически можно предположить, что отток новых фондов прекратился, но приток прибылей, создаваемых старыми капиталовложениями, продолжается. Поэтому, ограничивая новые капиталовложения, можно обеспечить экономию валюты и сократить дефицит платежного баланса. Но улучшение платежного баланса за счет ограничения новых капиталовложений в перспективе имеет своим результатом потери, поскольку оно сокращает будущие прибыли, поступающие в США.

Считается, что каждый доллар, инвестированный за границей в развитых странах, компенсирует издержки платежного баланса в течение 5—6 лет. К концу 10-го года сумма переведенных прибылей более чем вдвое превосходит вывезенный капитал¹⁸.

Далее, положительный баланс на счетах американских иностранных капиталовложений достигается за счет значительного превышения новых инвестиций переводимыми доходами, полученными от эксплуатации развивающихся стран. Что касается развитых капиталистических стран, то соотношение новых инвестиций и переводимых доходов является неблагоприятным для платежного баланса США. Так, за период с 1956 по 1966 г. только в 1953 и 1965 гг. размер переведенных прибылей превысил приток американских инвестиций в Западную Европу¹⁹.

В связи с дефицитом платежного баланса правительство США предприняло ряд мер по ограничению вывоза капитала за границу. В июле 1963 г. был введен уравнительный налог на проценты по внешним кредитам. В феврале 1965 г. начала действовать программа добровольного ограничения иностранных инвестиций. Эта программа предполагала значительное сокращение новых прямых инвестиций за границу. Американские компании за границей обязывались перевести свободные денежные средства со счетов местных банков в США. Для банков-

¹⁸ W. S. Salant and assoc. *The United States Balance of Payments in 1968*. Washington, 1964, p. 146.

¹⁹ W. S. Salant. *Op. cit.*, pp. 126, 128; «Survey of Current Business», 1967, June, p. 36.

ских кредитов был установлен потолок. Их объем не должен был превышать 105% от уровня 1964 г. Действие программы добровольного ограничения иностранных инвестиций продолжалось в 1966 и 1967 гг.

С 1968 г. США вынуждены были прибегнуть к правительственному контролю над всеми частными инвестициями за границей и перейти к программе принудительного ограничения американских заграничных капиталовложений. В соответствии с этой программой банковские займы сокращаются на 500 млн. долл., а новые инвестиции частных американских компаний в текущем году будут сокращены на 1 млрд. долл. по сравнению с уровнем 1965—1966 гг.

Чтобы улучшить платежный баланс США с развитыми капиталистическими странами, правительство полностью запретило новые инвестиции в страны Западной Европы (за исключением Англии), а капиталовложения в Канаду, Австралию, Англию и Японию ограничиваются 65% от уровня 1965—1966 гг. Лимитируется экспорт капитала и в развивающиеся страны (110% от уровня капиталовложений 1965—1966 гг.).

Дефицит платежного баланса США в 1967 г. составил 3,5—4 млрд. долл. За счет ограничения банковских займов и новых инвестиций предполагается уменьшить этот дефицит на 1,5 млрд. долл.²⁰

Программа принудительного ограничения иностранных инвестиций внутренне противоречива. С одной стороны, уменьшение потока иностранных капиталовложений способствует экономии иностранной валюты, с другой, уменьшенный приток инвестиций может оказать депрессирующее влияние на экспорт товаров и уменьшить в связи с этим валютную выручку из этого источника. Хотя следует заметить, что американские инвестиции в Западной Европе порождают меньший объем экспорта оборудования и других товаров по сравнению с другими районами. Экспорт готовых изделий в подконтрольные компании американских фирм за границей по отношению ко всему экспорту готовых изделий в 1964 г. составляет

²⁰ «International Herald Tribune». Paris, January 2, 1968.

для Канады 61,2%, для Латинской Америки — 35,9%, для Западной Европы — 32,0% ²¹.

Результаты программы принудительного регулирования иностранных инвестиций весьма ограничены. Данные министерства торговли США показывают, что вывоз прямых инвестиций в районы, охватываемые программой, в первой половине 1968 г. по сравнению с первой половиной 1967 г. уменьшился незначительно — с 1170 млн. долл. до 1119 млн. долл. ²².

Главной причиной дефицита платежного баланса США являются правительственные расходы, связанные с войной во Вьетнаме, содержанием войск и военных баз за границей, оказанием экономической и военной «помощи».

* *
*

Вывоз капитала оказывает существенное воздействие на экономику страны-экспортера, которое в конечном счете обнаруживается через внешнюю торговлю. Движение капитала между странами возникает на основе развитого международного обмена товаров. Вывоз капитала, возникнув на этой основе, в свою очередь существенным образом влияет на внешнюю торговлю, определяя в значительной мере ее объем, структуру, направление, условия. Между движением капиталов и товаров возникают сложные и противоречивые связи. В какой мере вывоз капитала влияет на производство и занятость в стране-экспортере, зависит от воздействия его на экспортно-импортную торговлю. Далеко идущие последствия для экономики США имеет растущее производство товаров на заграничных подконтрольных компаниях.

Наконец, иностранные капиталовложения оказывают противоречивое воздействие на платежный баланс страны-экспортера. В отдельные периоды вывоз капитала усугубляет валютные кризисы и подрывает устойчивость валюты страны-экспортера на мировом рынке.

²¹ «Survey of Current Business», 1965, December, p. 16.

²² Ibid., 1968, September, p. 28.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ МИРА И ПРОЦЕСС ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

«Эпоха новейшего капитализма показывает нам, что между союзами капиталистов складываются известные отношения на почве экономического раздела мира...».

В. И. Ленин

1. НОВЫЕ ЧЕРТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗДЕЛА МИРА

Основой международных отношений в эпоху империализма была и остается система экономического раздела мира между монополиями, которые в силу этого выступают в качестве международных монополий, или, употребляя ленинское выражение, сверхмонополий. Сверхмонополии, перенесенные из первичной сферы производственных отношений во вторичную сферу, в область производных производственных отношений, оказывают обратное воздействие на рост капитала, его накопление и создают силу, эксплуатирующую, грабящую и давящую до сих пор большинство населения земного шара.

За полвека общего кризиса мирового капитализма многое изменилось в системе экономического раздела мира международными монополиями. Система классического картеля в виде частных и межправительственных картелей сходит со сцены. Эта система прямого

раздела рынков через механизм цен, квот, премий и штрафов не прижилась в обстановке огромных экономических и политических изменений, таких, как научно-техническая революция, породившая массу «новых товаров», диверсификацию производства и перенесшая основную тяжесть конкуренции во «внецеповые» сферы, а также ввиду сокрушительной морально-политической дискредитации картелей и их роли в подготовке мировых войн, особенно второй мировой войны. Возникшая в ходе второй мировой войны система «аллокаций» и межправительственных комитетов по дефицитным товарам и сырью, которую пытались гальванизировать в 50-х годах, также себя не оправдала.

В послевоенный период начали более широко распространяться межправительственные объединения нового типа, а именно не по какому-либо отдельному товару, а по организации координации общей экономической политики, включая создание запасов сырья, продовольствия, валюты. К их числу принадлежали: Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС); Европейское объединение угля и стали (ЕОУС); Евратом; Европейский платежный союз (ЕПС), замененный с 1958 г. Европейским валютным соглашением, а также созданные в рамках ООН или примыкающие к ней организации — Международный банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд. В последующие годы возникли новые межправительственные организации вроде Международной финансовой корпорации, Ассоциации развития и т. п.

Но наиболее распространенной формой и лозунгом межправительственных объединений в капиталистическом мире стали новые организации типа «общих рынков» и «зон» — интеграция экономики.

За последние 10 лет такие блоки возникали на всех континентах: «шестерка» и «семерка» в Западной Европе, таможенный союз Австралии и Новой Зеландии, Латиноамериканская ассоциация свободной торговли, центрально-американский общий рынок, общий рынок арабских стран, восточно-африканский общий рынок, центрально-африканский таможенный и экономический союз и т. д. Такое поветрие имеет свои определенные, но совершенно разные корни по социально-экономической природе. Это и объединения слаборазвитых госу-

дарств, и образования марionеточных режимов, которые пытаются подпереть друг друга, и наконец, объединения старых, зрелых, «перезрелых» империалистических государств, наиболее ярким образцом которых является «Общий рынок», «малая Европа» или Европейское экономическое сообщество, которое вступило во второе десятилетие своего существования.

2. ПРОЦЕСС ИНТЕГРАЦИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Тенденции к объединению капиталистических хозяйств получили более законченную форму именно на западноевропейском континенте. Конечно, и здесь проявляется действие закона неравномерности экономического и политического развития стран капитала. Но огромную роль в возникновении и ускорении процесса интеграции сыграли и другие факторы мирового развития.

Развитие мирового революционного процесса нанесло самые тяжелые удары по позициям западноевропейского империализма. Социалистическая часть Европы давно достигла превосходства над капиталистической по территории, населению, промышленному производству (особенно добыче угля, железной руды, нефти, производству стали, чугуна, цемента и т. п.). Успехи социалистического мира повышают боеспособность, организованность и массовость рабочего и демократического движения в Западной Европе, ставшего неодолимым и грозным противником для монополий отдельных стран старого капитализма. Подъем национально-освободительного движения угнетенных народов привел к развалу колониальных империй западноевропейских держав и подрыву позиций последних на мировом рынке. Все это подтолкнуло правящие круги ряда государств старой монополистической Европы к объединению в замкнутые блоки для отстаивания интересов своих монополий.

Так возникла «малая Европа» шести стран или «Общий рынок». У колыбели «малой Европы» стоял американский империализм. Агрессивные круги США видели в рождавшемся «Общем рынке» лишь промышленное ядро для военных блоков вроде НАТО и рассчитывали до конца сохранить контроль над развитием процессов интеграции в Западной Европе.

В отличие от прочих и весьма многочисленных межгосударственных объединений на различных континентах Европейское экономическое сообщество представляет собой наиболее наглядное проявление объективно присущей капитализму тенденции к интернационализации производительных сил, производства и капитала, тенденции, реализуемой в рамках государственно-монополистических союзов финансовых олигархий. Поэтому и вопросы о противоречиях, границах, степени обратимости и перспективах интеграционного процесса можно в наиболее обоснованной мере проследить на примере Европейского экономического сообщества.

Для того чтобы правильно оценить это новое объединение государства на мировой арене, роль и перспективы такой перегруппировки сил империалистических государств, выявить соотношение этого процесса с тенденцией империализма к экономическому дележу сфер господства, необходимо обратиться прежде всего к специфике политико-экономической природы самого процесса современной экономической интеграции развитых в индустриальном отношении капиталистических государств.

Ныне уже вряд ли достаточно определять империалистическую интеграцию лишь как «новое явление» в экономике (и политике), хотя для буржуазных экономистов задача определения данного процесса осталась непосильной, несмотря на то, что интеграция стала предметом учебников в западноевропейских школах. Например, французский профессор Ж. Мэйо открыто признает, что дать определение интеграции «весьма трудно»¹. Ему нечего предложить кроме рассуждения, что это, дескать, отсутствие дискриминации между интегрируемыми национальными хозяйствами. «Или еще точнее, — продолжает Ж. Мэйо, — отсутствие всякой дискриминации между экономическими единицами, т. е. между фирмами, принадлежащими к различным национальным хозяйствам»².

Сам Мэйо видит недостаток своего определения лишь в том, что оно является скорее юридической, нежели

¹ F. Mayo. *L'economie europeenne*. Paris, 1965, p. 3.

² *Ibid.*, p. 4.

экономической характеристикой процесса³. Однако не-правильность подхода буржуазных экономистов к процессу интеграции состоит, как правило, не только в выпячивании юридических форм перед экономической сущностью явлений, но и в общей ограниченности кругозора этих ученых узкими рамками интересов определенных фракций буржуазии. В самом деле, если интеграция есть отсутствие какой бы то ни было дискриминации, то для чего тогда раскалывать мировой рынок на замкнутые торгово-политические блоки, враждующие друг с другом? Но суть позиции буржуазных экономистов сводится к признанию как само собой разумеющихся таких блоков и к поискам «равенства» партнеров внутри этих замкнутых группировок. А «равенство» в конкуренции неизменно трактуется как «реализация своих возможностей», которые зависят от силы, масс контролируемых капиталов и т. д.

Весь ход последних лет подтвердил характеристику процессов империалистической интеграции, данную международным коммунистическим движением, а именно, как своеобразной формы передела сфер империалистического влияния. Эта специфика перераспределения сфер господства определяется не только воздействием таких факторов, как развитие мировой социальной революции и научно-технической революции, но и разрастанием государственно-монополистического капитализма на сферу международных отношений. Наконец, впервые в истории международный империализм в середине 50-х годов XX в. вынужден был изыскивать пути к мирному переделу сфер господства ввиду невозможности использовать такое «классическое» средство, как мировая война. Таким искомым и найденным средством перераспределения сфер влияния империалистической политики ряда стран и считают интеграцию хозяйств этих государств.

Но независимо от этого возникает вопрос: в какой степени взаимное проникновение монополий интегрируемых стран в экономику друг друга позволяет осуществить экономический раздел всего капиталистического мира? И здесь не обойтись без рассмотрения механизма интеграции. Механизм этот сводится к следующим моментам.

³ *F. Mayo. Op. cit., p. 4.*

В рамках ЕЭС современный монополистический капитализм маневрирует производительными силами в трех формах, соответствующих трем формам кругооборота капитала: денежный капитал («общий рынок» денежных капиталов), производительный капитал («общий рынок» средств производства и рабочей силы) и товарный капитал («общий рынок» товаров). Таким образом, и «малая Европа» стоит на трех китах — «свобода перемещения капитала», «свободное перемещение рабочей силы» и «свободное передвижение товаров».

Менее всего известно о либерализации движения капиталов, но она развивается около 8 лет, в соответствии с решением 11 мая 1961 г. С тех пор постепенно все новые и новые группы капиталов получают право свободного перемещения внутри «малой Европы». Здесь имеет место тенденция к обеспечению доступа монополиям шести стран к денежным сбережениям состоятельных слоев населения всей этой шестерки, т. е. доступа к «складам капиталов», а такими «складами капиталов» являются самые различные в наш век учреждения: финансовые институты (наряду с банками), сберегательные кассы, различные фонды и т. п.

«Общий рынок» является невиданным в истории монополистического капитализма по своим масштабам соглашением о переделе рынков рабочей силы, осуществляемым империалистическими государствами. Свыше 2,5 млн. иностранных рабочих ввезли эти страны за 10 лет существования «Общего рынка». Причем $\frac{2}{3}$ иностранных рабочих въехали туда из стран, не участвующих в «малой Европе». К этому есть причины, в частности, то, что пролетариат шести стран сумел оказать столь сильное давление на правительства своих стран, что органы ЕЭС вынуждены были издать ряд постановлений, провозглашающих равенство прав рабочих-иммигрантов, приехавших из стран ЕЭС, с местными трудящимися. Короче говоря, иммигрантов из ЕЭС оказалось не так-то легко низвести до уровня «кули», чернорабочих. Поэтому на таких ролях «кочегаров Европы» используются эмигранты из Греции, Испании, Португалии, стран Ближнего Востока и т. д.

С 1 июля 1968 г. осуществлена полная отмена таможенных пошлин во взаимной торговле. В феврале

1967 г. состоялось решение о создании единой налоговой системы по французскому образцу⁴.

Наконец, разрабатываются планы создания единой «малоевропейской» валютной системы и единой денежной единицы «шестерки». Вот здесь-то сам механизм интеграции и подводит к границам этого процесса. И дело не столько в том, что каждый из членов «Общего рынка» весьма мало расположен поступиться в какой-либо форме своими накоплениями золотых запасов, с трудом вырванных у США. Ведь создание единой валюты «малой Европы» потребует не только общего запаса «желтого металла», но и введения единой денежной системы шести стран. А придать авторитет и силу такой единой денежной системе и единице денег могла бы только единая государственная, точнее, надгосударственная власть! Готовы ли к «совмещению» столь различные политические режимы и социальные организмы Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга? Во всяком случае о такой возможности в настоящее время говорить не приходится. Каждое из империалистических государств озабочено прежде всего защитой господства и привилегий своей монополистической буржуазии.

3. РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Роль государства вообще выглядит весьма своеобразно в ходе осуществления планов империалистической интеграции.

На первый взгляд может показаться, что внутри «Общего рынка» государства как бы устранились от конкуренции и всех операций. Ведь непосредственными участниками борьбы на рынках «малой Европы» являются монополии, а не правительства. Государства образуют как бы внешний щит, загораживающий предприятия

⁴ О действии механизма экономической интеграции см. подробнее: «От лозунга «Соединенных Штатов Европы» к практике «Европейского экономического сообщества». В кн.: «Дипломатия и мировое хозяйство». Под ред. проф. Э. П. Плетнева. М., «Международные отношения», 1966.

«шестерки» от их соперников по мировому рынку, а внутри «шестерки» — конкурируют, объединяются и распадаются фирмы, частные объединения.

Да и государственные инвестиционные институты и национализированные предприятия приравниваются к частным инвесторам. Это — своеобразная форма развития государственно-монополистического капитализма, его тактическая разновидность, когда государство не прямо участвует во всех межнациональных экономических операциях, а косвенно, когда благоприятная конъюнктура позволяет государству издали присматривать за ходом цикла.

О том, что кажущееся самоустранение государства от, так сказать, арбитражных форм вмешательства в течение хозяйственной конъюнктуры является лишь временным, т. е. временным признаком государственно-монополистического капитализма, можно судить как по внутренним факторам развития цикла в рамках «Общего рынка», так и по внешним — по характеру связей «малой Европы» с капиталистическим мировым хозяйством.

Конец наигранному либерализму государственных властей у каждой из стран «Общего рынка» приходит всякий раз, как обнаруживаются ухудшение конъюнктуры или признаки перепроизводства той или иной продукции в собственной стране. Тогда против партнеров по «Общему рынку» немедленно возводятся административные, законодательные или судебные рогатки. Особенно часто это наблюдается в области сельского хозяйства, где партнеры по ЕЭС договорились о создании «единого рынка» продукции. Неоднократные запреты на ввоз продукции под видом санитарной защиты рынка вошли в историю международной торговли под названием «войны цветов», «войны картофельных клубней», «войны цыплят» и т. п.

С ухудшением общей конъюнктуры в экономике ФРГ в 1967 г. западногерманские власти выслали за ее пределы около 400 тыс. иностранных рабочих и прекратили вербовку иммигрантов, в том числе в Италии.

Но особенно велика роль государства, союза государств, совокупной государственной машины «шести стран» в отстаивании интересов монополий «малой Европы» перед лицом монополистических объединений

«третьих» стран, куда входят США, Англия и Япония. Известно, с какой непримиримостью правительства шести стран противоборствовали напору США во время пятилетней торгово-дипломатической битвы, известной под именем «Раунда Кеннеди». Достигнутый к лету 1967 г. компромисс явно станет кратковременной передышкой для новых схваток торговых гигантов ЕЭС и США.

Роль непосредственного участия самого государства в этой борьбе каждой из всех стран «Общего рынка» против империалистического проникновения, а точнее сказать, нашествия монополий США в экономику «малой Европы», будет несомненно возрастать.

4. «ОБЩИЙ РЫНОК» И АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛ

Американские монополии обладали довольно сильными позициями в экономике Западной Европы и до образования «Общего рынка». Особенно велик был приток американского капитала в форме займов и кредитов в 40-х годах — это было, так сказать, «второе пришествие» доллара (после первого, имевшего место в 20-х годах).

Объединяясь в замкнутое «сообщество», государственно-монополистические союзы Франции, ФРГ, Италии и Бенилюкса рассчитывали потеснить позиции заокеанских инвесторов и кредиторов на западноевропейском континенте, прежде всего, в «малой Европе». Но эти расчеты не оправдались. С 1960 по 1966 г. американские капиталовложения в Западной Европе увеличились с 6,7 млрд. долл. до 16,2 млрд. долл., т. е. почти в 2,5 раза⁵. Более того, именно за годы интеграции и особенно с началом мер по либерализации движения капиталов внутри ЕЭС, пошел массовый наплыв американских капиталов в экономику «малой Европы»: туда было вложено до 7 млрд. долл. прямых инвестиций из-за океана.

Лишь на первый взгляд степень внедрения американских капиталов в экономику стран «Общего рынка» пред-

⁵ «Survey of Current Business», 1967, September, p. 45.

ставляется неопасной (примерно 5% от валовых капиталовложений в народное хозяйство этих государств). На деле же заокеанские капиталы-пришельцы глубоко угнездились в ключевых отраслях индустрии, торговли и банках. Они контролируют в ЕЭС $\frac{1}{4}$ производства автомобилей, $\frac{1}{5}$ выпуска тракторов и $\frac{3}{4}$ других сельскохозяйственных машин, $\frac{1}{6}$ производства каучука, резиновых изделий, почти монополизировали создание электронно-вычислительных машин, консервирование фруктов, прибирают к рукам строительство новых гостиниц и курортов.

«Малоевропейские» бизнесмены особенно озабочены техническим превосходством прорвавшихся в ЕЭС американских предприятий. Массами скупая научные открытия, технические и технологические новинки, организуя «утечку мозгов» за океан, монополии США вновь перепродают плоды работ, начатых в других странах, этим последним. Ежегодные доходы американских монополий от продажи другим государствам лицензий и патентов с 1961 по 1966 г. поднялись с 0,5 млрд. до 1 млрд. долл.⁶.

Наряду с сохраняющимся превосходством в области применения техники, организации производств и эксплуатации более сложной и обученной рабочей силы американские монополии располагают более значительными финансовыми ресурсами. На эту «приманку» и клюнули сотни «малоевропейских» фирм, решив заручиться мощной финансовой поддержкой заокеанских денежных мешков перед тем, как создавать в рамках ЕЭС «европейские анонимные компании». В результате многие из сильных фирм ЕЭС оказались проглоченными партнерами из-за океана. При этом американские монополии получили возможность даже расширить свой контроль за границы реальных размеров своих вкладов в фирмы «Общего рынка». Этим дополнительным средством контроля становится создаваемая в Западной Европе единая система управления американскими предприятиями. Центры планирования операций, включая инвестиционную, техническую и торговую политику американских

⁶ «L'Usine nouvelle», N special de Printemps, 1967, p. 15.

филиалов в Западной Европе, переносятся на эту сторону Атлантики.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в формировании столь всеохватывающей системы управления и координации операций американских капиталов в ЕЭС, которая ныне создается, самое активное участие принимают государственные органы США (торговли, финансов, дипломатии). Но что могут противопоставить «третьему пришествию» доллара в Западную Европу монополии этого континента? Часть монополистической буржуазии в странах ЕЭС открыто уповает на активизацию государства в экономической сфере, ибо лишь с помощью средств государственного бюджета представляется возможным противостоять финансовым воротилам Уолл-Стрита на территории «Общего рынка». В качестве примеров успешного противоборства заокеанским соперникам печать, обслуживающая «малоевропейские» монополии, указывает на деятельность национализированных и государственных предприятий, на ряд автомобильных, авиационных, нефтеперерабатывающих и атомных предприятий, а также на транспортные и коммунальные организации. Некоторые буржуазные круги идут еще дальше, за национальные рамки государственных бюджетов и требуют образования интернациональных бюджетных фондов и предприятий, создания централизованной моногосударственной монополистической системы в рамках ЕЭС для противодействия американской экономике.

Однако такие проекты антиамериканских предприятий-гигантов вызывают возражения другой части буржуазии ЕЭС. Эта часть буржуазных политиков и бизнесменов опасается, что создание предприятий американского масштаба вызовет диспропорции и рост неустойчивости в экономике, увеличит социальное «неравенство», а главное, опасность с точки зрения развития политической борьбы в ЕЭС. Эти опасения сродни той боязни, которую испытывал перед предприятиями типа американских трестов немецкий экономист Чиршки в начале XX в.

Критикуя по-мещански реакционные и утопические взгляды этого филистера, уповавшего «всего лишь» на картели, В. И. Ленин показал, что в этих взглядах сквозит ужас буржуазии перед процессом обобществления производства, подводящего к социализму.

Пока западноевропейская (даже «малоевропейская»)

буржуазия не сумела выработать единой стратегической линии отпора американскому инвестиционному нашествию, а часть ее даже не видит в этом нужды, монополистический капитал США, опираясь на плацдармы, захваченные его «десантами»-филиалами, весьма произвольно осуществляет перегруппировку капиталов и предприятий, путает карты «малоевропейских» политиков, раскалывает единство их действий, достигаемое на время и ценой огромных дипломатических усилий. Особенно широкие возможности для такой стратегии открылись бы перед монополиями США при включении в «Общий рынок» такого их партнера, как монополии Великобритании.

5. «ОБЩИЙ РЫНОК» И МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Вопрос о возможностях и последствиях вступления Англии в «Общий рынок» имеет самые различные политико-дипломатические, экономические, торгово-финансовые и юридические аспекты⁷. С точки зрения политической экономии, вопрос этот имеет огромное значение прежде всего потому, что помогает выявить изменения направлений экономического раздела мира, самого объекта этого дележа сфер господства в современных условиях. Суть этих изменений в том, что развитие социалистической и национально-освободительной революции, с одной стороны, и научно-технической революции, с другой стороны, привели к переориентации капиталотоваро- и патенто-потоков из индустриально развитых капиталистических государств «друг на друга», т. е. центрами взаимного притяжения для монополий стали народные хозяйства бывших метрополий. Этой сферой в основном и ограничено развитие научно-технической революции, а значит, и порожденных последней новых рынков и объектов капиталовложений. Здесь оказался сужающийся «пятачок» более «стабильного», на первый взгляд, социального климата.

⁷ Подробнее об этом см.: «Общий рынок» — орудие монополий». Под ред. В. С. Зорина и Э. П. Плетнева. М., Изд-во ИМО, 1963.

Все развитие британского империализма за последние годы воочию показало, что бывшие колонии все еще не в состоянии да и вряд ли будут в состоянии без коренной ломки структуры своей экономики поглощать продукцию современной промышленности Англии. Отсюда отчаянные попытки Англии прорваться в «Общий рынок», где находятся ее главные торговые партнеры. Дважды британские монополии модернизировали главные отрасли своей индустрии накануне ожидавшегося включения Англии в «малую Европу» (середина 50-х и середина 60-х годов). И несмотря на решительное сопротивление «шестерки», прежде всего, Франции, английские правящие круги при поддержке США продолжают рваться в этот блок. Вступление Англии в ЕЭС, если оно состоится, резко изменит соотношение сил в данном объединении, даже физиономию самого объединения. Это будет равносильно созданию нового блока, очередному переделу сфер влияния.

Но речь должна идти в этом случае не об обратимости или необратимости процесса интеграции, а о том, что эта интеграция не может ликвидировать характерную для капитализма подвижность, безликость, безразличность, всепроникающую силу его переливов или силу его ударов во взаимных схватках. Отсюда неустойчивость всяких группировок, создание новых группировок в рамках прежних блоков. Вступи Англия в «Общий рынок» — и «шестерка», как и «семерка», будет менять свои позиции, роль и характер.

Это прежде всего на руку монополистам и реваншистам ФРГ. А кто поручится, что западногерманские реваншисты откажутся от давних планов «срединой Европы» (например ФРГ, Австрии, Дании, Швеции, Люксембурга и т. п.)?

Здесь имеются зловещие перспективы борьбы Англии и США за благосклонность боннских реваншистов, растущего союза американских и западногерманских монополий, прорыв последних к ядерному оружию и все более активная их роль в военно-политическом плане.

* *
*

Образование таких союзов государств, как Европейское экономическое сообщество, было реакцией монопо-

листического капитала на рост сил социализма в Европе. Вместе с тем образование такого союза, как Европейское экономическое сообщество, является вызовом социализму и превращает межгосударственные отношения в сферу экономического соревнования двух систем.

Разумеется, мировое революционное движение не может относиться пассивно к новым процессам в сфере империалистического лагеря. Образованию замкнутых блоков социалистические государства противопоставляют свою политику широкого, равноправного и взаимовыгодного экономического сотрудничества без дискриминации и какого-либо вмешательства во внутренние дела. И эта линия приносит свои плоды: вопреки раскольнической и дезорганизирующей политике агрессивных сил на всемирном рынке экономического оборота социалистических стран с капиталистическими расширяется. При этом особенно вырос торговый оборот СССР со странами «Общего рынка» и «малой зоны свободной торговли». Сегодня, как никогда, справедливы слова В. И. Ленина о том, что буржуазным странам надо торговать с Россией. Капиталисты ищут рынки и в других социалистических странах.

Много лет тому назад советская внешняя политика выставила лозунг: «Мир неделим!», и отстаивая его, СССР всю свою силу и авторитет направил на то, чтобы обеспечить мир всем без исключения народам на Земле. Ныне у социалистических стран, у всех миролюбивых и демократических сил достаточно могущества, чтобы слова политического лозунга «Мир неделим!» зазвучали и с новым экономическим смыслом, как предостережение международным монополиям, мечтающим о дележах и «передележах» сфер господства. В этом требовании сил мира более полно выразится воздействие нашей революционной эпохи на сходящий со сцены империализм.

**ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАКОНА НЕРАВНОМЕРНОСТИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В СОВРЕМЕННУЮ
ЭПОХУ**

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма».

В. И. Ленин

**1. ЭТАПЫ ИЗМЕНЕНИЯ В СООТНОШЕНИИ СИЛ США И
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ**

Жизнь подтвердила правильность открытого полвека тому назад В. И. Лениным закона неравномерности экономического и политического развития капитализма.

Вопреки утверждениям буржуазных идеологов о том, что в «трансформированном» капитализме противоречия ослабевают и сменяются гармоническим развитием, события последних лет показывают, что капиталистические страны, их хозяйства могут развиваться лишь конфликтно, не иначе как скачками. Послевоенный период характерен меняющимся соотношением сил между США и новым центром силы в Западной Европе, относительным ослаблением позиций США и Англии, усилением позиций ФРГ и отчасти Италии и Франции. Проявление этой неравномерности в послевоенный период можно подразделить условно на ряд этапов.

Первый этап (1945—1955 гг.) — этап абсолютной гегемонии США в капиталистическом мире. Еще накануне войны центр финансового могущества переместился в США. В ходе войны США избавилось от своих конкурентов на мировых рынках. Их экономика, переживавшая в 30-е годы депрессию, недогрузку производственного аппарата и рабочей силы, в ходе выполнения военных заказов пережила подъем, увеличила промышленное производство в 2 раза, национальный доход на 70%.

В первые годы после второй мировой войны США концентрируют более половины мирового промышленного производства, $\frac{1}{3}$ внешней торговли, $\frac{3}{4}$ золотых запасов, осуществляют мировую гегемонию на промышленных и сельскохозяйственных рынках, в экспорте капитала. В этот период, названный в западной литературе «эпохой доллара», доллар оттесняет фунт стерлингов, становясь самой устойчивой валютой. Европейские валюты обесцениваются, и Западная Европа испытывает хронический «долларовый голод». «Маршаллизованная» Западная Европа следует в фарватере империалистической политики США.

Новым явлением в системе международных экономических отношений стало то, что под эгидой США появляются новые международные экономические организации — Организация европейского экономического сотрудничества, Международный банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд. НАТО политически консолидировало в антисоциалистическом блоке западные державы. США — абсолютный лидер капиталистического мира — поставили вопрос о «мировом господстве». В американской буржуазной литературе появляются теории о «всемирном государстве» (капиталистическом), о «Соединенных Штатах мира».

США стали активным вдохновителем «объединения» Европы, ибо видели в разъединенной Европе опасный фактор политического неравновесия. В то же время, активно создавая антисоциалистическую Европу, они отводили ей роль «второго эшелона», сохраняя за собой примат во всех вопросах мировой политики и экономики. В этот период Англия всячески тормозила создание европейского общего рынка, поддерживая «особые отношения» с США и рассчитывая иметь «свободные позиции» и «свободное влияние».

Это был этап наибольшей полярности сил между Старым и Новым светом, когда одряхлевшая Западная Европа оказалась под экономическим и политическим господством заокеанского партнера.

Второй этап в изменении соотношения сил можно условно датировать 1955—1965 гг. Структурные изменения в экономике Западной Европы, развитие научно-технического прогресса, возросшая экономическая роль государства повели к восстановлению позиций западноевропейского капитализма. Западная Европа переживает период длительного циклического подъема. В 50-е годы происходило быстрое обновление основного капитала, чему содействовал и приток американского капитала.

Неравномерность экономического и политического развития приводит к нивелировке уровней экономического развития США и Западной Европы. Идет процесс восстановления позиций западноевропейского капитализма в промышленности, внешней торговле. «Долларовый голод» сменяется долларовым «пресыщением». Из кредитора США превращаются в должника Европы.

В Западной Европе формируется новый «центр силы», и эре абсолютной гегемонии США в капиталистическом мире приходит конец. Попытка США создать «всемирный капиталистический трест» провалилась. Апологии «американской исключительности» сменяются теориями о «европейском чуде», что само по себе отражало изменения в соотношении сил.

В указанный период промышленное производство, внешняя торговля, инвестиционная деятельность в западноевропейском капиталистическом «центре силы» показывают более динамичное развитие в отличие от США. Так, валовый продукт в странах ЕЭС за 1958—1966 гг. увеличился на 52%, а в США — только на 44%. За этот же период внешняя торговля стран ЕЭС возросла на 240% против 63% общего роста мировой капиталистической торговли¹. Золотые резервы США сократились с 20,6 млрд. долл. до 13,2 млрд., тогда как в странах «Общего рынка» они возросли с 6,8 до 15,2 млрд. долл.

В Западной Европе все более возрастает национализм, нашедший свое проявление в так называемом

¹ «Le Marché commun. X ans». Paris, 1963, pp. 3, 32.

«бунте» де Голля. Североатлантический блок переживает острый кризис. Выход Франции из военной организации НАТО, отказ поддерживать израильскую агрессию против арабских стран внесли существенные коррективы в расстановку империалистических сил.

Неравномерность экономического и политического развития, обусловившая резкое изменение соотношения сил в лагере капитализма в пользу США в первый послевоенный период в дальнейшем стала фактором, стимулировавшим выход западноевропейских стран из тисков финансово-экономической и политической зависимости от США. В юбилейном номере, посвященном 10-летию ЕЭС, журнал «Коммюнетэ Эроpeen» писал: «Стремление к объединению в Западной Европе стало фатальным после мирового конфликта, коренным образом изменившего соотношения сил. В то время как позиции европейских наций ослабли, появились супер-гиганты США и Советский Союз. Положение европейских наций не соответствовало новым условиям, а раскол европейских государств обрекал их на постоянную слабость»².

Таким образом, если общей объективной основой европейской интеграции является необратимый и прогрессивный процесс интернационализации хозяйственных связей, то конкретным условием создания ЕЭС, возникновения нового «центра силы» является закон неравномерности экономического и политического развития империализма. Говоря о меняющемся соотношении сил между Германией и Англией, Россией и Японией, В. И. Ленин писал: «Через десяток-другой лет «мыслимо» ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистскими державами? Абсолютно немыслимо»³.

В связи с новой расстановкой сил происходят изменения в сферах влияния и в ориентации основных капиталистических «центров силы», делящих мировой рынок. «Общий рынок» все более и более бросает экономический вызов Соединенным Штатам. В период формирования «Общий рынок» рассматривался американскими монополиями как экономический фундамент НАТО, как аль-

² «Communauté Européenne», 1967, n° 104. p. 7.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 417.

тернатива социалистическому лагерю. Создатели ЕЭС рассматривали его как «третью силу», хотели создать «Евроафрику, которая по своему демографическому, экономическому и стратегическому потенциалу могла бы сравниться с потенциалом советского и американского колоссов»⁴.

Ныне ЕЭС рассматривается европейскими трестами не только как противовес мировому социализму, не только как возможность ослабить противоречия национального капитализма, но и как возможность противопоставить совокупную экономическую мощь Западной Европы монополиям США.

В частности, это проявляется в агрессивном таможенном протекционизме стран ЕЭС, установивших внешний таможенный тариф на автомобили—25,2%, телевизоры—22,2%, фотоаппараты—18,6% при полной отмене тарифов между странами «Общего рынка». Ограничивая ввоз промышленных товаров прежде всего из США, «шестерка» ограничивает и аграрный рынок для других экспортеров лишь десятью процентами его объема, что наносит удар по американскому сельскохозяйственному экспорту.

Восстановление позиций Западной Европы привело к обострению валютной войны, ибо страны «Общего рынка», оказывая поддержку доллару и фунту стерлингов, финансируя Англию и США, одновременно перешли в атаку на доллар. Уже европейское валютное соглашение означало удар по созданному под эгидой США в 1946 г. Международному валютному фонду. Предложение де Голля заменить нынешнюю систему международных расчетов золотым стандартом, создать новую валюту стран ЕЭС, а также постановка вопроса видным буржуазным экономистом Ж. д'Эстеном о создании «Банка Европы», и наконец, обращение долларовых ресурсов в золото странами ЕЭС означает, что «послевоенная система международного сотрудничества под американским руководством рушится потому, что соотношение экономической мощи изменилось»⁵.

Итак, неравномерность экономического и политического развития в условиях капитализма обусловила обра-

⁴ G. Elgozy. *La France devant le Marché Commun*. Paris, 1958, p. 268.

⁵ «The Statist», 7. December 1962.

зование нового «центра силы» в Западной Европе, который не желает играть роль «второго эшелона» в глобальной экономической и политической стратегии США. Можно сделать вывод, что Западная Европа в качестве одного из центров экономического развития капитализма не может развиваться иначе, как экономически, политически, в финансовом отношении подрывая гегемонию американского империализма.

Националистические тенденции в Западной Европе усиливаются, и с середины 60-х годов наметился третий этап в проявлении неравномерности изменения соотношения сил. Ослабление экономической и политической роли США несколько приостановилось, хотя речь не идет о возврате к периоду абсолютной гегемонии США.

Если в 50-е годы наблюдалось падение доли США в капиталистическом производстве, то в 60-х годах США несколько возвращают утраченные позиции и развиваются относительно быстрыми темпами. В последние годы их темпы превышают западноевропейские. Обновление основного капитала, начавшееся в базовых отраслях, милитаризация экономики в связи с войной во Вьетнаме, конкуренция «Общего рынка» обусловили некоторый циклический подъем (см. рис. 2).

Вообще нельзя преуменьшать экономическую и политическую роль США в лагере капитализма. В последние годы неравномерность экономического развития проявляется в растущем разрыве технологической и финансовой мощи компаний, в возрастающей промышленной «ударной силе» американских монополий.

Американская промышленность производит почти на 70% больше товаров, чем вся промышленность стран ЕЭС и Англии. Научно-технический прогресс и внедрение более совершенной, чем в Западной Европе, системы управления повело к тому, что производительность труда на одного занятого в промышленности США на 40% выше, чем в Швеции, на 60% — в ФРГ, на 70% — во Франции, на 80% выше, чем в Англии⁶.

⁶ J.-J. Servan-Schreiber. *Le défi américain*. Paris, 1967, pp. 61—62.

Западноевропейские монополии значительно уступают американским в финансовой мощи, что ослабляет их конкурентные возможности. Возрастание финансового могущества западноевропейских монополий в последние

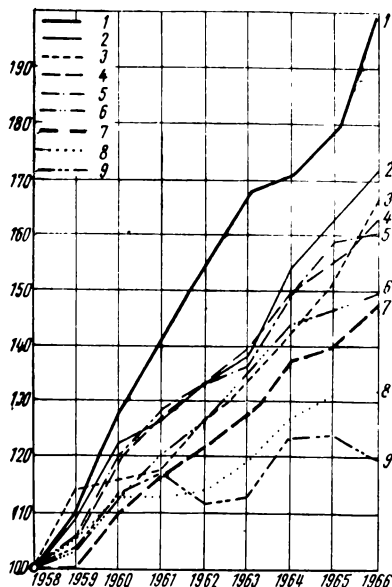

Рис. 2. Динамика промышленного производства (1958=100).
1 — Италия, 2 — Голландия, 3 — США, 4 — ЕЭС, 5 — ФРГ, 6 — Бельгия, 7 — Франция, 8 — Англия, 9 — Люксембург

годы ослабило, но не ликвидировало разрыв между ними и американскими монополиями.

Так, в 1966 г. среди всех капиталистических компаний с торговым оборотом свыше 1 млрд. долл. насчитывалось 60 американских и 27 неамериканских. Прибыли только одной крупнейшей компании «Дженерал моторс» превышают 2,25 млрд. долл., в то время как совокупная прибыль 30 крупнейших компаний Западной Европы (десять французских, десять западногерманских и десять английских) не превышает 2 млрд. долл.

Западноевропейский капитал проигрывает в темпах капиталовложений в «индустрию открытий». По некоторым оценкам, капиталовложения в науку в 1970 г. будут составлять 4,6% национального продукта в США и 2,5% в Западной Европе.

Возрастание технологической и финансовой мощи США в условиях общего кризиса капиталистической системы, обострение валютного кризиса ведет к нарастанию противоречий между американскими и западноевропейскими монополиями. Новый приток американских инвестиций означает не только и не столько «колонизацию» Западной Европы, но «инвестирование изнутри», которое используется западноевропейскими монополиями для усиления собственного потенциала. В то же время засилие американских монополий вызывает острое недовольство в Западной Европе.

Новые условия конкуренции, обусловленные научно-техническим прогрессом и «открытием» границ в рамках ЕЭС, привели к новому этапу структурной ломки, перегруппировке западноевропейских монополий.

В условиях нового этапа неравномерности западноевропейский капитал использует протекционизм «Общего рынка» как фактор, ограничивающий американское господство. В этой связи вполне закономерно дальнейшее усиление тенденции перерастания таможенного союза ЕЭС в экономический для того, чтобы использовать новый государственно-монополистический механизм единой экономической политики против американских «мастодонтов».

С точки зрения перспектив изменения соотношения сил очевидно, что усиление экономического потенциала европейского «центра» капитализма не приведет к радикальному ослаблению позиций США. В то же время это будет противостояние с дальнейшим накоплением сил европейским капитализмом, стремящимся ослабить влияние США в Западной Европе.

2. ПРИЧИНЫ НИВЕЛИРОВКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ США И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Ослабление экономических позиций США к середине 50-х годов и возрастание удельного веса Западной Европы ставит вопрос о причинах этого явления. Для периода

1953—1958 гг. характерно замедление темпов роста американской промышленности всего лишь до 0,6% в год, в то время как промышленность стран ЕЭС возростала на 7,7% в год. Практически американское производство топталось на месте, будучи весьма чувствительным к циклическим колебаниям. Четыре кризисных спада приводят к падению производства на 10% в 1948—1949 гг., на 8% — в 1953—1954 гг., на 12% — в 1957—1958 гг.; сокращение имело место в 1960—1961 гг.

Основной капитал США, обновившийся во время войны, в этот период обновляется медленнее и относительно Западной Европы устаревает. Производительность труда после войны растет более медленными темпами, чем в Европе. По подсчетам «Экономи э политик», производительность труда в промышленности за период 1953—1958 гг. увеличилась в США всего на 15%, в то время как во Франции более чем на 40%, в Западной Германии — на 36%, в Италии — на 35%⁷.

В западноевропейских странах, где наблюдался более быстрый рост цен и денежной наличности, была проведена девальвация многих валют. В США переоценки доллара не последовало, хотя доллар уже к 1950 г. сохранял около $\frac{1}{2}$ своей довоенной покупательной способности, что обусловило более высокий уровень внутренних цен в США, чем в Западной Европе, примерно на 50%. По расчетам швейцарского экономиста, взявшего за 100% уровень цен в Швейцарии в 1955 г., последний составлял во Франции 100, в Великобритании — 90, в ФРГ — 80 и 130 в США⁸.

США являются самым большим рынком промышленных и сельскохозяйственных товаров, но лишь незначительную часть товаров они покупали по дешевым ценам на внешних рынках. Более высокие внутренние цены отрицательно влияли на издержки производства. Например, внутренние цены на нефть в США на 7—8% выше мировых. Американские издержки производства возростали и благодаря более высокому уровню зарплат, превышавшему европейский примерно в 1,5—2 раза.

⁷ «Economie et politique», 1959, n° 64, p. 11.

⁸ F. Kneschaurck. Die nationale Bunchhaltung. Zurich, 1955, p. 12.

В конечном итоге высокие цены отрицательно сказывались на американской внешней торговле, к тому же государственное форсирование экспорта наталкивалось на заградительные мероприятия в Западной Европе типа контингентирования и высоких таможенных тарифов.

В послевоенный период резко усилился приток американского капитала, стимулируемый более выгодными финансово-экономическими условиями. С образованием «Общего рынка» «пришествие» доллара еще более усилилось. Если с конца 1950 по 1958 г. сумма американских частных капиталовложений в Западной Европе увеличилась с 1,7 до 4,5 млрд. долл., то начиная с 1958 г. здесь было инвестировано 10 млрд. долл., т. е. $\frac{1}{3}$ всех американских инвестиций в мире. Из 6000 предприятий, созданных американцами за границей, более половины приходилось на Западную Европу, где американские монополии видели более широкий рынок, «растущий в три раза быстрее, чем американский»⁹.

Учитывая рост издержек производства в США, некоторые американские капиталисты предпочитали строить свои предприятия в Западной Европе, где имелись емкие рынки, дешевая рабочая сила и благоприятный налоговый режим. Издержки производства снижались на 20—40%. Это позволяло более дешевые товары продавать в самих США, что ослабляло позиции США на мировых рынках.

Иностранные инвестиции усиливали процессы модернизации и рационализации в Западной Европе, снижали стоимость производства. Еще В. И. Ленин отмечал, что вывоз капитала «оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его» и в то же время «до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих...»¹⁰.

Более высокие издержки на ряд товаров снижали конкурентоспособность США на мировых рынках, ликвидировали их монополию в мировой торговле.

⁹ J.-J. Servan-Schreiber. *Op. cit.*, p. 19.

¹⁰ В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 27, стр. 362.

Поскольку США превратились в мирового жандарма и несли гигантские затраты на содержание оккупационных войск в поддержку реакционных режимов почти во всех уголках мира, к застою в американском экспорте присовокуплялись всевозрастающие американские расходы за границей, которые, начиная с 1950 г., не снижались ниже 4 млрд. долл. в год. Это были расходы на военную и экономическую «помощь», содержание гарнизонов, баз и т. д.

Первоначально эти расходы, преследовавшие как политические, так и экономические цели, содействовали экспорту излишков американских товаров, обеспечивали приток сырья, вывоза капитала. Но постепенно они все более и более тяжелым грузом ложились на платежный баланс и, наконец, привели к утечке золота. Начиная с 1959 г. впервые после 1866 г. платежный баланс США становится отрицательным.

По некоторым расчетам, для того, чтобы иметь активное сальдо платежного баланса, США могут расходовать за границей не более 2,5 млрд. долл., но их расходы, начиная с 1951 г., находятся на уровне 4—6 млрд. долл., что ведет к катастрофическому отливу золота и валюты из США, подрывает устойчивость американской валюты и международное значение доллара. Доля в мировых запасах золота снизилась с 72% в 1948 г. до 30% в 1965 г. Ранее монопольный банкир, Соединенные Штаты вынуждены обращаться к западноевропейским странам с просьбой поддерживать устойчивость доллара.

Ослабление европейского капитализма побуждало европейскую буржуазию изыскивать новые возможности и создавать всяческие благоприятные условия для ускорения процесса накопления, искать новые стимулы для обеспечения форсированного воспроизводства. Западноевропейский капитализм стал перед проблемой не только восстановления народного хозяйства, но и поисков источников и рычагов накопления с тем, чтобы удержать свои позиции в капиталистическом мире и вести соревнование с социалистической системой. В Западной Европе монополистический капитал начал подлинную битву, чтобы выжить. По словам идеолога французского крупного капитала А. Шаландона: «Экономический рост в еще большей мере стал политической необходимостью с тех пор, как конфликт между Востоком и Западом все

больше принимает форму экономического соревнования»¹¹.

В Западной Европе резко возрастают государственно-монополистические тенденции. С помощью государства, забиравшего в свою собственность целые отрасли, модернизируются хозяйственные структуры и производятся капиталовложения как в государственные, так и в частные предприятия. Путем налоговой политики аккумулируются средства не только буржуазии, но и трудящихся масс, т. е. осуществляется «принудительное накопление». Практикуется государственное форсирование экспорта и фиксируются цены, что в конечном итоге усиливает процесс накопления, способствует модернизации и реконструкции народного хозяйства. Государство в Западной Европе, превратившись в «главный банк», содействует возрастанию общей массы капиталовложений. Повышала норму накопления и экономическая помощь США по плану Маршалла.

Рост накопления шел в условиях научно-технической революции и необходимости восстановления промышленности и жилищного фонда после войны, вызвавшие приток огромных капиталовложений в энергетику и металлургию, затем в машиностроение, химию, а также в легкую промышленность и строительство.

Государственно-монополистические меры стимулирования технического прогресса в европейской экономике вели к более быстрому сокращению издержек производства, что повышало конкурентоспособность европейских товаров. Европейские капиталисты широко использовали новейшие достижения науки и техники, процесс обновления капитала шел здесь значительно быстрее, а научно-техническая революция, начавшаяся в Западной Европе несколько позднее, протекала более интенсивно. Кроме того, если американские монополии покупали основную массу сырья по монопольно высоким ценам на внутреннем рынке, то европейские капиталисты использовали более дешевое сырье в бывших колониальных странах.

В Европе стоимость рабочей силы относительно более низкая. Хотя в целом в результате обострения классовых боев и завоеваний рабочего класса заработная плата в

¹¹ «Le Monde», 8 juin 1965.

Европе росла, она оставалась ниже американской, что позволяло европейским капиталистам извлекать дополнительную прибыль. По расчетам французского экономиста Жака Жервэ, если взять за 100% зарплату в США, то в Италии она будет 17%, в Швеции — 52%¹². Это не могло не отражаться на издержках производства, удешевляя их в сравнении с США.

На расширении внутреннего рынка и обеспечении промышленного подъема в Западной Европе сказалось расширение покупательной способности масс в результате упорной политической и экономической борьбы рабочего класса. Сама по себе стимулируемая возросшей мощью мирового социализма, его завоеваний и идей, а также организованностью и боевитостью европейского пролетариата, классовая борьба вынуждала европейскую буржуазию идти на уступки в вопросах труда, зарплаты и законодательства, в частности, на повышение зарплаты, сокращение рабочей недели, увеличение социальных пособий. Если принять уровень заработной платы рабочих обрабатывающей промышленности в 1957 г. за 100%, то в 1962 г. реальная зарплата составляла в Англии — 105,7%, в ФРГ — 123,1%, в Италии — 110,8%, во Франции — 107,5%¹³.

Крах колониальной системы оказал противоречивое воздействие на процесс воспроизводства. Ослабляя империализм в целом и усиливая его неустойчивость, образование молодых суверенных государств в то же время расширило внешние рынки для монополий.

За счет бывших колоний происходила переориентировка в рынках сбыта. Так, ФРГ, Франция и ряд других стран, потеряв рынки в Восточной Европе, в Китае, вынуждены были переориентироваться на рынки развивающихся стран. Капиталы, изъятые из бывших колоний, направляются в промышленность.

Определенным стимулом в движении производства, в модернизации его структуры стал для Западной Европы «Общий рынок». Однако «Общий рынок», стимулируя

¹² J. Gervais. *La France face aux investissements étrangers*. Paris, 1963, p. 24.

¹³ «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 1, стр. 13.

развитие капитализма, не может ликвидировать его противоречий и, в частности, неравномерности экономического и политического развития.

3. НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СТРАНАХ «ОБЩЕГО РЫНКА»

Закон неравномерности развития капиталистических стран нашел свое проявление и в развитии стран Европейского экономического сообщества, опрокинув положение Римского договора о «гармоническом развитии экономической деятельности во всем сообществе»¹⁴.

Движение производства в отдельных странах «Общего рынка» было неравномерным, скачкообразным. В 1964—1967 гг. отдельные страны переживали снижение темпов роста производства: в 1964 г. — Италия, в 1965 г. — Франция, в 1967 г. — ФРГ и Бельгия. С конца 1966 г., как констатировал видный французский буржуазный экономист Р. Арон, впервые, как начал осуществляться Римский договор, 5 из 6 стран ЕЭС одновременно переживают фазу некоторого спада или застоя, и «экономическое чудо в Западной Европе сменил европейский экономический маразм»¹⁵. Доклад комиссии ЕЭС о положении стран Сообщества в начале 1967 г. отмечал наряду с замедлением темпов развития возрастание безработицы и ослабление внутреннего спроса.

Внутри международной государственно-монополистической организации в Западной Европе не ослабевают экономические и политические конфликты. Они вызваны, в частности, и неравномерным экономическим развитием отдельных стран ЕЭС. Хотя ФРГ сохраняет лидерство в промышленности, а Франция в сельском хозяйстве, последнее десятилетие показывает тенденцию к изменению соотношения сил (см. табл. 9).

Более быстрыми темпами (за исключением сельского хозяйства) развивается Италия. ФРГ сохраняет стабильное положение при наличии наиболее мощного экономи-

¹⁴ «*Traité instituant le Communauté Européenne*». Art. 2.

¹⁵ «*Le Figaro*», 20 juillet 1968.

**Индексы экономического развития стран ЕЭС
в 1967 г. (1958=100%)***

Страны	Промышленность	Сельское хозяйство	Оптовые цены	Потребительские цены	Валовый продукт
ФРГ	157	116	103	123	152
Франция	161	140	122	139	151
Италия	228	126	113	136	157
Голландия	189	131	117	137	151
Бельгия	156	120	111	123	143

* «Communauté Européenne», 1968, n° 115, pp. 12—13.

ческого потенциала. Франция отстает в промышленном развитии, но лидирует в области сельского хозяйства. Бельгия демонстрирует наиболее медленные темпы развития.

Явления неравномерности проявляются в эволюции национального дохода на душу населения (см. табл. 10).

Таблица 10

Национальный доход на душу населения (в долл.)*

Год	Франция	ФРГ	Италия	Голландия	Бельгия	США
1960	1014	998	540	809	1008	2431**
1965	1444	1450	885	1371	1416	2850

* «Le Monde», 18—19 septembre 1966.

** 1962 г.

Таким образом, в области объема национального дохода на душу населения развитие стран «шестерки» за последние восемь лет показало следующие тенденции: Франция, имевшая в 1960 г. наиболее высокий среднегодовой доход на душу населения, теперь на втором месте, ФРГ с третьего места перешла на первое. Голландия приблизилась к Бельгии. Что касается Италии, то хотя в процентном отношении национальный доход вырос здесь более всего, по абсолютной величине он вырос

меньше, чем в ФРГ, Голландии, Франции и Бельгии. Национальный доход в Италии еще в 1,5 раза ниже, чем в ФРГ и Франции. Газета «Монд» пишет, что Италии потребуется около полувека, чтобы догнать своих партнеров, и что «Сообществу еще очень далеко до европейского равенства»¹⁶.

Создатели «Общего рынка» говорили об этой организации, как о начале эры ликвидации социального неравенства. На деле, «Общий рынок», создаваемый как «Европа капиталистов», отвечал по преимуществу интересам крупных концернов. Заместитель государственного секретаря по иностранным делам Италии Загари, подводя итоги 10-летия ЕЭС, отметил, что «социальными аспектами пренебрегли в пользу аспектов, непосредственно связанных с интересами предпринимателей»¹⁷.

Заработная плата в Италии остается ниже средней заработной платы Сообщества, несмотря на ее некоторый рост. Сами западные страны признают, что Гамбург является районом с самым высоким доходом, а Калабрия — с самым низким доходом. Италия, несмотря на некоторый рост экономики, остается страной — поставщиком рабочей силы.

Анализ Европейской экономической комиссии ООН состояния экономики в 1962—1964 гг. показал, что 20% населения развитых западноевропейских стран, имеющие высокие доходы, получают 50% национального дохода. Во Франции, в частности, эта группа имеет 53,7% общего дохода населения, а 30% населения, имеющего низкие доходы, получают всего 4,8%. Процесс поляризации доходов в стране выражается в том, что 10% богатых людей имеют доходы в 73,6 раза больше, чем 10% населения, относящегося к самым бедным, и в 7,7 раза больше, чем 30% населения, имеющего низкие доходы.

В условиях нивелировки экономического развития и обострения борьбы за рынки и гегемонию в Западной Европе остро стоит проблема неравномерности регионального развития, что признают и буржуазные ученые. Капиталы и рабочая сила притекают в зону Севера Франции и Италии, Рейна, Бенилюкса, где концентри-

¹⁶ «Le Monde», 18—19 septembre, 1966,

¹⁷ «Le Combat», 24 mars 1967.

руются основные сырьевые ресурсы, квалифицированное население, транспортная сеть. Именно к этим районам тянутся Англия и другие страны Европейской ассоциации свободной торговли.

В то же время Юго-Запад и Запад Франции, Юг Италии не имеют достаточных источников энергии, сырья, квалифицированной рабочей силы. Доход на душу населения в несколько раз меньше, чем в других районах Франции и Италии. Здесь образуются излишки рабочей силы, молодежь покидает эти районы. Бегство в города приводит к обезлюдиванию деревни. Рабочие не хотят оставаться в отсталых районах, а мигрируют туда, куда двигается капитал. Капитал же устремляется в развитые районы. Рабочая сила, в том числе квалифицированная, перемещается сюда же, но не находит работы. Комиссия «Общего рынка» писала: «Избыток рабочей силы появляется во всей западной части Нормандии вплоть до Вандеи, а также на Севере. В то же время на Востоке возможно усиление нехватки рабочей силы»¹⁸. Нехватка капиталов и нежелание национального капитала разрабатывать отсталые районы привели к тому, что сюда устремился американский капитал, давая основания говорить о американской «колонизации Европы».

Неравномерность развития стран ЕЭС обостряет противоречия между ними. Эти противоречия связаны прежде всего со структурными различиями в их экономике. Так, Франция, в течение многих лет замыкавшаяся в рамках колониальной империи, отгороженной стеной таможенных тарифов, имеет более отсталую промышленную структуру, чем ФРГ или Голландия. ФРГ импортирует более дешевые сельскохозяйственные товары по ценам мирового рынка (ниже цен ЕЭС), поэтому аграрная политика ЕЭС нарушает ее традиционные связи. Италия, не имеющая угля и ввозящая в значительных количествах нефть, не видит особых преимуществ в европейской энергетической политике.

Группа противоречий связана с конечными целями Европейского сообщества, задуманного как триада таможенного, экономического и политического союза. Хотя

¹⁸ «Rapport sur la situation économique de la communauté», vol. I, p. 52.

в принципе эта триада устраивает монополистический капитал, однако его национальные отряды по-разному относятся к ее реализации.

Монополии ФРГ придавали преимущественное значение политическому союзу, ибо, имея экономическое превосходство, рассчитывали с помощью «наднациональных органов» укрепить свое влияние и оттеснить Францию, которая имеет большое политическое влияние и возможности. По словам Вилли Брандта, западногерманский капитал — «экономический гигант, но политический карлик». Напротив, в создании таможенного и экономического единства французский капитал видел свои непосредственные цели, ибо в рамках замкнутого торгового блока рассчитывал обеспечить себе рынки и «модернизировать структуру экономики». Именно Франция настаивала на высоком «тарифе для третьих стран», на разработке общей аграрной политики и единого европейского программирования.

В то же время французская дипломатия резко выступала против «наднациональной власти», которую президент де Голль называл «технократическим ареопогом», «безответственным органом» и т. д. Отказ экс-канцлера ФРГ Эрхарда от приоритета политического сотрудничества в пользу «экономического содружества» в 1966 г. означал победу французской точки зрения. Ее дипломатам удалось добиться отставки В. Хальштейна, десять лет находившегося у кормила власти в комиссии ЕЭС.

Однако ноябрьская валютная лихорадка 1968 г., поставившая франк на грань кризиса благодаря спекуляциям с западногерманской маркой, показала, что поддерживаемая американскими монополиями ФРГ, оставаясь «экономическим гигантом», не желает больше быть «политическим карликом» и активно претендует на роль гегемона в Западной Европе.

Группа противоречий связана с ориентацией экономических связей. Например, менее конкурентоспособные на мировых рынках, чем компании ФРГ и Голландии, французские монополии более активно выступают против США.

ФРГ, Голландия, Бельгия политически и экономически более связаны с США. Ограничения на приток американского капитала в этих странах меньше. ФРГ стремится к более широкому атлантическому партнер-

ству, а также к проникновению на рынки Британского содружества, и поэтому ее позиции в отношении англо-американского капитала более терпимы. Наконец, такие страны, как Италия, Бельгия, также заинтересованы в более тесных связях с американскими монополиями, так как нуждаются в американских капиталах: Италия в силу относительного экономического отставания, Бельгия в силу необходимости модернизации экономики.

Вопрос об участии Англии в «Общем рынке» стал предметом острейшей борьбы, ибо создание «малой Европы» имело своей целью ограничить стремление английского капитала, сохранить свои экономические и политические позиции в Западной Европе. Франция проводит политику проволоочек, ФРГ в этом вопросе более благосклонна, чем Франция, позиция Италии уклончива. Страны Бенилюкса активно поддерживают Англию, и П. А. Спаак характеризует позицию Франции, как «шантаж». По его словам, «с политической точки зрения генерал де Голль не может допустить, чтобы Англия присоединилась к европейской «шестерке». Если это когда-нибудь произойдет, то его концепция политической Европы, руководимой Францией, рухнет раз и навсегда»¹⁹.

Так на деле выглядит гармонизация экономического развития Сообщества, выдвигаемая как альтернатива неравномерности экономического и политического развития капитализма в новых условиях. Иначе и не может быть, ибо «Общий рынок» является формой острейшей конкурентной борьбы за передел мирового капиталистического рынка в соответствии со сложившимся соотношением сил в лагере империализма.

4. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТРАНАХ ЕЭС И ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ СВЯЗЕЙ СО СТРАНАМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ

Укрепление мощи лагеря социализма консолидирует антисоциалистические силы. Противоречие между империализмом и социализмом, безусловно, главное проти-

¹⁹ «Le Monde», 4—5 juin 1967.

воречие эпохи. Немудрено, что ЕЭС создавалось как альтернатива мировому социализму, рассматривалось как «второй фронт» антисоциалистической борьбы в Западной Европе.

Однако по мере изменения соотношения сил на мировой арене, провала империалистической пропаганды о мнимой «агрессивности» Советского Союза, роста симпатий широких масс в Европе к миролюбивой внешней политике СССР и социалистического лагеря, а также в связи с обострением внутренних противоречий внутри «Общего рынка» в ориентации Европейского экономического сообщества наметились новые явления. Они проявились в «новом подходе» к экономическим связям с социалистическими странами.

Еще в ходе развития ЕЭС, когда выявилась невозможность организации автаркического хозяйства, возростала потребность в рынках, наметился «разный подход» к торговым отношениям со странами Востока. Если правительство ФРГ по политическим соображениям пытается притормозить развитие торговли с социалистическими странами, Франция, наоборот, старается активизировать ее, Италия также заинтересована в развитии взаимовыгодной торговли. Объективные экономические потребности западноевропейских стран побуждают эти страны искать максимальное число источников и получать необходимые товары по возможно низкой цене на всех рынках, включая восточные. В послевоенные годы экономические связи с социалистическими странами усиливались.

Общий объем торговли ЕЭС с социалистическими странами вырос за 1958—1966 гг. на 166% против 88% с другими «третьими» странами. Рынок социалистических стран рассматривается как «особо важный» и торговля с социалистическими странами «становится проблемой № 1»²⁰.

Создатели «Общего рынка» признают «эволюцию» в отношении экономических связей с социалистическими странами, а западная печать пишет о новых «методах»,

²⁰ K. Hahn. *Les problèmes des relations commerciales entre la Communauté et les pays à commerce d'Etat d'Europe orientale. Parlement Européenne. 1967, p. 3.*

«новых формах», о расширении контактов с Востоком. В газете «Ди Вельт» 25 мая 1967 г. В. Хальштейн заявил: «Во все более укрепляющейся структуре Европейского экономического сообщества я вижу не препятствие, а условие его географического расширения. Под этим я подразумеваю и то, что таким образом Сообщество может стать партнером все более интенсивного экономического кооперирования с государствами Восточной Европы и тем самым может способствовать на пути к сплочению Европы»²¹.

Отсюда делается вывод, что «желательно усилить торговое сотрудничество со странами Востока». Видный экономист и политический деятель Франции Мендес-Франс говорил, что расширение связей «не означает обязательно разрушение «Общего рынка», но, наоборот, означает укрепление его»²². Вместе с тем, по оценке западных исследователей, доля социалистических стран в мировой торговле и доля капиталистических стран в их внешней торговле за последние 10 лет мало изменилась. По данным официального документа ЕЭС «Внешняя торговля ЕЭС за 1958—1964 гг.», доля внешней торговли ЕЭС за этот период со странами «с государственной монополией на внешнюю торговлю» составляла около 6%²³. Франко-советский обмен составлял, например, в 1965 г. всего лишь 1,58% французского импорта и 0,85% французского экспорта²⁴.

Изменение в ориентации и стремление к расширению связей имеет своей основой не волюнтаристские, а объективные факторы, обусловленные, в частности, и неравномерностью экономического развития. Отставание в промышленном отношении ряда стран, в частности, Франции, Италии, заставляет их искать гарантированные рынки и возможность развивать техническую базу производства на новом уровне.

Ряд стран «Общего рынка», имея более высокие издержки производства в некоторых отраслях, встречает

²¹ «Die Welt», 25 mai 1967.

²² «Le Monde», 10 juillet 1968.

²³ «Le Commerce extérieur de la CEE en 1958—1964». Bruxelles, 1965, p. 11.

²⁴ «Economie et politique», 1966, n° 149—150, p. 155.

Все более высокую конкуренцию на внутреннем рынке ЕЭС. Однако продукция ряда отраслей, таких, например, как химическая, электромеханическая, текстильная, бытового оборудования, не находит емких рынков в развивающихся странах в силу низкого платежеспособного спроса. Таким образом, возникает объективная потребность в «резервных рынках», но такими рынками, по мнению правящих кругов ЕЭС, могут быть социалистические страны.

Наконец, определенную роль играет и страх перед засилием американского капитала, все более внедряющегося в новейшие отрасли и проводящего «европеизацию» в собственных интересах. Хотя американский капитал содействует внедрению новейшей технологии производства, но в конечном итоге, по признанию многих западноевропейских экономистов, он консервирует относительное отставание, обостряет противоречия, сбивает цены, захватывает рынки, обостряет конкурентную схватку.

Характерно, что техническое сотрудничество с социалистическими странами, в частности, с Советским Союзом, где господствует общественная форма собственности на средства производства, исключает захват в сотрудничающих странах новейших прогрессивных отраслей, стремление к которому наблюдается со стороны мощных американских монополий, и, следовательно, способствует сохранению господствующих позиций во всех базовых отраслях национальных сил. «Это основной фактор, который, очевидно, учитывал французский империализм, в частности, во франко-советских переговорах, касающихся наиболее передовых отраслей науки и техники», — отмечал французский прогрессивный журнал «Экономи э политик»²⁵.

Вместе с тем в развитии научно-технического сотрудничества между капиталистическими и социалистическими странами существуют серьезные трудности. Монополистический капитал стремится строить внешнеторговые отношения на основе неэквивалентного обмена, постоянной перекачки прибылей, либерализации импорта

²⁵ «*Economie et politique*», 1966, n° 149—150, p. 155.

на выгодных ему условиях. «Существует разница между промышленными капиталовложениями в капиталистической и коммунистической стране, — пишет рупор деловых кругов «Опиньон экономик э финансьер». — В первом случае эти инвестиции есть источник будущего притока девизов, поскольку они дают возможность репатриации прибылей. Во втором они означают продажу навсегда, которая не обеспечивает регулярности в возвращении девизов»²⁶.

Кроме того, отдельные монополии заинтересованы прежде всего в экспорте своих товаров, мало заботясь об импорте. Социалистические страны строят свои отношения на базе взаимных поставок, они заинтересованы как в продаже, так и в покупке товаров. Страны ЕЭС видоизменяют структуру внешнеторговых связей с социалистическими странами, увеличивая продажу готовой продукции, в то же время продолжая ввозить в основном сырье и продовольствие, мешают продвижению промышленных товаров из социалистических стран. По официальным данным ЕЭС, сокращение экспорта железа и стали сопровождалось увеличением экспорта за 1958—1966 гг. продукции машиностроения, химической промышленности, транспорта в четыре раза²⁷.

Новый курс в экономических связях с социалистическими странами обуславливает в то же время стремление выработать «единую торговую политику в отношении стран Востока», формирование которой наталкивается на противоречия и конфликты внутри ЕЭС. Однако уже с 1962 г. после принятия «Программы действия ЕЭС в области общей торговой политики» руководящие круги ЕЭС стремятся разработать не только определенные принципы торговых отношений, обязательные для всех членов ЕЭС, но и общую стратегическую и тактическую линию.

Стратегическая линия направлена на подрыв единства социалистических стран и носит явно антисоветский характер.

²⁶ «Opinion économique et financière», 8 decembre 1966.

²⁷ «La CEE et le Commerce avec les pays de l'Est européen». Bruxelles, 1967.

Тактическая линия, превалирующая на современном этапе, исходит из так называемых «деловых отношений», необходимость которых диктуется противоречиями экономического развития ЕЭС. Основная ориентация делается на расширение контактов и связей, которые сами по себе становятся объектом межимпериалистической конкуренции. В докладе Карла Хана содержится замечание о том, что недостаточная торговля со странами социализма «задерживает развитие ряда секторов и отраслей производства и... в определенной степени оказывает неблагоприятный эффект на развитие стран ЕЭС»²⁸. Западноевропейские деловые круги стремятся найти приемлемую основу для расширения экономических связей, ибо, по заявлению одного из виднейших теоретиков и руководителей ЕЭС Жана-Франсуа Денио, «сейчас вопрос стоит не в том, торговать или не торговать со странами Востока, но как торговать во взаимных интересах»²⁹.

«Общий рынок» создается как замнутый торговый блок, имеющий целью создать наиболее благоприятные условия для его участников и устранить внешних конкурентов. Его формирование протекает в острой конфликтной борьбе и противоречиях, однако это не исключает выработки единой торговой политики, если не к 1970 г., то позднее. Поэтому социалистические страны должны разрабатывать свою эффективную экономическую стратегию по отношению к ЕЭС, исходя из замечания В. И. Ленина о том, что «есть сила бо́льшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»³⁰.

²⁸ К. H a h n. *Op. cit.*, p. 7.

²⁹ «Parlement Européen». *Debat.* 12 mars 1968.

³⁰ В. И. Л е н и н. *Полн. собр. соч.*, т. 44, стр. 304—305.

КРАХ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
И НЕОКОЛОНИАЛИЗМ

«Финансовый капитал — такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью...».

В. И. Ленин

В ленинской теории империализма важное место отводится территориальному разделу мира между империалистическими державами, который к началу XX в. был уже практически завершен. Как показал В. И. Ленин, это новое для капитализма явление было одним из основных признаков империализма, в которых проявляется его сущность — господство монополий. Завершение территориального раздела мира означало порабощение и разграбление большинства народов мира монополиями развитых держав. Вместе с тем окончание раздела мира неминуемо влекло обострение борьбы между империалистическими державами за передел колоний и сфер влияния.

Прошедшие полвека полностью подтвердили верность ленинских выводов. Колониальная система сковала развитие производительных сил большинства стран мира, привела к нище-

те и отсталости население целых континентов, довела до огромных масштабов разрыв между уровнями развития передовых и отсталых стран капитализма. Войны за передел мира не раз за эти полвека потрясали планету, унося с собой десятки миллионов жизней. Колониальная политика империализма в течение этого времени облекалась в различные формы, но ее сущность, раскрытая В. И. Лениным, остается неизменной и в наши дни.

1. ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СУЩНОСТЬ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Бурное развитие национально-освободительного движения привело к краху системы колониального рабства. «Шестидесятые годы нашего века войдут в историю как годы полного развала колониальной системы империализма»¹.

На обломках колониальных империй появились молодые национальные государства, добившиеся политической независимости и борющиеся за экономическую самостоятельность. Ряд освободившихся стран пошел по пути некапиталистического развития. И хотя большинство молодых государств все еще входит в капиталистическую систему мирового хозяйства, их возникновение и борьба за экономическую эмансипацию нанесли невосполнимый удар империализму.

Колониализм и поныне является главной опасностью, которая исходит от финансового капитала для стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Вместе с тем ни один из основных признаков империализма, названных и проанализированных В. И. Лениным, не претерпел такого воздействия со стороны изменившихся условий существования капиталистической системы в современный период, как территориальный (или политический) раздел мира. Достижение бывшими колониями и зависимыми странами политической самостоятельности вынуждает монополистическую

¹ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. I. М., Госполитиздат, 1962, стр. 29.

буржуазию искать новые методы и формы эксплуатации этих стран и постоянного воспроизводства основы этой эксплуатации, заложенной в международном капиталистическом разделении труда.

В. И. Ленин отмечал, что «наибольшие «удобства» и наибольшие выгоды дает финансовому капиталу *такое* подчинение, которое связано с потерей политической независимости подчиняемыми странами и народами»². В ленинской работе приводятся данные о том, что к 1914 г. шесть великих держав приобрели колонии площадью 65 млн. км² с населением в 523,4 млн. человек.

Ныне объектом империалистической борьбы за передел мира стали юридически суверенные государства, возникшие на месте бывших колоний. В связи с этим «классический» колониализм, существовавший в условиях неограниченного господства капитализма в мире и использовавшийся в качестве главного метода внеэкономическое принуждение и разграбление колониальных владений империалистических держав, практически покидает историческую арену.

В. И. Ленин указывал, что финансовый капитал способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже политически независимые государства³. В начале века это были лишь переходные формы зависимости, основную же сумму отношений «раздел мира» составили две группы стран: владельцы колоний и колонии. В наши дни в отношения по поводу территориального раздела мира включаются на одном полюсе те же империалистические державы, на другом — бывшие колонии, достигшие ныне политической независимости. Соответственно на смену традиционному колониализму пришел неоколониализм — система экономических, политических, идеологических отношений подчинения и эксплуатации отсталых стран финансовым капиталом, приспособленная к изменившимся условиям существования империализма и направленная на сохранение этих стран в рамках мирового капиталистического хозяйства и международного капиталистического разделения труда.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 379.

³ См. там же.

Диалектика превращения «классического» колониализма в неоколониализм есть «отрицание отрицания». Неоколониализм не содержит в себе таких важнейших черт старого «традиционного» колониализма, как существование собственных колониальных владений империалистических держав и применение в качестве главного метода внеэкономического принуждения. Однако отрицая эти черты, неоколониализм лишь поднимает на высшую ступень экономическое разграбление, а в конечном счете и политическое подчинение развивающихся стран в новой форме — на основе видимой юридической самостоятельности. Сущность колониализма сохраняется, таким образом, и в неоколониализме, только используются более совершенные и соответствующие современным условиям методы эксплуатации.

Каковы же конкретные причины превращения «классического» колониализма в неоколониализм?

а) Важнейшей объективной предпосылкой для вступления колониализма в его новую фазу явилось национально-освободительное движение народов бывших колоний и завоевание ими политической независимости. Поскольку теперь отношения складываются между империалистическими и молодыми национальными государствами, монополистическая буржуазия вынуждена обратиться к новым методам экономической эксплуатации, которую она всеми силами пытается сохранить и в современных условиях.

б) Мировая социалистическая система как самим фактом своего существования, так и непосредственной активной поддержкой сыграла огромную роль в подъеме национально-освободительного движения, приведшего к крушению колониальной системы. Достижение государственной самостоятельности бывшими колониальными и зависимыми странами обусловило их относительную свободу в выборе партнеров для экономического сотрудничества. Эту свободу нельзя считать абсолютной в связи с сохранением за прежними метрополиями еще значительных позиций в экономике освободившихся стран. Но важная предпосылка для установления тесных экономических связей между молодыми национальными государствами и странами социалистического лагеря была создана. С уничтожением монополии империализма на осуществление хозяйственных связей со странами Азии,

Африки и Латинской Америки возник новый тип международных экономических отношений между ними и социалистическими государствами, основанный на взаимной выгоде. Преимущества этого нового типа международных связей для развивающихся стран необходимо оценивать не только в прямом коммерческом смысле, но и в том отношении, что под влиянием социалистического лагеря монополистический капитал вынужден пересматривать свою политику в молодых национальных государствах, считаться с их требованиями и интересами. Попытка империалистических держав приспособиться к этим условиям для сохранения системы эксплуатации развивающихся стран нашла выражение в изменении и всемерной маскировке методов и форм современной экспансии финансового капитала.

в) Изменению методов и форм колониальной политики империализма способствуют и новые явления в самом капиталистическом мире.

В послевоенный период для большинства империалистических держав резко обострилась проблема рынков. Вместе с тем прабительская колониальная система в ее старой форме служила препятствием для расширения рынков в развивающихся странах. Возникло противоречие между стремлением монополистической буржуазии к сохранению сложившейся колониальной структуры хозяйства экономически отсталых стран и интересами сбыта монополий, требующих расширения внутреннего рынка этих стран, что достигается путем развития их экономики. В связи с этим финансовый капитал даже стимулирует хозяйственное развитие в экономически отсталых странах в выгодном для себя направлении, так как это единственно приемлемый путь расширения здесь рынка для товаров монополий. Интересы развивающейся вместе с ростом капитализма национальной буржуазии временно совпадают с национальными интересами народов освободившихся стран, и национальная буржуазия начинает бороться вместе с рабочим классом, крестьянством и другими слоями населения за уничтожение остатков колониализма, вытеснение иностранных монополий, за проведение индустриализации и т. д. Все это ослабляет позиции империализма в развивающихся странах, требует устранения старых форм колониализма и

определяет, таким образом, замену его неоколониализмом.

К тому же приводит борьба империалистических держав, не имевших колоний (прежде всего, США и ФРГ), за новый передел «третьего мира». Монополии этих стран экономически заинтересованы в ликвидации старых форм колониализма и замене их новыми, более «современными», что позволило бы им проникнуть в сферы влияния империалистических соперников. Именно в США и ФРГ неоколониальная экспансия была «обоснована» теоретически и впервые осуществлена на практике в отношении молодых национальных государств. Действие всех других факторов перехода от «классического» колониализма к неоколониализму заставило затем и такие страны, как Англия и Франция, пересмотреть систему внешней экспансии, использовать новые неоколониальные методы.

Кроме того, в результате технического прогресса и структурных сдвигов в экономике развитых капиталистических стран произошла перегруппировка сил между отдельными группами монополий. Выдвинувшиеся на первый план монополии химической, электротехнической промышленности, некоторых отраслей машиностроения, вновь возникших отраслей промышленности имеют иные интересы на рынках, чем «старые» монополии, и стремятся к завоеванию внешних позиций соответственно своему возросшему экономическому потенциалу. Они также заинтересованы в ликвидации старых форм колониализма и замене их новыми, более пригодными для борьбы за передел уже поделенного мира.

Реакцией империализма на столь изменившиеся условия осуществления колониальной экспансии и является колониализм в новой форме — неоколониализм — продукт обострения общего кризиса капитализма.

Экономическое содержание неоколониализма состоит в попытках сохранить колониальную эксплуатацию путем укрепления современной структуры международного капиталистического разделения труда, парализовать стремление народов развивающихся стран к экономической самостоятельности и прогрессу, создать новые отношения хозяйственной зависимости, превратить достижение этими странами суверенитета в итоге национально-освободительной борьбы в простую «смену флагов».

Политическое содержание неоколониализма состоит в усилиях империализма по сохранению своего политического диктата в молодых национальных государствах путем применения новых политических методов воздействия: вовлечение их в агрессивные военные блоки, в ассоциацию с организациями «коллективного» колониализма, навязывание неравноправных договоров, насаждение марионеточных правительственных режимов, поддержка антидемократических диктаторских режимов, прямое развязывание военных конфликтов и т. д.

Политические и экономические цели неоколониализма тесно связаны между собой. Сохранение экономических позиций монополий в развивающихся странах является необходимой предпосылкой возможности политического давления на них. Империализм не может осуществить экономические цели неоколониализма, воспрепятствовать достижению подлинной экономической самостоятельности молодых национальных государств без применения методов политического давления, вмешательства в их внутренние дела.

Распад колониальной системы империализма — сложный многосторонний процесс, влияние которого на отдельные империалистические страны неодинаково. Для бывших метрополий он означает абсолютное ослабление в политическом, экономическом, военном, моральном отношениях. Для таких стран, как США, ФРГ, Япония, не имевших к моменту распада колониальной системы собственных колоний, открылась объективная возможность проникновения в бывшие сферы господства империалистических соперников, облегчились условия конкуренции с ними, возник повод к новому переделу мира. Именно эти страны в силу особенностей своего положения в системе мирового капиталистического хозяйства в состоянии в наибольшей степени ориентироваться на те формы современной колониальной политики, которые соответствуют принципам неоколониализма.

2. ФОРМЫ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

В основе неоколониализма лежит экономическая экспансия, сменившая систему внеэкономического принуждения. Причем особенностью неоколониализма

является переход от открытых диктаторских форм и методов эксплуатации остальных стран к завуалированным, скрытым, косвенным, но не менее опасным методам.

Другая особенность нынешней колониальной политики империализма состоит в тесной связи с государственно-монополистическим капитализмом. «Внеэкономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология усиливают стремление к колониальным завоеваниям»⁴, — писал В. И. Ленин. Современные же «неоколониальные завоевания» в любой форме не мыслимы без помощи империалистического государства. Разработана широкая система государственных методов стимулирования монополий во внешней торговле, вывозе капитала и других формах экспансии в развивающиеся страны.

Государственное стимулирование внешней торговли с этими странами осуществляется по двум направлениям: прямое государственное субсидирование и поощрение экспорта товаров; косвенные меры воздействия государства по расширению внешнеторговых связей. Прямое стимулирование включает в себя кредитование экспортных операций, страхование кредитов покупателям, предоставляемых частными фирмами, выдачу государственных кредитов непосредственно иностранными партнерами по внешнеторговым сделкам. Механизм действия всех этих мероприятий, их соотношение между собой, их масштабы и роль для завоеваний позиций в «третьем мире» в каждой стране своеобразны. В ФРГ, например, кредитование внешнеторговых сделок осуществляется двумя организациями — «Акционерным обществом экспортного кредита», представляющим собой консорциум 26 государственных и частных банков, и государственным «Кредитным банком восстановления». За счет первой организации финансировался экспорт в развивающиеся страны с 1952 по 1965 г. на сумму свыше 7 млрд. марок, второй банк в 1966 г. предоставил этим странам долгосрочные кредиты на сумму около 4 млрд. марок, причем $\frac{3}{4}$ из них были связаны с поставками из ФРГ. Специальный консорциум «Гермес» осуществляет государственное страхование частных экспортных кредитов на случай банкрот-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 382.

ства должников, невозможности возмещения по политическим условиям и т. д. Частные фирмы несут риск только в размере 20—30% от ассигнованной суммы средств. Во Франции 70% всех выдаваемых гарантий по экспортным кредитам приходится на развивающиеся страны, примерно $\frac{3}{4}$ экспорта Франции в эти страны было покрыто государственной гарантией. В Англии предоставление экспортных кредитов рассматривается как один из видов «помощи» развивающимся странам, а страхование их проводит правительственная организация — Департамент гарантий экспортных кредитов. Доля застрахованных кредитов составляет сейчас около 30%.

Косвенная поддержка государством внешнеторговых связей с развивающимися странами связана, главным образом, с налоговыми льготами. В ФРГ, где льготы касаются только косвенных налогов, они составляют 5—7% от продажной цены на экспортные товары. Во Франции экспортеру разрешается создавать специальные фонды, не облагаемые налогом, на случай риска от внешнеторговых сделок с развивающимися странами.

Не менее важную роль играет поддержка государством современной неокOLONиальной экспансии в форме экспорта капитала. Необходимость применения таких мер была вызвана, главным образом, растущим риском для капиталовложений в развивающихся странах, характерным для условий неокOLONиализма в связи с активным национально-освободительным движением. Западно-германский идеолог неокOLONиализма Клаус Менерт писал по этому поводу: «Экспроприация или национализация, убыточное для иностранного вкладчика социальное законодательство, нестабильное политическое положение правительств или контроль над валютой — все это охлаждает пыл западных вкладчиков капитала в новых государствах и замедляет темп роста капиталовложений»⁵.

Монополии империалистических держав оказались перед фактом невозможности бесконтрольно эксплуатировать многие молодые государства. Их правительства все чаще обращаются к мерам, защищающим экономику

⁵ K. Mehnert. *Asien, Moskau und wir*. Stuttgart, 1960, SS. 387—388.

от безраздельного господства иностранных монополий. Именно это и определяет необходимость широкого использования государственной поддержки в неокOLONиальной экспансии, в частности, гарантирования частных капиталовложений.

В ФРГ был создан специальный бюджетный фонд для финансирования гарантий от риска капиталовложений в развивающихся странах по политическим и экономическим мотивам. В 1965 г. средства этого фонда составили 25 млрд. марок. Французское правительство также гарантирует кредиты банков и фирм. В частности, предоставленный Пакистану в 1962 г. кредит в 26 млн. долл. сроком на 10 лет был гарантирован государством. Аналогичные гарантии выдавались частным инвесторам в США и Англии. Кроме того, монополии, вкладывающие капиталы в развивающихся странах, пользуются льготами при налогообложении. В Западной Германии, например, с 1 января 1964 г. вступил в силу «Закон о налоговых мероприятиях по содействию частным капиталовложениям в развивающихся странах», по которому предусматривается освобождение от налогов 15% общего объема инвестиций. Помимо того, допускается создание необлагаемого налогом резерва величиной до половины облагаемой налогом суммы инвестиций сроком на 6 лет с дальнейшим погашением налоговой задолженности в течение 5 лет. Только за первый год действия закона монополии ФРГ, инвестировавшие капиталы в развивающихся странах, получили в «подарок» от государства 65,6 млн. марок. Правительство ФРГ приняло также решение о снижении минимального объема инвестиций в развивающихся странах, на которые можно получать государственные гарантии. ФРГ в этом отношении обошла все другие страны, ибо столь огромных привилегий экспортерам капитала не было до сих пор в практике ни одной капиталистической страны, ни в деятельности международных финансовых организаций.

Государство не ограничивается только экономическим «поощрением» монополий, развивающих неокOLONиальную экспансию, его роль не исчерпывается лишь перераспределением в их пользу национального дохода. Специально созданные государственные органы превратились в самостоятельные прямые экономические ры-

чаги неоколониализма. Это явление обусловлено специфической целенаправленностью современной колониальной политики, требующей подчинения непосредственных интересов получения прибыли отдельными монополиями обеспечению конечной экономической задачи неоколониализма — постоянного воспроизводства отношений эксплуатации отсталых стран финансовым капиталом.

Главной формой прямого участия империалистических держав в неоколониальном наступлении на освободившиеся страны стала пресловутая «помощь», изобретенная в США и превратившаяся в послевоенный период в важный элемент международных отношений. Прогрессивный индийский экономист А. Рой писал: «Наиболее важным и всепроникающим фактором в международной политике с конца второй мировой войны были не ООН, не термоядерное оружие, а американские так называемые программы иностранной помощи»⁶. Уже в 50-х годах программы «помощи» приняли и другие империалистические государства. Официально в качестве мотива «помощи» выдвигается тезис о необходимости способствовать ускорению роста жизненного уровня населения в странах—получательницах. В действительности же «помощь» представляет собой наиболее типичную форму современной политики империализма в «третьем мире». В ней, как в капле воды, отражена суть неоколониализма. Значительные суммы средств, ассигнуемые на «помощь», используются, как правило, для захвата новых рынков. В 1964—1966 гг. 94%¹ американских кредитов по программе «помощи» было обусловлено обязательным импортом товаров из США. В итоге сейчас в США возвращается около 87% средств, затраченных на «помощь». По программам «помощи» идет около 30% вывозимых из США самолетов, вооружения, автомобилей, многих важных видов оборудования, 70% пшеницы, 47% риса и т. д. В 1966 г. 80%¹ государственных кредитов ФРГ развивающимся странам было связано с договорами о поставках западногерманских товаров. В течение длительного периода империалистическая «помощь» представляла собой кредиты под высокие про-

⁶ А. Рой. *Economics and politics of US foreign aid*. 1966, p. 1.

центы. Но в условиях, когда социалистические страны предоставляют молодым национальным государствам кредиты с процентной ставкой, не превышающей 2,5% годовых, западные державы вынуждены смягчить условия своих кредитов. Комитет по вопросам помощи Организации экономического сотрудничества и развития принял рекомендацию для своих членов, согласно которым минимум 80% кредитов развивающимся странам должны предоставляться с 3% годовых, сроком не менее чем на 20 лет. Но и после этого в 1964—1966 гг. 28% американских, 76% английских, 73% французских и 97% западногерманских кредитов были выданы на меньший срок и под более высокий процент.

Страны — получательницы «помощи» поставлены перед необходимостью обеспечить «благоприятный инвестиционный климат». Часто они вынуждаются подписывать унизительное обязательство о государственной защите частных иностранных капиталовложений в данной стране.

Кредиты в рамках «помощи», как правило, оговариваются участием кредиторов в построенном на предоставленные средства предприятии. Этим и другими способами империалистические страны стремятся повлиять на направление и характер экономического развития молодых государств, направив его по капиталистическому руслу. Все виды «помощи» стимулируют развитие частного предпринимательства в ущерб государственному сектору. «Речь идет только о чисто частной собственности. Средства не будут использованы ни для одного проекта, находящегося под контролем государства», — таков, например, официальный взгляд правительства ФРГ по вопросам «помощи» развивающимся странам⁷.

Направление средств империалистической «помощи» рассчитано на развитие комплекса отраслей, закрепляющих подчиненное положение остальных стран в мировой капиталистической системе хозяйства. Во всех случаях предусматривается, что страны — получательницы «помощи» обеспечивают привилегии для монополий стран — кредиторов.

⁷ «Bulletin des Presse- und Informationsantes der Bundesregierung», 1962, Nr. 139.

Однако этими и многими другими экономическими аспектами «помощи» дело не ограничивается. Она влечет за собой политическую зависимость стран — получательниц, втягивание в военные блоки, использование территорий для военных баз и т. д.

В борьбе за позиции в «третьем мире» «помощи» развивающимся странам отводилась роль «тройного» коня империализма.

Но по мере усиления борьбы народов развивающихся стран за укрепление политической независимости и достижение экономической самостоятельности стало очевидно, что империалистическая «помощь» в своем первоначальном виде оказалась недостаточно эффективным методом неокOLONиальной экспансии. Она подверглась критике как со стороны империалистических монополий, так и со стороны стран — получательниц. В западной прессе все чаще начали появляться заявления о том, что экономическая «помощь» стала «крайне непопулярной».

В связи с этим в середине 60-х годов взгляды на «помощь» во многих империалистических державах значительно изменились. Наблюдаются тенденции и к некоторому сокращению размеров экономической «помощи» США, Франции, ФРГ и др. Раздаются призывы к увеличению вложений частного капитала в экономику развивающихся стран. Однако в настоящее время общий ежегодный объем государственных займов и кредитов империалистических стран по-прежнему существенно превышает суммы ежегодного вывоза частного капитала в страны Азии, Африки и Латинской Америки.

В ФРГ прямой вывоз государственных средств под флагом «помощи» в течение долгого времени был главной формой участия государства в неокOLONиальном наступлении. В самые последние годы, однако, центр тяжести переносится на частные формы экспорта капитала. Эти мероприятия осуществляются в ФРГ под названием «новая ориентация политики в отношении развивающихся стран». Речь идет не об уменьшении роли государства в проведении неокOLONиальной экспансии, а только об изменении методов использования государственной поддержки монополиями. Важными факторами, обусловившими «новую ориентацию», явилась нехватка государственных средств для расширения программы «помощи», а также то обстоятельство, что

экономический и политический эффект «помощи» был признан в ФРГ недостаточным. Расширение частных форм экспорта капитала стало возможным лишь после того, как государство ФРГ проложило дорогу своим монополиям в экономику развивающихся стран.

Мероприятия по повышению «эффективности» неокOLONиальной политики проводятся и во Франции. В 1963 г. специальная правительственная комиссия разработала так называемый «новый курс» французской политики «помощи», который в настоящее время уже осуществляется на практике. Он предусматривает, прежде всего, сокращение ассигнований государственных средств на «помощь» освободившимся странам Африки, входящим в зону франка. Поскольку политика ассоциирования, проводимая Францией, связана с большими финансовыми затратами, а экономическое развитие в бывших французских колониях протекает относительно медленно вследствие особенно низкого исходного уровня, французские монополии, заинтересованные в расширении экспансии, пытаются осуществить новый вариант неокOLONиальной политики, означающий отказ от односторонней ориентации на прежние африканские колонии. Новыми объектами французской экспансии должны стать, согласно «новому курсу», страны, не входящие в зону франка, в первую очередь — латиноамериканские и страны юго-восточной Азии, так как эти территории имеют больший экономический, и, главным образом, политический вес, чем бывшая французская Африка.

Пересматриваются и формы государственной «помощи». До недавнего времени французская «помощь» на $\frac{4}{5}$ состояла из субсидий, предназначенных для погашения дефицита бюджетов и платежных балансов ассоциированных с Францией африканских стран. В 1963 г. эти ассигнования были уменьшены на 650 млн. франков, а с 1966 г. такого рода субсидии вообще ликвидированы. Центр тяжести переносится на предоставление обычных кредитов, причем предусматривается (так же, как и в ФРГ) активизация частных инвестиций в развивающихся странах. К 1975 г. предполагается увеличить экспорт капитала в эти страны в два раза, в том числе в зону франка — всего на 30%.

ФРГ и Франция раньше других империалистических держав и почти одновременно изменяют тактику неокO-

лониальной экспансии, что является реакцией на усиление национально-освободительной борьбы народов развивающихся стран за достижение подлинной независимости. Но и США в настоящее время пересматривают свою политику «помощи». Кризис платежного баланса вынуждает США сократить общий объем «помощи», при этом они стремятся увеличить участие западноевропейских держав в огромных финансовых расходах, которые до сих пор в очень большом масштабе брали на себя США. Кроме того, Соединенные Штаты отказываются от чисто «стратегического» подхода к оказанию «помощи», к чему вынуждает провал политики втягивания освободившихся стран в военные блоки. Главным критерием становится теперь политическая ориентация стран — получательниц. США пытаются достичь более значительного политического и экономического эффекта от оказания «помощи» путем целенаправленного использования финансовых средств. В связи с этим значительно уменьшилось число стран, получающих «помощь»: $\frac{3}{4}$ средств по новой программе предоставляются 10 странам. Вводятся новые дополнительные гарантии, стимулирующие экспорт частного капитала в освободившиеся страны.

Что касается Англии, то здесь новые тенденции в неоколониалистской политике еще не получили заметного развития. В противоположность французскому британский империализм намерен и в будущем ориентироваться в основном на бывшие колонии. Однако и в Англии еще с середины 50-х годов резко активизировался экспорт государственного капитала в развивающиеся страны (без учета субсидий).

3. КОЛЛЕКТИВНЫЙ КОЛОНИАЛИЗМ И МЕЖИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Участие государства приобрело особое значение для специфической формы неоколониализма — так называемого «коллективного колониализма».

Диалектика исторического развития империализма такова, что внутренне присущие ему противоречия и борьба между монополиями отдельных империалистических держав, антагонизмы, порожденные системой част-

ной собственности, сосуществуют с объективной тенденцией к интернационализации хозяйственной жизни в капиталистическом мире, заключающей в себе новые, еще более глубокие противоречия. Когда речь идет о завоевании рынков и сфер влияния, о возможности получения сверхприбылей и вытеснения соперников с выгодных экономических позиций, борьба между национальными группами монополистического капитала достигает невиданного накала. Но перед лицом угрозы лагерю империализма в целом империалистические государства объединяют свои усилия в борьбе за восстановление неустойчивого равновесия капиталистической системы хозяйства.

«Коллективный колониализм» и является попыткой империалистических держав выработать согласованную колониальную политику, соответствующую нынешним условиям экспансии и направленную на создание новой системы международного капиталистического разделения труда, которая отвечала бы требованиям современного уровня развития производительных сил и расширению сферы империалистической эксплуатации. «Коллективный колониализм» является производной от империалистической интеграции, одной из конкретных форм проявления объективной тенденции к интернационализации экономики в современном капиталистическом мире и в то же время результатом внутренних противоречий империализма.

Империалистические державы больше не в состоянии самостоятельно, в одиночку бороться с национально-освободительным движением на данном этапе его развития. Только в альянсе они видят шансы на успех в борьбе за то, чтобы не допустить достижения политической и экономической независимости освободившимися странами, предотвратить их переход на некапиталистический путь развития, сохранить и упрочить сложившуюся систему эксплуатации империалистическими монополиями народов Азии, Африки и Латинской Америки. Идеологи неоколониализма пытаются создать «общую концепцию» политики в отношении молодых национальных государств, призывают к вступлению в новую фазу сотрудничества империалистических держав в деле разграбления и подчинения чужих народов.

Вынужденные мириться с необратимыми, объективно

обусловленными процессами хозяйственного развития освободившихся стран, прежде всего с их индустриализацией, империалистические державы стремятся согласовывать свои акции при предоставлении займов и кредитов, при определении условий внешнеторговых сделок соответственно целям и задачам современной неокOLONиальной экспансии. Речь идет о выработке новых принципов экономических отношений с развивающимися странами, поскольку этого требуют изменившиеся условия экспансии.

Современный «коллективный колониализм», являющийся одной из характерных черт неокOLONиализма, принципиально отличен от случайных союзов отдельных империалистических держав при проведении их колониальной политики в условиях «классического» колониализма. Например, разгром антиимпериалистического движения в Китае в 1900 г. (так называемое восстание боксеров) был осуществлен рядом империалистических стран. В то время их «сотрудничество» было исключительным явлением, результатом кратковременного равновесия сил колониальных держав в определенном районе их экспансии, где активность освободительного движения была наиболее высока.

Союзы неокOLONиалистов в наше время возникают, как уже отмечалось, на совсем иной основе. Они являются своеобразной реакцией на общее ослабление мирового империализма, попыткой совместными усилиями достичь того, что уже не в силах сделать каждая империалистическая страна в отдельности. «Коллективный колониализм» — не случайное явление, он представляет собой целый процесс объединения сил реакции. Этот процесс стал возможен в современных условиях, когда противоречия между отдельными империалистическими державами отступают на второй план перед главным противоречием нашей эпохи — противоречием между растущими силами социализма и силами мировой империалистической реакции.

Конкретные формы «коллективного колониализма» многообразны. Главная из них — деятельность различных международных организаций империалистической экспансии.

В дополнение к системе агрессивных военных блоков — НАТО, СЕАТО, СЕНТО и других, разрабатываю-

щих совместные планы новой войны и подавления национально-освободительного движения, создан целый ряд международных организаций, координирующих усилия империалистов в их борьбе против экономической независимости молодых национальных государств, против укрепления их связей с социалистическими странами. К этим организациям относятся прежде всего Международный банк реконструкции и развития с его дочерними организациями — Международной финансовой корпорацией и Международной ассоциацией развития; Международный валютный фонд; Комитет по вопросам «помощи» Организации экономического сотрудничества и развития и ряд других международных институтов империалистической экспансии.

«Коллективный колониализм» имеет своим объектом обеспечение рынков сырья и сбыта, выгодных вложений капитала, в конечном счете — получение огромных даже в современных условиях неокOLONиальных сверхприбылей. Именно поэтому всякий сговор о «мировом сотрудничестве» в неокOLONиальной политике является временным и, очевидно, самым непрочным по сравнению со всеми другими формами интеграции.

Каждая из организаций «коллективного колониализма» полна внутренних противоречий между партнерами. В тем большей степени сама система «коллективного колониализма» не в состоянии разрешить общих, внешних по отношению к ней межимпериалистических противоречий, органически присущих монополистическому капитализму.

В самом «коллективном колониализме» постоянно воспроизводится основа для дальнейшего, еще более глубокого обострения конфликтов и антагонизмов. В Программе Коммунистической партии Советского Союза отмечается: «Международные государственно-монополистические организации, возникающие под лозунгом «объединения», смягчения проблемы рынка, на деле представляют собой новые формы передела мирового капиталистического рынка, превращаются в очаги острых трений и конфликтов»⁸.

⁸ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., Госполитиздат, 1961, стр. 32.

Современные межимпериалистические противоречия развиваются в сужающейся сфере господства капитализма. Это обстоятельство предопределяет их особую остроту. Кроме того, усиление государственно-монополистических тенденций в послевоенном капиталистическом мире привело в свою очередь к расширению диапазона межимпериалистического соперничества: в борьбу втягиваются не только национальные группы монополий и выражающие их интересы империалистические государства, но и межгосударственные экономические и политические группировки. В этой борьбе используются мощные средства, находящиеся в распоряжении империалистических государств. Наконец, своеобразие современной межимпериалистической борьбы состоит еще и в усилении воздействия на ее ход чисто политических факторов. Процесс развития межимпериалистических противоречий определяется сейчас не только изменением в соотношении сил внутри лагеря империализма, но и в значительной мере изменением в соотношении сил между двумя системами.

*
* *

Можно выделить два этапа в развертывании неокOLONIALНОЙ экспансии империализма. Первый этап начался непосредственно после крушения колониальных империй и возникновения на их месте молодых национальных государств. В связи с этими процессами империалистические державы вынуждены были отказаться от дискредитировавших себя методов колониального грабежа и разработать новую, более пригодную в изменившейся обстановке стратегию и тактику экспансии. Содержанием этого этапа и был одновременный переход империалистических держав от «классического» колониализма к неокOLONIALНИЗМУ со всеми присущими ему атрибутами. Особенностью первого этапа было выдвижение в число участников дележа сфер влияния ФРГ, Италии и Японии, а также превращение американского империализма в главную ударную силу неокOLONIALНОЙ экспансии. Основной формой неокOLONIALНОЙ политики стала система экономической «помощи», впервые примененная империализмом США, а затем взятая на вооружение и его западноевропейскими соперниками.

В связи с тем, что политика «помощи» себя не оправдала, в 1963—1964 гг. начался второй этап неоколониальной экспансии империализма, содержанием которого является переориентация политики в отношении развивающихся стран, наметившаяся в разной степени во многих империалистических державах.

Неоколониальная экспансия — внутренне противоречивый процесс. Развитие каждой из ее форм наталкивается на многочисленные преграды, обходить которые империализму становится все труднее: расширение вывоза капитала затруднено из-за растущего риска потери его в молодых национальных государствах и требует постоянного государственного стимулирования и поддержки. Увеличение экспорта товаров в эти страны сталкивается с узостью их внутреннего рынка, которую империализм консервирует, препятствуя разворачиванию подлинной индустриализации на национальной основе. Использование значительной доли национального дохода для государственной поддержки экспансии монополий ведет к усилению эксплуатации трудящихся и росту их недовольства, в частности, экспансионистской политикой. Кроме того, большие государственные затраты на цели экспансии вызывают протест со стороны монополий, не заинтересованных прямо в укреплении своих позиций в развивающихся странах.

Активная борьба молодых национальных государств за свое экономическое освобождение продолжается, становится все более зрелой и последовательной. Неоколониализм уже теряет свою новизну, его скрытая эксплуататорская сущность становится все более очевидной для народов развивающихся стран.

Необходимость ускоренного экономического развития освободившихся стран требует от них быстроты реакции на неоколониальные мероприятия империализма, активного сопротивления его открытым и замаскированным экспансионистским устремлениям.

**УЧЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА
О ГОСУДАРСТВЕННО-
МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМ
КАПИТАЛИЗМЕ
И ОСОБЕННОСТИ
СОВРЕМЕННОГО
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
ВОСПРОИЗВОДСТВА**

МОДИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННО- МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

«Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма».

В. И. Ленин

1. ФАКТОРЫ МОДИФИКАЦИИ ОБЩИХ ЗАКОНОВ КАПИТАЛИЗМА И ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ИМПЕРИАЛИЗМА

Основные, коренные производственные отношения капитализма — системы, законом развития которой является превращение труда в наемный труд, а средств производства в капитал, а потому основанной на эксплуатации наемного труда, остаются неизменными на всем протяжении существования капиталистического способа производства. Капиталистическое производство по существу своему является частным производством даже в том случае, если вместо отдельных капиталистов выступает капиталист ассоциированный или если развивается общемонополистический государственный капитал. Вследствие этого экономические законы, являющиеся адекватным отражением объективных, регулярно повторяющихся процессов, происходящих в капитализме, действуют и ныне, употребляя выражение Маркса, с железной необходи-

мостью. Эта посылка является непременным условием при анализе экономических законов современного монополистического капитализма.

Вместе с тем историческое развитие создает новую обстановку, что в свою очередь, естественно, влечет за собой модификацию экономических законов капитализма и закономерностей империализма при их осуществлении. Признание неизбежности подобной модификации вытекает из самого существа марксистско-ленинской науки, рассматривающей все явления в их возникновении и развитии.

Политическая экономия, теория революционного пролетариата — историческая наука, ибо «она имеет дело с историческим, т. е. постоянно изменяющимся материалом»¹. Существует, как известно, и прямое высказывание К. Маркса о движении самих экономических законов. «Подобно всем другим законам, — писал К. Маркс о всеобщем законе капиталистического накопления, — в своем осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами...»².

Закон — это познанное явление, но само явление, как известно, богаче закона. «Закон, — отмечал В. И. Ленин, — берет спокойное — и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приблизителен»³. Вот почему выведенный путем научной абстракции закон, являющийся формой всеобщности, устанавливающий это всеобщее, не избавляет, в частности, от необходимости на базе познанного закона изучать явления конкретно-экономической действительности, исследовать реально идущие объективные процессы современного капитализма. Отсюда проистекает марксистско-ленинское требование быть конкретным, чтобы не впасть в схоластику. К. Маркс писал: «Грубый эмпиризм превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 151.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 659.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 136.

их под этот закон»⁴. В. И. Ленин указывал, что когда приводятся исключительно общие соображения, то они неизбежно превращаются в фразу⁵.

Открывая в результате анализа капитализма экономические законы, К. Маркс одновременно предупреждал, что «законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний»⁶. Считая, что между законом и тенденцией нет различия, что самая сильная господствующая тенденция и является законом, К. Маркс писал: «...тенденция, т. е. как закон, абсолютное осуществление которого задерживается, замедляется и ослабляется противодействующими обстоятельствами»⁷. Отсюда следует, что изучение столкновений противоположных тенденций является обязательным условием научного познания и революционной борьбы.

Под давлением каких обстоятельств естественные законы капиталистического производства и закономерности империализма подвергаются модификации в своем осуществлении?

Огромное воздействие на процессы и явления, происходящие в мире капитализма, оказывает мировая система социализма. Становление и победы нового, социалистического способа производства, экономический вызов социализма капитализму, глубокое влияние на трудящихся идей социализма, подтвержденных самой жизнью, поставили капиталистический мир перед необходимостью заниматься программами экономического роста, которые они пытаются противопоставить высоким темпам роста социализма. Эти же обстоятельства ограничивают в какой-то степени объективно заложенную в капиталистической системе тенденцию к ухудшению положения рабочего класса и других трудящихся масс.

Научно-техническая революция 50-х и 60-х годов с ее требованием возрастания основных фондов производ-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 64.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 373.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 176.

⁷ Там же, стр. 257.

ства — важный фактор, побуждающий к расширению экономических функций государства и переплетению монополистических организаций и правительственного аппарата. Зависимость частных корпораций от экономических ресурсов государства и его политики весьма велика: государство, аккумулирующее огромные фонды, финансирует монополии, без чего невозможно было бы расширенное воспроизводство монополистических отношений.

Расширенное воспроизводство невозможно также без огромных вложений в научные исследования. И при этом основная масса из общего объема расходов приходится на долю государства. В США и Англии в последние годы 60% всех расходов на научные исследования шли за счет государства, во Франции — 70%.

Развернувшаяся в мире, и с особенным размахом в социалистическом мире, научно-техническая революция, не сняв экономическую тенденцию к застою и загниванию капитализма, дала, однако, импульс противоположной тенденции и тем самым резко усилила разрыв между уровнем развития производительных сил и производственными отношениями капиталистического общества.

В развитых капиталистических странах достигнута весьма высокая ступень антагонистической формы общественного производства и труда как на частно-монополистической, так и на государственной, т. е. совокупно-монополистической основе.

Корпорации (в результате слияния крупных и поглощения слабых) не только стали более мощными, но и более динамичными. Ныне это сложные, и несмотря на диверсификацию, управляемые из одного центра (в частности, благодаря использованию электронно-счетной техники) экономические империи.

Государственные предприятия, удельный вес капиталовложений которых колеблется от одной пятой до одной трети от общих капиталовложений развитых западноевропейских стран, составляют важную часть механизма государственно-монополистического капитализма. Природа государственных и частных монополий одна, но вместе с тем они все же противостоят друг другу, подобно тому как ассоциированный капитал противостоит индивидуальному, поскольку государственные монопо-

лии являются высшей формой капиталистического общественного, более высокой ступенью материальной подготовки социализма.

Государственно-монополистический капитализм не является и не может быть органически цельной системой. Сам рост государственно-монополистического капитализма порождает границы, непреодолимые барьеры, поскольку углубляются антагонистические противоречия в обществе.

Но тот факт, что нет чистого государственно-монополистического капитализма, не означает, что современный капитализм в западных странах это — «смешанная система», механическое соединение немонополистических предприятий с частными и государственными монополиями. Подобный взгляд явился бы эклектикой, противоречил бы диалектическому монизму. Монополии частные и государственные, переплетенные между собой, и создают систему государственно-монополистического капитализма, его основу, его суть. Частная немонополистическая собственность (капиталистическая и докапиталистическая, мелкобуржуазная) имеет вспомогательное, а в ряде случаев подчиненное значение.

Изменилась структура спроса и удельный вес отдельных элементов потребления в современном капиталистическом обществе. Рынок современного монополистического капитала в целом может быть охарактеризован как связанный, а не свободный, он не подвержен саморегулирующей тенденции в связи со спросом и предложением. В этот рыночный механизм вплетены рудименты свободного рыночного хозяйства. Частные монополии определяют цены на продукцию, устанавливают монопольные цены (по терминологии буржуазной политической экономии — «управляемые» цены). Государство вмешивается в процесс ценообразования и под влиянием требований монополий и под давлением обстоятельств, вызывающих потрясение капиталистической системы.

Существует и растет государственный рынок. Он складывается из разных частей: из расходов правительства и местных органов власти, из государственных контрактов с монополиями, из закупок государственного сектора. В странах с высоким удельным весом военного производства существует большой рынок военных мате-

риалов. О емкости государственного рынка можно судить по государственным расходам, составляющим приблизительно 30% валового национального продукта. В действительности он еще больше, поскольку большинство государственных предприятий действует подобно частным акционерным обществам и их деятельность не отражена в бюджете.

Потребительский рынок, закупки населения претерпели изменения. Произошел рост удельного веса предметов длительного пользования в общих потребительских расходах, вырос потребительский кредит, возросла роль услуг, расширился объем удовлетворения общих потребностей населения.

Важнейшая историческая роль капитализма, состоящая в превращении производства из ряда разрозненных в ряд общественных действий, в организации производства как производства общественного (разумеется, к выгоде эксплуататоров) нашла свое выражение в тенденции регулировать хозяйственную жизнь страны из одного центра, в централизованном способе экономических решений, принимаемых правящими классами и их государством, опять-таки в пользу и к выгоде эксплуататоров. Государственно-монополистическое вмешательство в экономику путем государственного регулирования, т. е. текущей антикризисной политики, и его высшая ступень — программирование, отражающее стремление синхронизировать все части экономического механизма, является формой хозяйствования современного монополистического капитала. При этом естественны различия в уровне и методах государственного вмешательства в отдельных странах.

Программы экономического роста — национальные, региональные, глобальные и отраслевые — дают возможность могущественным монополиям присваивать выгоды, получаемые от вмешательства государства в экономическую жизнь; более скрыто и в то же время с большей эффективностью осуществлять разделение труда между представителями монополий и государства; совершенствовать деятельность государственной службы статистики и прогнозов, используя ее исключительно в собственных интересах; камуфлировать вмешательство государства в те или иные сферы, влияющие на прибыль; изымать экономические вопросы из ведения выборных органов, пе-

редавая их в административные органы с тем, чтобы обеспечить свободу действий крупным монополиям; не допускать к эффективному руководству экономической жизни рабочий класс и немонополистические слои.

Все эти программы, таким образом, являются лишь средством целей монополий, программой их «экономических требований», в то же время их боевым расписанием, кодификацией всех средств, которые они намерены использовать в борьбе за прибыль.

Инструментом осуществления политики государственно-монополистической олигархии является бюджет. Через бюджетный канал происходит: финансирование монополий, выплата субсидий, предоставление специальных, часто беспроцентных кредитов, образование смешанных обществ, привлечение средств и распределение кредита, предоставление больших налоговых льгот для увеличения возможностей самофинансирования. Так, в США подлинные суммы, идущие на восстановление износа оборудования, составляют лишь 58% фонда амортизации, а оставшаяся часть амортизационных сумм используется для новых капиталовложений. Основными компонентами политики государственно-монополистической олигархии являются: милитаризация экономики, оказание помощи монополиям в получении заказов на производство вооружения и поставку оборудования для государства; сокращение внутреннего потребления с помощью ограничения заработной платы, повышения тарифов и давления на цены, а также усиление налогового бремени; сведение расходов в социальной области до минимума, строго необходимого для выживания капитализма; перераспределение в пользу монополий части стоимости, производимой в государственном секторе, вмешательство в процесс ценообразования; вторичное распределение известной части национального дохода, которая возрастает по мере того, как государственная власть усиливает свое вмешательство в общественные отношения производства и обмена.

Воздействие со стороны государства на экономику не означает, разумеется, что оно является альтернативой экономических законов. «Во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всегда толь-

ко выражает, протоколирует требования экономических отношений»⁸. Это положение Маркса с особой наглядностью подтверждается, когда государственное вмешательство идет вразрез с объективными экономическими законами. Столкновение правительственных мероприятий и объективных экономических законов усиливает неустойчивость капиталистической экономики.

Государственное вмешательство в экономикку на базе монополистического капитализма, перерастание последнего в государственно-монополистический капитализм не излечили, разумеется, органические пороки капитализма, но вызвали глубокие изменения в механизме капиталистической экономики.

Объективный процесс интернационализации мировых экономических связей, форсируемый ростом межимпериалистических противоречий, породил интеграционные явления, создание замкнутых межгосударственных экономических группировок монополистического капитала, обострив тем самым противоречия как между империалистическими группировками, так и внутри этих группировок, произвел глубокие изменения в структуре мирохозяйственных связей.

Ликвидация колониальной системы империализма в ее старой форме прямого колониального грабежа привела, во-первых, к новым формам эксплуатации со стороны более развитого, индустриального капитализма стран с отсталой, аграрной экономикой, во-вторых, оказала воздействие на экономику самих развитых стран.

Объективные экономические законы действуют, как известно, не сами по себе⁹, а осуществляются всецело и исключительно посредством деятельности людей, борьбы классов, народных масс, а потому вполне естественно, что возросший размах классовой борьбы пролетариата в развитых капиталистических системах, борьбы, опирающейся на успехи мирового социализма, оказывает известное давление на экономическую политику правящих классов.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 112.

⁹ «...Законы вообще никогда не совершают революций», — писал К. Маркс (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 760).

Все эти новые явления в совокупности влияют на действие экономических законов капитализма. Изучение их и правильное отношение к ним тем более необходимо, что возникновение новых явлений всегда влечет за собой две опасности в теории: одна — догматическое игнорирование их, другая — ревизионистский нигилизм в отношении достигнутого наукой.

2. СВОЕОБРАЗИЕ ДЕЙСТВИЯ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ КАПИТАЛИЗМА

Обратимся к законам, отражающим основные свойства, существенные явления капитализма, как общественно-экономической формации, а потому действующим на всем историческом пути капитализма. Осуществление этих законов подверглось модификации под влиянием новых обстоятельств.

Марксизмом установлено, что производство прибавочной стоимости образует всеобщую основу капиталистической системы. Прибавочная стоимость, рассматриваемая абстрактно, есть капиталистическое выражение присвоения прибавочного труда, и в этом смысле нет ничего нового в капитализме последней трети XX в. по сравнению, скажем, с серединой XIX в. Но прибавочная стоимость, рассматриваемая конкретно, есть выражение присвоения прибавочного труда определенным способом, а следовательно, определенная форма классовой борьбы. Сегодня новое в том, что действие и осуществление закона прибавочной стоимости происходит при непосредственном участии буржуазного государства, при его прямой эксплуатации рабочего класса. Об этом свидетельствуют эксплуатация рабочих на государственных предприятиях, государственная политика «замораживания» заработной платы, вмешательство государства на стороне монополий в трудовые конфликты, «регулируемая» инфляция, политика цен, налоговая политика и т. д., направленные против интересов рабочего класса и остальных масс трудящихся.

Закон стоимости на различных ступенях капиталистического производства проявляется по-разному. В эпоху свободной конкуренции он модифицируется в закон средней прибыли и цены производства. На моно-

полистической стадии серьезные модификации в действие закона стоимости вносит монопольная прибыль. Марксистская категория монопольной прибыли — качественная и количественная определенность. Количественные размеры монопольной прибыли могут быть самыми различными, они зависят от многих факторов. Но дело не только в величине прибыли, главное в условиях и способах ее получения. Господство государственно-монополистического капитализма налагает отпечаток на условия получения прибыли. Во-первых, не рынок навязывает свои цены, как это происходило при свободном рыночном хозяйстве, когда он диктовал свои цены отдельным производителям, а монополии и непосредственно и при помощи государства стремятся навязать определенные цены рынку. Во-вторых, новое проявление закона стоимости состоит в том, что он выполняет свою функцию распределения совокупного общественного труда не только через цену производства, но и через новые опосредствующие звенья, поскольку капиталистическое государство перераспределяет национальный доход в пользу монополий.

Новое выражение получил также закон конкурентной борьбы. Он проявляется в монополистической конкуренции, пришедшей в основном на смену господствовавшей свободной конкуренции или, как ее называют буржуазные экономисты, «чистой», «совершенной» конкуренции, при которой уровень цен на рынке определяется соотношением спроса и предложения. Монополистическая конкуренция ведет к удушению мелких и средних предпринимателей, не подчиняющихся диктату монополий, к слиянию крупных монополий. Наряду с ценовой существует неценовая конкуренция в борьбе за потребителя (реклама, воздействие самого факта массового выпуска продукции и т. д.). Весьма важным объектом конкурентной борьбы являются выгодные правительственные заказы, особенно благодаря их устойчивости при общих конъюнктурных колебаниях и повторяемости. В странах государственно-монополистического капитализма на рыночное хозяйство воздействует система государственного регулирования и программирования, осуществляемая в интересах монополистического капитала.

Основным движущим мотивом капиталистического

производства является извлечение прибыли. И в этом отношении государственно-монополистический капитализм не отличается от предыдущих ступеней капиталистического способа производства. Однако констатация этого факта не снимает необходимости учесть ряд новых явлений, возникших в современном монополистическом капитализме.

Прежде всего встает вопрос о динамике органического состава капитала.

С одной стороны, действует тенденция к повышению органического состава капитала, поскольку возрастают затраты на научно-технические исследования, происходит ускорение морального износа оборудования и вводится новое.

С другой стороны, оказывает влияние противоположная тенденция к понижению органического состава капитала в результате технических усовершенствований и роста производительности машин и агрегатов, роста удельного веса активной части средств труда за счет снижения вложений в строительно-монтажные работы, а также вследствие экономии сырья, топлива, электроэнергии.

С проблемой динамики органического состава капитала связан вопрос о норме прибыли, т. е. отношении массы прибавочной стоимости к стоимости всего вложенного капитала. К. Маркс установил, что постепенное возрастание постоянного капитала по сравнению с переменным необходимо должно иметь своим результатом постепенное понижение общей нормы прибыли при неизменяющейся норме прибавочной стоимости или при неизменяющейся степени эксплуатации труда капиталом. Но К. Маркс предупреждал, что понижение выступает не в этой абсолютной форме, а скорее как тенденция к понижению, поскольку существуют противодействующие тенденции.

Монополии используют государство со всем его арсеналом регулирования и программирования для противодействия тенденции нормы прибыли к понижению, путем усиления эксплуатации труда, понижения заработной платы ниже стоимости рабочей силы, удешевления элементов постоянного капитала. При помощи государства парализуется возможность снижения массы прибыли даже при понижении нормы прибыли.

Весьма часто предприятия государственного сектора не исходят из принципа получения прибыли. Величина нормы прибыли, которую приносит данный авансированный капитал, не является побудительным критерием, определяющим проникновение капитала в данную отрасль (скорее, наоборот, нерентабельность вызывает огосударствление отрасли). Но рабочие государственных предприятий производят прибавочную стоимость подобно рабочим всех остальных капиталистических предприятий. И эта прибавочная стоимость в значительной части поступает не в фонд государства, а в общий фонд прибылей монополистического капитала. К тому же представление о «бесприбыльности» государственных предприятий в известной степени преувеличено. Так, в Италии частный сектор закончил 1967 г., получив 5,7% прибыли, а государственный сектор, хотя и меньше, но все же — 4,2%.

Предприятия государственного сектора передают полученную ими прибыль в частномонополистический сектор как путем покупки материалов у частных монополий по повышенным ценам, так и путем установления для них льготных тарифов.

Государство предоставляет монополиям финансовые средства, не требуя часто уплаты процентов, осуществляя это определенной налоговой, кредитной и бюджетной политикой.

Усилилось действие закона концентрации и централизации производства и капитала. К. Маркс писал о том, что «постоянная тенденция и закон развития капиталистического способа производства состоит в том, что средства производства все больше и больше отделяются от труда, что распыленные средства производства все больше концентрируются в большие группы...»¹⁰. Развивая это положение, В. И. Ленин в новых исторических условиях установил, что «порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма»¹¹. На ступени государственно-монополистического капитализма этот общий и

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 25, ч. II, стр. 457.

¹¹ В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 27, стр. 315.

основной закон находит свое проявление, во-первых, в слиянии монополий и образовании монополистических империй, во-вторых, в создании и росте государственной собственности на средства производства и, в-третьих, в переплетении частных и государственных монополий.

Государственно-монополистический капитализм внес много нового в необратимый процесс социальной поляризации капиталистического общества. Поляризация происходит не только ускоренными темпами, но — и это главное — создаются новые массовые социальные образования. На полюсе наемного труда сложились как массовые социальные группы интеллигенция, работающая по найму, и служащие. Ныне лица наемного труда — подавляющее большинство населения. Но, разумеется, взаимоотношения между тремя отрядами лиц наемного труда (рабочими, интеллигенцией, служащими) имеют свои особенности.

На полюсе эксплуататорских классов наряду с владельцами корпоративной собственности появились прослойки менеджеров — профессиональных администраторов, чиновничьей и милитаристской верхушки, каждая со своими собственными групповыми интересами, но в целом составляющие господствующую государственно-монополистическую олигархию, враждебную всем остальным классам и социальным слоям.

Все это, как и ряд других законов, отражающих существование современного капитализма, подлежит глубокому изучению на базе всестороннего исследования всей совокупности новых фактов.

3. НОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИМПЕРИАЛИЗМА НА СТУПЕНИ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Нынешняя ступень империализма создала новые закономерности, нуждающиеся в исследовании. Это тем более необходимо, что некоторые из этих закономерностей, зародившиеся еще на стадии домонополистического капитализма, были лишь отмечены К. Марксом в его первоначальном плане исследования (экономическая роль государства, непроизводительный труд, мировой рынок и т. д.). В настоящее время накоплен уже большой фактический материал и, очевидно, наступило

время перехода от описаний к теоретическим обобщениям.

Прежде всего речь идет о новых производственных отношениях, сложившихся в условиях государственно-монополистического капитализма. Государственное вмешательство и усиление обобществления производства в условиях научно-технической революции изменили многие (но не коренные) производственные отношения.

Возникли определенные и очень сложные отношения со своими закономерностями между двумя видами монополистической собственности — частной и государственной, а также между государственными хозяйственными институтами и частномонополистическими объединениями.

Новые отношения сложились между корпорациями и мелкими производителями, потерявшими свою рыночную независимость и превратившимися в экономический придаток крупных фирм. Иное место в процессе производства занимает ныне большая часть людей умственного труда (интеллигенции), превратившихся из лиц свободных профессий в работающих по найму.

Помимо общих экономических законов капитализма, действующих на всем протяжении его существования, существуют экономические законы, характерные для определенных исторических этапов, периодов развития капитализма и прекращающие свое действие на новых этапах, в новых условиях. К. Маркс и В. И. Ленин предъявляли требование конкретности ко всем категориям и законам политической экономии, поскольку все они исторически обусловлены, требовали устанавливать, когда эти законы имеют силу и значение и когда теряют эту силу и значение. Возведение того или иного теоретического положения, верного для своего времени, положения, ограниченного определенными конкретно-историческими условиями, в абсолютную истину противоречит духу марксизма-ленинизма.

Законы, имеющие преходящее значение, порой догматизируются, затвердевают и мешают научному познанию изменяющейся действительности. Когда факты, взятые в их совокупности, опровергают устаревшие положения, последние должны быть пересмотрены. Творческому марксизму нет необходимости искать способы примирения идей с фактами. Он изучает живую жизнь,

учитывает точные совокупные данные, позволяющие проверить действительность того или иного положения, а не продолжает цепляться за формулы вчерашнего дня.

Приведем несколько примеров. В. И. Ленин для определенных условий обосновал положение об отставании земледелия в своем развитии от промышленности. Важно подчеркнуть, что это положение обосновано в работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» на основе тщательного изучения тогдашней действительности, когда, по словам В. И. Ленина, капитализм в земледелии находился в стадии ближе к мануфактурной, чем к крупной машинной индустрии, если сравнить его эволюцию с эволюцией промышленности.

Ныне в индустриально развитых капиталистических странах, занимающихся земледелием, происходит быстрый переход сельского хозяйства из мануфактурной в машинную стадию. В. И. Ленин предвидел этот процесс, отмечая, что машина неуклонно идет вперед, поднимая технику хозяйства, делая его более крупным, более капиталистическим, что идет интенсификация сельского хозяйства, концентрация производства в крупных хозяйствах, экспроприация мелкого землевладения. В. И. Ленин утверждал также возможность обобществления земледельческого производства и на данной ступени его развития.

Тщательное изучение сегодняшней капиталистической действительности показывает, что в некоторых капиталистических странах темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве выше темпов роста в промышленности. В США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Дании и некоторых других странах величина капитала на одного занятого в сельском хозяйстве в настоящее время выше, чем в промышленности. В США с 1930 по 1960 г. доля капитальных затрат в сельское хозяйство увеличилась с 26 до 61%, а доля затрат на рабочую силу сократилась с 66 до 33%; численность сельскохозяйственных рабочих сократилась за тот же период на 43%, а размер обрабатываемых сельскохозяйственных площадей, приходящихся на одного рабочего, возрос на 113%. Иное положение в странах, где сильны феодальные пережитки, как, например, в Италии с ее отсталым югом.

Много сюрпризов преподносит попытка абсолютизировать какое-либо положение, в то время как в наш динамический век обстановка быстро меняется. Так, одно время утверждали, что крупные монополии идут по пути децентрализации управления. И это было верно. Но вот появилась новая техника, давшая возможность получать и обрабатывать информацию в одном центре, и сейчас наблюдается тенденция к централизации управления предприятиями со стороны главных правлений корпораций.

Следует отметить, что к появлению некоторых «ходячих истин» основоположники марксизма-ленинизма не имеют никакого отношения. Так, существует тезис о том, будто монополия в одной отрасли «абсолютно невозможна». Подобный тезис не согласуется, во-первых, с законом концентрации и централизации капитала. Во-вторых, он противоречит диалектике. Дело идет к созданию «абсолютных» монополий в той или иной отрасли. Другой вопрос о противоречивости этого процесса, о том, дойдет ли до этого капитализм в масштабах всей экономики. В-третьих, если присмотреться к тому, что происходит в капиталистических странах, то мы наблюдаем: с одной стороны, создание государственных монополий, охватывающих в ряде случаев целиком отдельные отрасли, а с другой — картельные соглашения монополий целых отраслей, как например, в металлургической промышленности некоторых стран Западной Европы.

При всей взаимосвязанности следует все же различать политико-экономические законы, отражающие производственные отношения капитализма как социально-экономической формации, и положения, отражающие отдельные процессы. Отражение отдельных процессов, частных, детальных экономических отношений — не закон. Законом может быть отражение только тех процессов, которые происходят в самой сущности вещей. Вот почему обобщение частных, детальных процессов, само по себе весьма необходимое, может правильнее было бы назвать эффектом, положением, принципом. Мы имеем в виду те процессы, которые иногда называют технико-экономическими, а иногда конкретно-экономическими законами. Например, анализ дохода в капиталистическом обществе показал, что рост частных инвестиций

(т. е. прирост основного капитала) приводит к умноженному (мультиплицированному) росту дохода на величину большую, чем сам прирост инвестиций. В буржуазной экономической науке это явление получило наименование «мультипликатора» — усиленное влияние инвестиций на доход, причем под мультипликатором понимается численный коэффициент, показывающий, во сколько раз возрастает доход при данном росте инвестиций. Или, например, акселерация, согласно которой происходит ускоряющее воздействие изменений в потреблении (рост продаж) на уровень инвестиций. Все это, очевидно, не законы, а эффекты, принципы: принцип мультипликатора, эффект акселерации.

Примеры можно было бы продолжить, да и каждый из приведенных примеров требует развернутого, всестороннего анализа. Наша задача сводится лишь к тому, чтобы определить отношение к различным экономическим законам.

В связи с дальнейшим изучением и обобщением новых закономерностей встанет, естественно, вопрос и о новых терминах. «В науке, — писал Ф. Энгельс в предисловии к первому тому «Капитала», — каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах»¹².

Ни один закон, ни одна тенденция (а множественность их неизбежна) не действуют изолированно, а перекрещиваются. К тому же несомненно различная роль каждого из экономических законов. При этом экономические законы, взятые в совокупности, находятся между собой не только во взаимодействии, но и в противодействии. Это обязывает устанавливать цепную зависимость, функциональные связи экономических законов, выявлять, какая из борющихся тенденций берет перевес.

Основываясь на ленинском положении, что империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма, учитывая тот несомненный факт, что в условиях государственно-монополистического капитализма сложился новый механизм хозяйствования с присущими ему закономерностями, следует

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 31.

поставить вопрос о системе экономических законов, действующих и осуществляющихся в современном монополистическом капитализме. Много сделано в области изучения действия отдельных законов капитализма на нынешней ступени империализма — государственно-монополистического капитализма. И это дает возможность их синтеза. Тем самым будет сделан следующий шаг в развитии марксистско-ленинской политической экономии, что позволит полнее и убедительнее вскрыть неизбежность революционного крушения капитализма.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЫНКА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ

«Громадное большинство торгово-промышленных предприятий работает теперь не на «вольный рынок», а на казну, на войну».

В. И. Ленин

Наращение внутренних противоречий монополистического капитализма и прогрессирующее падение его роли на мировой арене обусловили широкое вторжение буржуазного государства в экономическую сферу. Если ранее развитый комплекс государственного регулирования экономики существовал лишь в периоды мировых войн в форме специфического военного хозяйства, то на втором и третьем этапах общего кризиса капитализма система государственно-монополистического регулирования стала постоянным явлением, обогатившись рядом новых черт.

Государственно-монополистическое регулирование экономики представляет развитую систему рычагов государственного воздействия на все стороны процесса капиталистического воспроизводства и преследует те же цели, что и государственно-монополистический

капитализм вообще — сохранение капиталистических производственных отношений и обеспечение монопольных сверхприбылей для ведущих группировок финансового капитала.

Государственное регулирование призвано обеспечить дальнейшее развитие производительных сил путем приспособления, модификации капиталистических производственных отношений при сохранении их основ.

В системе государственного регулирования внутренней экономики развитых капиталистических стран можно выделить следующие основные формы: государственное предпринимательство; государственные закупки товаров и услуг; налоговые и кредитные формы регулирования масштабов и структуры частных капиталовложений; кредитные формы регулирования уровня потребительского спроса; программирование экономики.

Государственное предпринимательство, которое является особой формой хозяйствования в пределах самого капиталистического базиса, можно назвать прямой непосредственной формой организации и управления частью общественного производства. В других формах регулирования буржуазное государство выступает по отношению к базису как надстройка. Поэтому подавляющую массу рычагов государственного воздействия на капиталистическую экономику следует отнести к косвенным формам регулирования. Программирование как комплексная форма регулирования сочетает в себе и прямые и косвенные методы воздействия.

Материальной основой регулирования процессов производства, распределения, обмена и потребления является огосударствление во всех его формах — сосредоточение производственных, товарных, бюджетных и валютных ресурсов в руках буржуазных государств. Масштабы государственного регулирования находятся в прямой зависимости от той доли национального богатства, которой распоряжается буржуазное государство.

1. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ ТОВАРОВ И УСЛУГ

Основным рычагом «взбадривания» капиталистической экономики кумир буржуазной мысли Д. Кейнс считал рост государственного потребления во всех его формах. Государственные закупки товаров и услуг, по

его мнению, могут «компенсировать» снижение платежеспособного спроса, раздвинуть его границы, обеспечить «полную» (при 3% безработице) занятость населения и застраховать капитализм от кризисов.

Кейнсианский рецепт антикризисного регулирования с теми или иными коррективами после второй мировой войны взят на вооружение всеми правительствами империалистических государств. Удельный вес государственных расходов в национальном доходе развитых капиталистических стран увеличился с 10—15% в период между двумя мировыми войнами до 30—40% после второй мировой войны. Подавляющую часть государственных расходов составляют закупки товаров и услуг капиталистическим государством. Представление о роли государственных закупок в США дает табл. 11.

Государственный рынок характеризуется рядом отличительных черт, обуславливающих его особую привлекательность для монополистической буржуазии по сравнению с обычным капиталистическим рынком.

Во-первых, это рынок гарантированный, платежеспособность на котором обеспечена бюджетными и валютными фондами правительства. Надежность, устойчивость государственного рынка, относительная независимость его от хозяйственной конъюнктуры, возрастание объема государственных закупок в периоды общего снижения деловой активности в стране — эти свойства государственного рынка высоко расцениваются монополистами. «Государство — хороший клиент, — писал французский еженедельник «Перспектив», — потому что в конечном счете оно платит всегда, даже если делает это медленно»¹.

Во-вторых, государственный рынок является особо прибыльным рынком, где никакой эквивалентности в обмене не существует и покупатель — государство переплачивает на каждой сделке продавцам — монополистическим объединениям.

В-третьих, это рынок известный в отличие от традиционного неизвестного капиталистического рынка. Эта черта государственного рынка наряду с его неэквивалентностью в обмене свидетельствует о дальнейшем

¹ «Perspective», 28 juin 1966.

подрыве товарного хозяйства в условиях государственного-монополистического капитализма.

Размеры государственного потребления или емкость государственного рынка определяются величиной госу-

Таблица 11

**Удельный вес государственных закупок товаров и услуг
в национальном доходе США***

	1929 г.		1946 г.		1965 г.	
	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%
Национальный доход . .	85,9	100	178,7	100	530,7	100
Государственные закупки товаров и услуг . .	8,5	10	27,0	15	135,0	25,4
Из них:						
федеральные закупки в том числе:	1,3	1,7	17,2	9,6	66,7	12,4
военные . .	—	—	14,7	8,2	49,9	9,4
закупки штатов и местных властей .	7,2	8,3	9,8	5,4	68,3	13,0

* Подсчитано по: «Economic Report of the President». Washington, 1966, pp. 316, 358, 371.

дарственных закупок товаров и услуг. Последние производятся из бюджетных средств и государственными предприятиями в сфере материального производства. Поэтому закупки товаров и услуг, зафиксированные в бюджете буржуазного государства, не могут дать полного представления о размерах государственного потребления. Исключение составляют США, где роль государственных промышленных предприятий весьма незначительна.

Характер государственного потребления зависит от целевого назначения государственных закупок. Производительный характер носят закупки сырья, полуфабрикатов, а также элементов основного капитала, которые используются государственными предприятиями сферы материального производства, а также непосредственно самим государством в процессе осуществления програм-

мы капиталовложений. Размеры производительного государственного потребления близки к размерам государственного сектора в сфере материального производства. Рост производительного государственного потребления свидетельствует о возрастании роли буржуазного государства как непосредственной экономической силы.

Известное представление о размерах производительного государственного потребления дают данные о доле государства в валовых капиталовложениях в основной капитал производственной сферы, которая в 1963 г. составила в Англии 46%, в Италии — 43%, в Японии — 43%, в США — 39% и в ФРГ — 31%².

Закупка товаров производственного назначения буржуазным государством производится преимущественно в частном секторе и поэтому представляет для монополий значительный интерес как устойчивый источник обогащения. Однако в преобладающей части государственной рынок обслуживает непроизводительное государственное потребление. Последнее включает в себя: непроизводительное потребление товаров и услуг материального характера; строительство предприятий и учреждений непроизводственной сферы; потребление государственных служащих и других лиц, содержащихся на бюджетные средства.

Обычно, говоря о государственном непроизводительном потреблении, подразумевают первые две статьи централизованных государственных закупок, которые образуют государственный рынок в узком смысле слова. Однако содержание растущего государственного аппарата также является государственным потреблением, которое в отличие от централизованного потребления осуществляется в форме индивидуального потребления, путем закупок товаров и услуг государственными служащими на свободном рынке. Эта часть государственного рынка в широком смысле слова, так же как и централизованные государственные закупки, имеет своим источником бюджетные средства. Фиксированный уровень доходов государственных служащих, независимость его от состояния хозяйственной конъюнктуры придают

² «Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах». М., «Наука», 1967, стр. 28.

спросу лиц, находящихся на службе государства, устойчивый характер, что способствует известной стабилизации индивидуального спроса на капиталистическом рынке.

Быстрый рост непроизводительного государственного потребления объясняется, во-первых, ростом милитаризма во всех его формах, что находит выражение в динамике военных расходов; во-вторых, усилением роли государства в создании благоприятных условий функционирования частного капитала (городское и дорожное строительство); в-третьих, возрастанием расходов на образование и профессиональную подготовку рабочих кадров, что обусловлено научно-техническим прогрессом.

С 1950 по 1965 г. государственные закупки товаров и услуг в целях непроизводительного потребления увеличились в текущих ценах в США и Англии более чем втрое, в Западной Германии — в пять раз, во Франции — более чем в шесть раз. О структуре непроизводительного государственного потребления в США свидетельствуют следующие данные. В 1965 г. на непромышленные предприятия, дорожное, коммунальное и жилищное строительство федеральными и местными властями было израсходовано 27,9 млрд. долл.; на научно-исследовательскую работу — 11,2 млрд. долл.; на образование — 30 млрд. долл.; на социально-культурные нужды — 16 млрд. долл.

В дополнение к расходам на «инфраструктуру», на военные нужды было потрачено 49,9 млрд. долл. Непроизводительное государственное потребление составило около четверти национального дохода США.

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННЫЙ РЫНОК

Милитаризм и империализм — близнецы. Империализм «по экономическим его коренным свойствам, отличается наименьшим миролюбием и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военщины»³. Именно империализм породил мировые войны с их специфическим военным хозяйством. Военное хозяйство есть особый вид капиталистического хозяйства, где весь

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 248.

процесс воспроизводства подчинен потребностям войны. Организацию производства на войну через систему государственных заказов, жесткую регламентацию гражданского производства и потребления, использование всего арсенала государственных рычагов воздействия на процесс капиталистического воспроизводства с целью его приспособления к потребностям ведения войны В. И. Ленин называл военно-государственным монополистическим капитализмом.

Обострение противоречий капитализма в эпоху его общего кризиса, тщетность попыток империалистов задержать нарастающий ход мирового революционного процесса при помощи политических институтов буржуазной демократии обусловили сохранение военного производства и значительных контингентов вооруженных сил и в мирное время. Империалистические государства наращивают военную мощь, чтобы в подходящий момент «освободить» народы стран социализма для капиталистической эксплуатации, остановить оружием революционное движение народов, сбросивших иго колониального угнетения. Военная сила капиталистических государств все шире используется для подавления революционного движения собственных народов.

Милитаризация экономики в послевоенный период стала постоянным явлением в империалистических странах, превратилась в необходимое условие сохранения капиталистических производственных отношений и, следовательно, является органическим моментом процесса капиталистического воспроизводства.

Вместе с тем поддержание военного производства на высоком уровне рассматривается монополистическими кругами как своеобразный стабилизатор процесса воспроизводства, как важнейшее антикризисное средство. Закупки военной продукции служат средством использования незагруженных производственных мощностей и рассасывания постоянной армии безработных.

Понятие государственного рынка более емко и значительно, нежели понятие государственного военного рынка. Между тем смешение этих проблем зачастую можно увидеть на страницах экономической литературы, поскольку значительная, а иногда и подавляющая часть бюджета центрального правительства расходуется на закупку товаров и услуг военного назначения. Вме-

сте с тем за счет бюджетов местных государственных органов производятся преимущественно закупки товаров и услуг гражданского назначения. Во всех капиталистических странах можно увидеть своеобразное разделение политики закупок между центральными и местными государственными органами, при котором закупки военного характера осуществляются преимущественно за счет средств общегосударственного бюджета, а закупки товаров и услуг гражданского назначения — за счет местных бюджетов. Часть государственных закупок производится также предприятиями, принадлежащими государству, которые в основном функционируют независимо от государственного бюджета.

Государственные закупки товаров и услуг военного назначения составляют после второй мировой войны существенную часть государственного рынка (см. табл. 11). В США, на долю которых приходится $\frac{3}{4}$ военных расходов капиталистического мира, закупки военной продукции в послевоенные годы составили 8—12% национального дохода этой страны, т. е. около половины всех государственных закупок. Отмеченные выше характерные особенности государственного рынка с наибольшей четкостью обнаруживают себя именно в закупках продукции военного назначения.

Военный рынок является не только гарантированным, известным рынком, но и привилегированным рынком для узкого круга монополий, специализирующихся в изготовлении военной продукции. В США, например, львиную долю военных заказов — две трети — получают полсотни крупнейших корпораций, составляющих ядро военно-промышленного комплекса. Закупки военной продукции образуют наиболее прибыльный рынок⁴:

	1960 г.	1962 г.	1965 г.
Норма прибыли 500 ведущих промышленных корпораций США	9,1	8,9	11,8
Норма прибыли 15 крупнейших военно-промышленных монополий	11,0	13,1	16,2

⁴ «Fortune» за соответствующие годы.

Эти сами по себе выразительные данные не дают полного представления о масштабах ограбления государственной казны поставщиками смерти, так как организация военных закупок создает исключительно благоприятную атмосферу для укрывания фактических прибылей в издержках военного производства.

Высокая норма прибыли в военном производстве объясняется в основном двумя обстоятельствами. Во-первых, значительная часть военных заказов оформляется в форме секретного приглашения военно-промышленных фирм, а не в результате открытых конкурентных торгов. Во-вторых, преобладающая часть военных контрактов базируется не на твердых ценах, а на ценах, возмещающих издержки производства плюс фиксированное вознаграждение. В подобных условиях цены на военную продукцию регулируются не заказчиком — буржуазным государством, а фактически навязываются ему военно-промышленными концернами.

О размерах переплат при закупках военной продукции свидетельствует хотя бы такой факт. В 1965 г. военное министерство США осуществило ряд мер, усиливающих режим экономии при оформлении военных заказов. В результате некоторого увеличения роли открытых торгов и внедрения так называемых поощрительных контрактов, которые стимулировали сокращение издержек производства, была достигнута экономия в размере 25 центов с каждого доллара новых закупок и общая сумма экономии за год составила свыше 4 млрд. долл. Помимо узаконенных высоких прибылей военно-промышленные монополии США получают ежегодно до 7 млрд. долл. в форме фиктивных издержек производства⁵.

Государственные закупки товаров и услуг военного назначения в зависимости от их роли в системе капиталистического воспроизводства распадаются на две части. Примерно половина общей суммы государственных закупок военного назначения затрачивается на содержание вооруженных сил и оплату персонала военных ве-

⁵ «*Hearings before a Subcommittee on Appropriations House of Representatives*». 89 Congress, First Session, part. 3. Washington, 1965, March, pp. 314—316.

домств, научных, учебных и строительных организаций. Эта часть военных расходов создает дополнительный спрос на предметы потребления со стороны «чистых» потребителей, живущих за счет общества аналогично расходам на содержание государственного аппарата вообще.

Другая часть государственных закупок военного назначения представляет закупки собственно военной продукции, т. е. различных видов вооружения, которые по своей натуральной форме не могут функционировать в качестве средств производства или предметов потребления и поэтому выпадают из процесса материального воспроизводства.

Концентрированный государственный спрос на вооружение и военные материалы создает благоприятные условия для развития авиаракетной промышленности, приборостроения, производства электронной аппаратуры и судостроения, в которых военное производство становится преобладающим. Производство вооружения создает дополнительный спрос на средства производства и предметы потребления, что приводит к общему экономическому оживлению. Однако в конечном счете гонка вооружений ограничивает возможности расширенного воспроизводства и замедляет его темпы. Поглощая значительную часть материальных и трудовых ресурсов общества, военное производство неизбежно ограничивает развитие гражданского производства, которое начинает испытывать нехватку средств для новых инвестиций.

До известного момента общий объем производства может возрастать как за счет военного, так и за счет гражданского производства. Возможность параллельного их роста лимитируется размерами военного производства и экономическим потенциалом страны. Если, например, развитие гражданского производства в США наблюдается, несмотря на изъятие десятой части национального дохода на военные нужды, то для других капиталистических стран с меньшим экономическим потенциалом развитие гражданского производства в аналогичных условиях более затруднительно. По мере увеличения военных расходов, как показал опыт тех же США в годы второй мировой войны, милитаристская формула «и пушки, и масло» терпит крах, и производство пушек начинается осуществляться вместо производства масла.

Развитие системы государственных закупок оказывает противоречивое влияние на капиталистическую экономику. С одной стороны, государственные закупки в определенной степени способствуют стабилизации платежеспособного спроса на рынке, загрузке производственных мощностей, повышенной занятости населения. С другой стороны, неизбежные изменения объема и структуры государственных закупок усиливают элементы анархии и создают новые диспропорции в развитии народного хозяйства.

Ориентируясь на сложившуюся структуру и объем государственных закупок, монополии лихорадочно наращивают производственные мощности в определенных отраслях промышленности, которые оказываются излишними при изменении государственного спроса. Переход от производства традиционных видов вооружения к массовому производству ракетной техники в США привел к серьезному нарушению сложившихся пропорций в промышленности, нанес сильнейший удар по авиационной и моторостроительной отраслям производства и существенно сказался на всем уровне промышленного производства в 1957—1958 гг. Ускорение военно-технического прогресса и быстрое моральное устаревание различных видов вооружения обуславливают резкие изменения в масштабах и структуре государственных закупок, что неизбежно усиливает неустойчивость капиталистического хозяйства.

Именно в этой связи, рассматривая влияние государственных закупок на экономическое развитие развитых капиталистических стран, видный английский экономист А. Мэддисон справедливо отмечает, что «государственное потребление очень часто развивалось в направлении, противоположном тому, которое было в интересах обеспечения экономического роста или стабильности»⁶.

Влияние государственных закупок товаров и услуг вообще и военных закупок, в частности, на емкость ка-

⁶ A. Maddison. *Economic Growth in the West*. N. Y., 1964, p. 115.

питалистического рынка зависит от источников финансирования государственных закупок. Если финансирование государственных закупок производится за счет прямых и косвенных налогов с населения, при помощи которых происходит изъятие той части доходов и прибавочной стоимости, которая в противном случае затрачивалась бы на рынке самими налогоплательщиками, то никакого увеличения емкости рынка не наблюдается. Часть платежеспособного спроса населения в данном случае превращается в платежеспособный спрос государства. Происходит изменение структуры платежеспособного спроса, а не его объема. Преобладающая часть государственного спроса как раз и представляет «перемещенный» спрос.

Увеличение емкости рынка происходит в том случае, если при помощи налоговой системы государством мобилизуется та часть доходов буржуазии и сбережений трудящихся, которая находится в праздном состоянии. В этом случае происходит превращение потенциального, отложенного спроса в спрос активный, а общие размеры платежеспособного спроса возрастают.

Аналогичное явление наблюдается и в том случае, если государственные закупки производятся за счет доходов государственных предприятий. Однако последние во всех высокоразвитых капиталистических странах, за исключением Австрии, весьма незначительны и не могут оказать существенного влияния на общие размеры платежеспособного спроса.

Финансирование государственных закупок путем займов может увеличить объем текущего платежеспособного спроса за счет большего сокращения спроса будущего, ибо с экономической точки зрения, государственные займы — это те же налоги, только взятые заранее. Суммы, взятые займы, покрываются за счет налогов да еще с выплатой процентов. Возвратный характер займов со временем приводит к такому положению, когда выплаты процентов по старым займам начинают превышать доходы, получаемые от выпуска новых займов. Именно такое положение сложилось в настоящее время в США, где превышение выплаченных процентов над приростом государственного долга за период с 1945 по 1966 г. составило 97 млрд. долл. В этих условиях займы утрачивают свое значение как способ финансирования

государственных закупок. Не случайно удельный вес займов в доходных статьях государственных бюджетов развитых капиталистических стран в настоящее время весьма незначителен.

Таким образом, влияние системы государственных закупок товаров и услуг на общие размеры платежеспособного спроса весьма ограничено. Тот прирост емкости рынка, который достигается за счет мобилизации буржуазным государством сбережений трудящихся и праздных капиталов буржуазии, зачастую перекрывается теми переплатами при закупках военной продукции, которые осуществляются в широких масштабах ведущими капиталистическими странами.

Следует отметить также, что дефицитное финансирование государственных закупок, которое практикуется всеми, за редким исключением, капиталистическими странами, является источником инфляционного роста цен, дезорганизации валютной системы, растущей неустойчивости капиталистического хозяйства. Ярким свидетелем тому является валютный кризис 1968 г., приведший к девальвации многих валют и пошатнувший основную валюту капиталистического мира — доллар.

Закупая значительную часть конечного продукта, выступая как крупнейший наниматель рабочей силы, буржуазное государство серьезно воздействует на условия реализации совокупного общественного продукта. При сохранении частнокапиталистической собственности и усилении капиталистической эксплуатации господство рыночных отношений перестает быть всеобщим, стихия рынка переплетается с сознательно осуществляемым государственным регулированием. Значительное расширение работы капиталистических предприятий по государственным заказам существенно ограничивает роль свободного, неизвестного рынка.

Финансирование значительной части новых капиталовложений за счет государственного бюджета создает основу для более плавного хода капиталистического цикла. Вместе с тем увеличение удельного веса государственных предприятий, которые обладают известным «иммунитетом» по отношению к кризисным потрясениям, не может не сказаться на циклическом ходе воспроизводства в целом. В отдельных случаях, как свидетель-

ствуется американский опыт 1958 г., резкое увеличение государственных закупок способно ускорить выход экономики из кризисного состояния.

Система государственных закупок, являясь системой узаконенного казнокрадства, приносит монополиям колоссальные прибыли, способствует концентрации экономической мощи в руках крупнейших финансово-промышленных группировок и, следовательно, ведет к обострению основного противоречия капитализма.

**ЗНАЧЕНИЕ
ЛЕНИНСКОЙ
ТЕОРИИ
ИМПЕРИАЛИЗМА
ДЛЯ КРИТИКИ
СОВРЕМЕННЫХ
БУРЖУАЗНЫХ
И РЕФОРМИСТСКИХ
КОНЦЕПЦИЙ**

КРИТИКА СОВРЕМЕННЫХ АНТИЛЕНИНСКИХ ТЕОРИЙ ИМПЕРИАЛИЗМА

«Буржуазные ученые и публицисты выступают защитниками империализма обыкновенно в несколько прикрытой форме, затушевывая полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности...».

В. И. Ленин

Разоблачение буржуазной идеологии, борьба за чистоту марксистско-ленинской теории является одной из важнейших задач экономической науки.

Современные буржуазные теории империализма направлены против ленинского учения об империализме. Основной задачей буржуазной политической экономии в период государственно-монополистического капитализма является оправдание господства монополий. Апологетика государственно-монополистического капитализма выдвинула целый ряд теорий: «большой бизнес», «олигополия и эффективная конкуренция», «уравновешивающая сила». В этих теориях монополистический капитализм трактуется, как совершенная экономическая система, освободившаяся от коренных противоречий капитализма. Доказательство прогрессивности монополистического

капитализма ведется различными путями. Особое место среди буржуазных теорий, направленных на защиту империализма, занимают теории о «трансформации капитализма». Эти концепции появились под влиянием успехов социалистической системы хозяйства. Буржуазные идеологи вынуждены были заняться маскировкой капитализма под социализм, утверждая, что капитализм трансформируется в народное общество.

1. ТЕОРИЯ «БОЛЬШОГО БИЗНЕСА»

«Американские тресты, — писал В. И. Ленин, — есть высшее выражение экономики империализма или монополистического капитализма»¹. Именно поэтому американские экономисты распространяют иллюзии о прогрессивности политики монополий. Откровенное восхваление монополий, утверждение, что современный капитализм — это крупное производство, обеспечивающее процветание всех слоев общества, «обосновывается» в теории «большого бизнеса».

Одним из первых пропагандистов этой теории был американский экономист Стюарт Чейз. Он в целой серии книг попытался подвести «теоретическую базу» под тезис о благотворительной роли гигантских монополий. В работе «Откуда идут деньги?» Чейз восхваляет монополистические объединения, заявляя, что высокое признание США «достигается стремлением к монополии в бизнесе, сельском хозяйстве и труде»².

Беззащитной защите монополий посвящена и работа Чейза «Демократия под давлением». В этой книге Чейз пытается обосновать мысль о том, что грань между большим и маленьким бизнесом подвижна и относительна. Он определяет монополию «как ситуацию, при которой значительная конкуренция в данной отрасли промышленности не ожидается. Конкуренция всегда ожидается от другой отрасли промышленности или от новых вложений капитала». В связи с этим, как заяв-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 94.

² S. Chase. *Where's the Money Coming From*. N. Y., 1943, p. 43.

ляет он, «практически весь большой бизнес имеет монополистические элементы»³. Чейз утверждает, кстати, совершенно правильно, что для современного капитализма монополия неизбежна. Но объяснение причин неизбежности монополизации, даваемое Чейзом, антинаучно. В. И. Ленин доказал, что монополия возникает на базе объективных процессов концентрации и централизации капитала, и вскрыл те противоречия капиталистической системы, которые углубляются монополией. Чейз стремится уверить, будто монополия исключает всякие противоречия и осуществляет не грабительскую практику выкачивания прибыли, а служит общественным интересам. Для этого он рассматривает исключительно так называемые «легальные монополии». «Определенные отрасли промышленности, — пишет он, — затрагивающие общественные интересы и управляющиеся или регулирующие государство, были объявлены монополиями. Вода, газ, городской транспорт, электроэнергия, радио являются столько же легальными, сколько и технологическими монополиями». Чейз утверждает, что «свободный рынок уничтожен развитием технологии и этот сектор экономики с общего согласия передан обществу, чтобы контролироваться в интересах всего народа»⁴. Таким образом, мысль Чейза сводится к тому, что причина возникновения монополий не экономическая, а технологическая, монополия существует в «общественном секторе» для обеспечения интересов всего народа. Фактически полную монополию он усматривает лишь в государственном секторе. Им проводится тезис о том, будто бизнесмены не извлекают большой прибыли из данных отраслей промышленности, так как эти отрасли служат народу, а не обогащению капиталистов⁵. Относительно остальных отраслей промышленности Чейз требует тех или иных форм государственного регулирования. «Мы не можем иметь высокого национального дохода и полной занятости для обеспечения длительного развития без некоторых форм контроля со стороны правитель-

³ S. Chase. *Democracy Under Pressure*. N. Y., 1945, p. 46.

⁴ *Ibid.*, pp. 58—59.

⁵ *Ibid.*, p. 112.

ства»⁶. Функция этих «форм контроля», как утверждает Чейз, определилась и проверена опытом. Она заключается прежде всего в содействии милитаризации экономики. Лишь военное производство, утверждает он, обеспечивает систематический рост экономики и «социальное сотрудничество» всех классов. «Сегодня... те, кто имеют установившиеся взгляды, могут наглядно видеть представителей правительства, предпринимателей, рабочих и фермеров, связанных вместе в один гигантский организм для производства мощного потока военных запасов...»⁷.

Итак, новые идеи Чейза сводятся к попытке доказать, что:

1) грань между большим и маленьким бизнесом относительна, в связи с чем ошибочно связывать монополии только с большим бизнесом;

2) монополия — всего лишь ситуация, при которой конкуренция проявляется при новых вложениях или осуществляется между различными отраслями промышленности;

3) монополия наиболее полно отвечает общественным интересам, что доказывается существованием «легальных монополий», связанных с общественными нуждами и регулирующихся государством;

4) милитаризация экономики обеспечивает полную занятость и благосостояние общества, так как государственное планирование военного производства исключает получение больших прибылей бизнесменами, а государственные расходы (в любой форме) отражают общественные требования ряда лет, начиная с 30-х годов;

5) необходимо дальнейшее развитие форм государственного контроля, т. е. государственно-монополистического капитализма.

Эта концепция Чейза была в основном использована «теоретиками большого бизнеса» Г. Моултоном и Д. Ли-лиенталем. Однако эти экономисты не рискуют пользоваться дискредитировавшим себя термином «монополия», подменяя его термином «большой бизнес». Защита монополистических объединений идет теперь под

⁶ S. Chase. *Democracy Under Pressure*, p. 140.

⁷ *Ibid.*, p. 113.

флагом «большого бизнеса». Г. Моултон в книге «Контролирующие факторы экономического развития» утверждает, что современное производство требует таких «предприятий большого бизнеса, которые могут управляться крупными корпорациями». Он заявляет, что развитие крупных корпораций «составляет необходимое условие удовлетворения потребностей современного общества»⁸.

Совершенно очевидно, что Моултон вопрос господства монополий подменяет вопросом преимуществ крупного производства. Он фактически отождествляет функции монополий, которые возникли на базе концентрации производства, с теми функциями, которые дает общественное производство на базе концентрации. Развитие крупного производства — прогрессивное явление. Но этот процесс при империализме происходит в условиях капиталистической собственности на средства производства. Естественно, что преимущества крупного производства в условиях государственно-монополистического капитализма используются не в интересах общества, а в целях получения монопольных прибылей. Именно это и пытаются замаскировать теоретики «большого бизнеса». «Большой бизнес» объявляется носителем технического прогресса, фактором ликвидации социальных противоречий. Борьба же против монополий рассматривается как реакционное явление, направленное против преимуществ крупного производства.

Концепция «большого бизнеса» сосредоточила внимание на одной стороне развития капиталистического производства — на процессе обобществления. Более того, сторонники этой концепции утверждают, что при капитализме преимущества крупного производства используются в интересах всего общества. В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» специально остановился на этой проблеме. Он писал: «...Развитие капитализма дошло до того, что, хотя товарное производство по-прежнему «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются «гениям» финансовых

⁸ H. Moulton. *Controlling Factors in Economic Development*. Washington, 1949, pp. 260—261.

проделок. В основе этих проделок и мошенничеств лежит обобществление производства, но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу... спекулянтам»⁹.

Воспевая «большой бизнес», его теоретики утверждают, что он ничего общего не имеет с монополией. Интересно, однако, как же теоретики «большого бизнеса» пытаются доказать, что монополия — это не монополия, а просто крупное производство? Доказательству этого утверждения посвящена книга американского экономиста Д. Лилиенталя «Большой бизнес. Новая эра»¹⁰. Лилиенталь прибегает к излюбленному приему: искажает само понятие монополии. Он заявляет, что монополия имеет место при 100%-ном сосредоточении производства и сбыта в руках одной фирмы и при полном отсутствии конкуренции. Лилиенталь делает вывод, что наличие той или иной формы конкуренции свидетельствует об отсутствии монополий.

Оба признака, выдвинутые Лилиенталем, не характерны для монополии. 100%-ный контроль над производством и сбытом продукции со стороны одной компании — явление редкое. Но этот «стопроцентный охват» не является обязательным признаком монополии.

В действительности монополией является такое капиталистическое объединение, которое сосредоточивает в своих руках контроль над решающей частью производства данной отрасли, что дает возможность диктовать свои условия, устанавливать монопольные цены и получать монопольные прибыли.

В США, например, в основных отраслях промышленности господствуют 3—4 монополии. «Большие тройки» господствуют в алюминиевой промышленности, в выплавке и рафинировании меди, в резиновой промышленности. «Большие четверки» — в производстве авиационных двигателей, телефонно-телеграфного оборудования, в электропромышленности, угольной и нефтяной промышленности и т. д.¹¹. Так, в автомобильной про-

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 322.

¹⁰ D. Lilienthal. *Big Business. A New Era*. N. Y., 1953.

¹¹ См. Л. Б. Альтер. *Буржуазная политическая экономия США*. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 454—455.

мышленности США «Дженерал моторс», «Форд» и «Крайслер» производят 95% всех новых автомобилей, выпускаемых в стране. «Алюминум компани оф Америка», «Рейнольдс» и «Кайзер» контролируют около 90% производства алюминия. «Юнайтед стейтс стил», «Бетлехем» и «Рипаблик» производят почти 60% стали. Фирмы «Анаконда», «Коннекот», «Америкен смелтинг» производят почти всю очищенную медь.

В. Перло в книге «Империя финансовых магнатов» разоблачает попытки апологетов монополий извратить смысл понятия «монополия». Он пишет: «Власть и деятельность «больших двоек» или «больших пятерок» — того же свойства, как и «больших одиночек» (которые действительно существуют в производстве ряда важнейших продуктов). Популярный термин «монополия» является совершенно правильным для обозначения истинного положения вещей»¹².

Абсолютно несостоятельно и второе утверждение Ли-лиенталя о том, что монополия исключает конкуренцию. В. И. Ленин дал полный анализ сущности конкуренции в эпоху империализма. Он показал, что монополии, вырастая из конкуренции, не устраняют ее. С момента возникновения монополии конкуренция не исчезает, а приобретает новый характер, становится еще более ожесточенной и разрушительной. «Перед нами, — писал В. И. Ленин, — уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»¹³.

2. ТЕОРИЯ «ОЛИГОПОЛИИ И ЭФФЕКТИВНОЙ КОНКУРЕНЦИИ»

Основную аргументацию теории «большого бизнеса» в защиту монополий использовали теоретики «олигополии и эффективной конкуренции». По этой теории, современный капитализм не является монополистическим

¹² В. Перло. *Империя финансовых магнатов*. М., ИЛ, 1958, стр. 28—29.

¹³ В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 27, стр. 321.

капитализмом. Монополии отсутствуют, коль нет полного контроля отрасли одной корпорацией. Олигополия — господство нескольких корпораций, новый термин для «большого бизнеса». Видным представителем этой теории является американский профессор Джон Морис Кларк. Он в своей статье «Конкуренция: статическая модель и динамический аспект»¹⁴ утверждает, что олигополия является наиболее рациональным хозяйством. Олигополия сочетает якобы в себе концентрацию производства в немногих предприятиях, но без монополистического гнета. Далее, олигополия, по Кларку, принесла конкуренцию без разрушений или эффективную конкуренцию.

Весьма характерны в этом отношении взгляды декана экономического факультета Корнеджийского института профессора Д. Л. Бэча, изложенные им в книге «Политическая экономия. Введение в теоретический и политический анализ». Книга Бэча рассчитана на подготовку специалистов «высшей квалификации» по проблемам современного капитализма вообще, специфике «американского капитализма» в особенности. Положения, излагаемые в книге, по существу обобщают различные буржуазные «теории», выдвигаемые в целях апологетики «американского образа жизни».

Бэч утверждает, будто в США до «депрессии» 1929—1933 гг. «господствовали условия «свободной конкуренции»¹⁵, т. е. наиболее распространенной, согласно его терминологии, была ситуация «чистой конкуренции». В этом он усматривает причину всех пороков прежней экономической системы США. После 1933 г., по мнению Бэча, обстановка существенно изменилась, так как основное место в промышленности начала занимать «олигополия», обеспечившая «эффективную конкуренцию» со всеми ее благими последствиями.

Следовательно, в теории «олигополии» выделено два основных тезиса: 1) крупное производство с его преимуществами определяет сущность современного капитализма; 2) эффективная конкуренция устранила печаль-

¹⁴ J. M. Clark. *Competition: Static Models and Dynamic Aspects*. «American Economic Review», 1955, May.

¹⁵ G. L. Bach. *Economics*. N. Y., 1957, p. 223.

ные стороны свободной конкуренции, став движущей силой рационального развития капиталистического производства. Первое положение — это вариант теории «большого бизнеса». Но что же такое эффективная конкуренция, которую породила олигополия?

Д. М. Кларк заявляет, что эффективная конкуренция устранила разрушительный характер свободной конкуренции. Кроме того, эффективная конкуренция превратилась в исключительную силу технического и экономического прогресса. Она привела также, по мнению Кларка, к исчезновению мотива прибыли, как фактора конкуренции¹⁶.

Следовательно, эффективная конкуренция — это мирное соревнование корпораций, цель которого — совершенствование производства на базе технического прогресса, а не погоня за монопольными прибылями. Посмотрим, так ли это в действительности.

Прежде всего, лишено основания утверждение о том, что конкуренция олигополий, или нескольких монополий, в нашем понимании, не имеет разрушительных последствий, к которым приводила свободная конкуренция. Конкуренция монополий обладает более разрушительной силой, чем конкуренция мелких и средних предприятий. Это уже борьба не только за реализацию продукции, но и за источники сырья, за сферу приложения капитала, за получение прибыльных заказов. Да и методы борьбы уже иные. Это уже не только снижение цен на свою продукцию. Все чаще применяется бойкот, скупка акций противника, лишение его сырья, рынков сбыта, различные формы шантажа, подкупа и диверсий. Конкуренция монополий ведется в различных направлениях. Это борьба монополий внутри отрасли. Кроме того, ожесточенная борьба идет между монополиями различных отраслей производства. Происходит борьба предпринимателей и внутри монополий¹⁷.

Анализируя особенности монополистической конкуренции, В. Перло подчеркивает, что наиболее распро-

¹⁶ J. M. Clark. *Op. cit.*, p. 452.

¹⁷ Подробно об этом см.: М. Драгилев, Г. Руденко. *Монополистический капитализм*. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 52—74.

страненным методом конкурентной борьбы в послевоенный период является «слияние», т. е. поглощение конкурентов гигантскими монополиями. Если в 20-е годы ведущие монополии поглощали в основном мелкие и средние компании, то начиная с 1952 г. «волна слияний» захватила и ряд крупнейших фирм, особенно банков. Так, в 1955 г. «Чейз нэшнл бэнк» поглотил «Бэнк оф Манхеттен компани», активы которого превышали 1,6 млрд. долл.¹⁸. Описывая современные формы «слияний», Перло справедливо называет их насилием. Он отмечает также, что монополии прибегают и к другим методам подавления противника. Это, например, «система лидерства в установлении цен», «соглашение об исключительной купле-продаже», «неполные слияния» и т. д.¹⁹. Эти факты свидетельствуют о том, что господство монополий, их борьба за монополистические прибыли ничего общего не имеют с той розовой картиной «олигополии и эффективной конкуренции», которую рисуют буржуазные апологеты империализма.

Абсолютно несостоятельно утверждение теоретиков «эффективной конкуренции» о том, что эта конкуренция создает исключительные стимулы для технического прогресса, снижения издержек производства и улучшения качества продукции.

В. И. Ленин, анализируя сущность монополистической конкуренции при империализме, отмечал ее двойственный характер. Он писал, что при империализме концентрация производства приводит к тому, что обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований²⁰. Это дает возможность монополиям в короткие сроки осуществлять разработку технических проблем. А борьба за выколачивание монопольно высоких прибылей подстегивает предпринимателей, вынуждает их совершенствовать производство, внедряя новейшие достижения техники. Однако взбадривающая сила монополистической конкуренции ограничена. Если в период свободной конкуренции предприниматели могли

¹⁸ См. В. Перло. *Империя финансовых магнатов*, стр. 152.

¹⁹ См. там же, гл. VI.

²⁰ В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 27, стр. 397.

получать сверхприбыль только за счет применения технических нововведений, то в период империализма монополии могут извлекать сверхприбыль, используя механизм монопольных цен. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед...»²¹.

В действительности нередки случаи, когда монополии тормозят развитие техники, стремясь скрыть новое изобретение от конкурентов. Этой цели служит политика монополий, направленная на подавление конкурента²². Вот эту-то характерную черту конкурентной борьбы монополий — препятствие техническому прогрессу, — и затушевывают сторонники теории «олигополии и эффективной конкуренции».

Кроме того, не выдерживает критики и утверждение об исчезновении мотива прибыли, заявление о том, что монополии не стремятся выжать максимум прибыли. Американская статистика свидетельствует о том, что прибыли ведущих корпораций США достигают огромных размеров. В 1965 г. прибыли «Форда» составляли 703 млн. долл., «Стандарт ойл» — 1036 млн. долл. В это время оборот 500 промышленных корпораций в США увеличился по сравнению с предыдущим годом на 11,8%, достигнув 298 млрд. долл. Прибыли этих компаний превысили 20 млрд. долл., увеличившись на 16,1%²³. Сторонники теории «олигополии» преследуют и определенные практические цели: они пытаются отвести антитрестовское законодательство от олигополий под предлогом содействия прогрессу и эффективной конкуренции.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 397.

²² См. У. Бердж. Международные картели. М., ИЛ, 1957, стр. 63—66.

²³ «Fortune», 1966, August, p. 17.

Широкую популярность в буржуазном мире приобрела и теория «монополистической конкуренции», направленная на искажение сущности империализма. Основным теоретиком «монополистической конкуренции» является Э. Чемберлин, профессор Гарвардского университета. В современной буржуазной литературе Чемберлин объявляется создателем «новой теории о монополиях и конкуренции». Сам Чемберлин без всяких оснований заявляет, что ему принадлежит приоритет в решении этой проблемы, обходя молчанием ленинское учение об империализме. Он заявляет, что его теория «монополистической конкуренции» ломает стену между конкуренцией (полной и неполной) и монополией, соединяет одну с другой, конструирует теорию, которая вмещает в себя и ту и другую, не нарушая, однако, различия между ними²⁴.

Такое заявление ко многому обязывает. Как же решил проблему совмещения конкуренции и монополии Чемберлин? «Монополия, — пишет он, — обычно означает контроль над сбытом и, следовательно, над ценой. Единственная предпосылка чистой конкуренции состоит в том, что никто не обладает никакой степенью такого контроля»²⁵. Следовательно, у Чемберлина монополия — это контроль над сбытом продукции, а конкуренция существует потому, что такого контроля нет. Далее Чемберлин заявляет, что «когда достигается определенный уровень дифференциации, каждый продавец становится монополистом на свой собственный продукт, но в то же время субъектом конкуренции»²⁶. По Чемберлину, выходит, что монополистом является продавец дифференцированного продукта. К монополистам в данной трактовке могут быть отнесены и мелкие торговцы, если их товар чем-то отличается от такого же вида товара. Для подтверждения этой идеи Чемберлин приводит пример продажи марочных вин. Если монополию Чемберлин

²⁴ E. Chamberlin. *The Theory of Monopolistic Competition*. N. Y., 1949, p. 9.

²⁵ *Ibid.*, p. 7.

²⁶ *Ibid.*, p. 9.

связывает с дифференцированным продуктом, то конкуренцию он выводит из наличия субститутов, заменителей. Он считает, что конкуренция — это борьба продавцов, торгующих взаимозаменяющейся продукцией, или борьба субститутов. Чемберлин пишет, что «дифференциации продуктов способствует возникновение субститутов. Именно поэтому на смену чистой конкуренции приходит монополистическая конкуренция». В данном случае мы имеем дело с обычной вульгарной теорией. Чемберлин, как и другие представители вульгарной политической экономии, рассматривает явление так, как оно представляется на поверхности. Монополизация продажи определенных видов товаров существует, но причина капиталистической монополии не в наличии дифференцированного продукта, а в концентрации производства.

Чемберлин же отвергает решающее условие образования монополии — концентрацию производства, объявляя, что величина предприятия не имеет никакого значения для процесса образования монополий, а монополистическая конкуренция имеет место там, где преобладают мелкие предприятия²⁷. Фактически у Чемберлина действительные картели, тресты, синдикаты и т. д. остаются за пределами монополии. Более того, он заявляет, что «Юнайтед стейтс стил» и «Бетлехем корпорейшн» не являются монополиями, так как продают однородную продукцию. Мелкие же лавочки, продающие товары с различными этикетками, — монополисты, ибо контролируют сбыт дифференцированного продукта. Следовательно, вся теория «монополистической конкуренции» направлена на защиту действительных монополий, отведение от них антитрестовского законодательства. Далее в теории монополистической конкуренции монополия отождествляется со всякими техническими новшествами, с выпуском новых продуктов. Появление новой продукции, по Чемберлину, приводит к монополии. Покушение на монополию Чемберлин рассматривает как наступление на технический прогресс. Это излюбленный прием буржуазных экономистов в защите монополий. Его широко использовали и сторонники теории «олигополии и эффективной конкуренции».

²⁷ E. Chamberlin. *Op. cit.*, p. 219.

Попыткой опровергнуть ленинское учение о господстве монополистического капитала является теория «уравновешивающей силы», выдвинутая известным американским буржуазным экономистом Д. Голбрейсом. Голбрейс особую популярность получил в последнее время в связи с пропагандой «теории конвергенции» и «концепции промышленного общества». Суть «теории уравновешивающей силы» Голбрейса²⁸ состоит в утверждении, что регулирование капиталистической экономики осуществляется «уравновешивающей силой», которая препятствует процессу монополизации. Объясняет Голбрейс это следующим образом. Господствующее положение монополий сводится на нет образованием на противоположном полюсе рынка противодействующей силы в виде союза продавцов и покупателей. Вот что он пишет: «Фактически появились новые ограничения власти частных лиц, заменяющие конкуренцию. Они создавались процессом концентрации, который ослабил или уничтожил конкуренцию. Но они появились с противоположной стороны рынка — не со стороны конкурентов, а со стороны поставщиков и потребителей. Будет целесообразно дать имя этому двойнику конкуренции, и я назову его «уравновешивающая сила»²⁹. Значение «уравновешивающей силы» Голбрейс усматривает не только в том, что она нейтрализует монополию, но и в том, что она заменяет конкуренцию и придает новые закономерности развитию современного капиталистического рынка. Что же в действительности представляет собой изобретенная Голбрейсом «уравновешивающая сила»? Это не что иное, как монополии других отраслей, являющиеся покупателями и продавцами продукции для рассматриваемой отрасли. Так, для монополий сталелитейной промышленности, если использовать терминологию Голбрейса, «уравновешивающей силой» будут монополии горнодобывающей, угольной промышленности и в машиностроении и др., т. е. в отраслях, являющихся

²⁸ J. Golbraith. *American Capitalism. The Concept of Countervailing Power*. Boston, 1952.

²⁹ *Ibid.*, p. 118.

рынком сырья и сбыта. А действие «уравновешивающей силы» — межотраслевая конкуренция монополий.

Под рубрику «уравновешивающей силы» Голбрейс подводит также и профсоюзы. Наличие сильных корпораций, заявляет он, делает необходимым для рабочих создание в порядке защиты своей «уравновешивающей силы» в виде мощных профессиональных союзов. Голбрейс профсоюзы ставит на одну доску с монополиями, т. е. фактически объявляет их монополией. Голбрейс заявляет, что в отличие от других «уравновешивающих сил», многие профсоюзы являются не «уравновешивающей», а монопольной силой и против них следует направить антитрестовские законы. Апологетический смысл теории «уравновешивающей силы» совершенно очевиден. Голбрейс требует защиты действительных монополий, маскируя их термином «уравновешивающая сила», и наступления на рабочие союзы, объявляя их «профсоюзной монополией».

Анализ буржуазных концепций империализма показывает, что методы приукрашивания монополистического капитализма весьма различны. Но все эти концепции объединяет общая черта — стремление скрыть гнет монополий, объявить современный капитализм прогрессивным демократическим обществом. Этой же цели служат и теории «трансформации капитализма».

5. ТЕОРИИ «ТРАНСФОРМАЦИИ КАПИТАЛИЗМА»

В 50-х годах в США появилась теория, содержащая попытку реабилитировать империализм, исказив его сущность. В буржуазном мире заговорили об изменении природы капитализма, его трансформации. Сторонники этого направления заявляют, что капитализм сегодня перестал быть эксплуататорским строем. То, что писали К. Маркс и В. И. Ленин о капитализме, правильно только по отношению к прошлому. Сейчас капитализм — это якобы общество, развивающееся в интересах всех его членов.

Успехи социалистических стран, с одной стороны, обострение противоречий капиталистической системы, с другой стороны, вынуждают буржуазных идеологов пересматривать свои старые теоретические догмы. Рань-

ше защита капитализма покоилась на тезисе о его неизменности, вечности частной собственности. Уже на первом этапе общего кризиса капитализма буржуазные теоретики отказались от тезиса неизменности капитализма. Вечность капитализма стала доказываться тем, что капитализм стал регулируемым.

Сейчас под мощным влиянием успехов социалистической системы и этого оказалось уже недостаточно. Буржуазные теоретики заговорили о том, что капитализм трансформируется, совершенствуется, а частная собственность якобы перестала играть серьезную роль.

Защита империализма ведется в двух направлениях.

1. Одни сторонники трансформации капитализма твердят о том, что капиталистическая собственность стала общенародной, что она является источником доходов всех слоев населения. Теорию, названную теорией «народного капитализма», пропагандируют американцы: Кузнец, Сличтер, Бэч. Основная идея теории «народного капитализма» — собственность принадлежит почти всему народу и обеспечивает райскую жизнь.

2. Второе направление ставит целью доказать, что в условиях современного капитализма частная собственность не имеет якобы никакого значения. Экономическая и политическая власть определяется не собственностью, а управлением. Сильны те, кто управляет производством и государством. Эта теория известна под названием «неокапитализма». Она сейчас считается наиболее модной теорией. Сторонниками этой концепции являются американские экономисты Берли, Аллен. Общей исходной установкой теории «народного капитализма» и «неокапитализма» служит вымышленный тезис о распыленности собственности. Это распыление одни буржуазные экономисты называют диффузией собственности, другие — демократизацией капитала. Однако из этой посылки делаются совершенно противоположные выводы.

Сторонники «народного капитализма» из диффузии собственности делают вывод о том, что частная собственность обеспечивает прибыль большинству членов общества. «Неокапиталисты» из той же выдуманной диффузии делают совсем иной вывод: «распыленный» частный капитал утратил возможность распоряжаться прибылью. Они заявляют, что в современном капита-

лизме власть не связана с собственностью и их лозунг — власть без собственности³⁰.

Суть теории «народного капитализма» состояла в создании иллюзии у американских рабочих о том, что, покупая единичные акции, рабочий становится капиталистом. С. Кузнец, например, заявляет, что рассредоточение собственности привело к выравниванию доходов различных слоев. Это выравнивание доходов он назвал «революцией в доходах». Кузнец считает, что теперь никакой разницы между капиталистом и рабочим нет. И тот и другой — получатели доходов. Объявив всех доходополучателями, Кузнец пытается путем различных статистических расчетов доказать, что доходы капиталистов падают, а доходы рабочих растут. Кузнец для своих выводов взял налоговые отчеты, которые представляют в департамент торговли США все лица, получающие денежный доход. Но эти отчеты не отражают действительного уровня прибылей капиталистов, так как громадная часть прибыли укрывается от налогов. Одним из способов укрытия прибыли от налогов является создание различных благотворительных фондов, которые, как правило, освобождаются от налогообложения. В 1936 г. был создан фонд Форда (фонд пожертвования на культурные нужды). В 1947 г. после смерти Генри Форда по завещанию большинство акций было передано в фонд. В результате этой махинации на руках семьи Форда осталось лишь 5% акций, о дивидендах с которых сообщается в отчете. То, что доходы капиталистов полностью не отражаются в налоговых отчетах, признают сами буржуазные экономисты. Официальный статистик С. Голдсмит заявляет, что от налогообложения ежегодно скрывают 63% ссудного процента, 55% — ренты, 29% — предпринимательского дохода, 24% — дивидендов и 5% — заработной платы и жалований. Анализ действительных доходов капиталистов показывает их рост, а не падение. И выравнивания доходов нет. Если в 20-х годах прибыли капиталистов превышали доход трудящихся в национальном доходе США на 9,2%, то сейчас этот разрыв не сократился, а увеличился почти до 20%.

³⁰ A. Berle. *The 20-th Century Capitalisme Revolution*. N. Y., 1954, p. 30.

Теория «народного капитализма» абсолютно несостоятельна. Приобретение мелких акций отдельной частью трудящихся ничего не меняет в отношении между трудом и капиталом. Источником прибыли по-прежнему остается эксплуатация трудящихся. Для рабочего же продажа рабочей силы — единственное средство существования. Кроме того, дивиденд для рабочего — не капиталистическая прибыль, а часть своего собственного труда, возвращенная капиталистом. Лозунг общности капиталистов и рабочих пропагандируется только для затуманивания классового сознания рабочих. Абсурдность идеи маленького капиталиста очевидна. Смешно величать капиталистом рабочего, который вложил свои жалкие доллары в миллиардное предприятие «Стандарт ойл» и получает 20 долл. годового дохода, оставляя в распоряжении капиталистов сотни миллионов прибыли.

Теория «народного капитализма» не только теоретически несостоятельна, она ничего общего не имеет с американской действительностью. По данным Ассоциации по исследованию проблем труда, 95% населения страны не являются обладателями никаких акций. Остальные 5% акционеров — это в основном крупные капиталисты. Доля рабочих акций совершенно мизерна. Например, на 20 тыс. акционеров из числа рабочих и служащих «Стандарт ойл» приходится всего 1% капитала. Однако несмотря на несостоятельность теории «народного капитализма», она была воспринята буржуазными экономистами и в Европе. Более того, она была подхвачена французским правительством. В 1962 г. во Франции был издан декрет «О создании заинтересованности трудящихся в делах предприятий». Особую активность в проведении идеи «ассоциации труда и капитала» проявила администрация алюминиевого треста «Южин». Поскольку рабочие не хотели покупать акции, администрация начала их распределять бесплатно — по одной-две. Затем политика подкупа рабочих пошла через продажу акций. Рабочие этого треста стали обладателями 62% всех акций. Капиталисты с продажей акций связывают большие классовые надежды. Дело в том, что льготная продажа акций сопровождается обязательным подписанием контракта между профсоюзом и администрацией данного предприятия о недопустимости в будущем требования повышения заработной платы. С помощью теории

«народного капитализма» буржуазные идеологи стремятся одурачить рабочих.

Второй вариант теории «трансформации капитализма» — теория неокapитализма. Родиной неокapитализма являются также США. Сторонники этой теории, опираясь на ложный тезис диффузии собственности, утверждают об исчезновении господства частной собственности. Так, один из теоретиков неокapитализма А. Берли в работе «Власть без собственности»³¹ говорит о том, что капиталистическая собственность самоликвидировалась: система частной собственности заменена ныне системой власти. Экономическая власть отрывается от ее основы — капиталистической собственности и ставится в зависимость от управления производством. Новый капитализм — это общество, где все решает вопрос, кто управляет производством. Сторонники этой теории говорят о том, что произошла управленческая революция. Концепция неокapитализма находится в противоречии с выводами теории «народного капитализма». Если проповедники «народного капитализма» рисовали перспективу превращения каждого американца в «маленького капиталиста», то сторонники «теории неокapитализма» считают, что в новых условиях фигура капиталиста исчезла, поскольку нет капиталистической собственности. Несостоятельность обеих теорий вытекает прежде всего из порочности исходного тезиса о распылении собственности, о диффузии капитала. В действительности развитие частнокапиталистической собственности ничего общего не имеет с тезисом о диффузии капитала.

Вопреки утверждению сторонников «неокapитализма» об исчезновении крупной индивидуально-капиталистической собственности, она существует. Так, во Франции ряд финансовых групп до настоящего времени сохраняет семейный характер. Это прежде всего финансовые группы Ротшильдов, Буссака, Пежо, Мишленов и др. Но дело не только в том, что ныне существует крупная фамильная собственность. Даже если акционерная форма капитала полностью господствует, то это не свидетельство диффузии капитала. Следует отметить тот факт, что круг акционеров-капиталистов почти не рас-

³¹ A. Berle. *Power without Property*. N.-Y., 1959.

ширятся. В США, да и в других капиталистических странах, доля лиц, владеющих акционерным капиталом, составляет в среднем 15% населения. С ростом же вложений каждого крупного акционера повышается и степень централизации капиталистической собственности в частных руках. Несостоятельным является и другой тезис теории некапитализма о том, что экономическая власть перешла от самоликвидировавшихся собственников к управляющим, что менеджеры сосредоточили в своих руках всю власть. Этот тезис построен на чисто поверхностном описании действительности. Управляющие являются исполнителями воли крупных собственников. Действительная власть принадлежит крупнейшим магнатам. Рокфеллеры, Морганы, Ротшильды и т. д. — вот те лица, кто определяет политику своих государств³².

В условиях современного капитализма верхушка управленческого аппарата монополий срослась с финансовой олигархией и фактически превратилась в ее составную часть. Директора и управляющие получают не только огромные суммы в виде жалования, они являются крупными владельцами акций, по которым получают значительную часть капиталистических прибылей.

* *
*

Рассмотренные здесь теории свидетельствуют о том, что буржуазные экономисты прилагают максимум усилий, чтобы реабилитировать современный капитализм, исказить действительную природу империализма, замаскировать его монополистический характер. Буржуазные идеологи стремятся убедить трудящиеся массы в том, что капитализм переродился, а работа В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» осталась всего лишь достоянием истории. Но весь ход развития современного капитализма вновь и вновь подтверждает научную обоснованность, дальновидность и жизненность ленинского анализа.

³² Подробно об этом см.: С. Меньшиков. *Миллионеры и менеджеры. Современная структура финансовой олигархии США*. М., «Мысль», 1965.

**ЛЕНИНСКАЯ КРИТИКА РЕФОРМИСТСКИХ
КОНЦЕПЦИЙ ИМПЕРИАЛИЗМА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ НАШИХ ДНЕЙ**

«Империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделить привилегированные разряды и отколоть их от широкой массы пролетариата».

В. И. Ленин

Труд В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» сыграл и продолжает играть совершенно исключительную роль в идейных боях современности. Развитая в книге теория империализма точно определила характер эпохи, на новом этапе исторического развития обосновала неизбежность крушения капитализма и колониализма, объективную возможность и необходимость социалистической революции, обреченность оппортунизма и реформизма. Работа В. И. Ленина открыла человечеству социалистическую перспективу, дав ей строго научное обоснование. Поэтому идейная борьба по вопросам, поставленным и решенным В. И. Лениным, продолжается полвека. Появляются все новые и новые опровергатели ленинской теории империализма, стремящиеся доказать ее несостоятельность, зачеркнуть ее прогнозы.

Особенно много усердия проявляют реформисты — правые социалисты и социал-демократы, которые упорно распространяют легенду, будто ленинская теория империализма устарела, не имеет отношения к современному капитализму и не объясняет новых явлений в его развитии. Все пороки капиталистической системы списываются за счет «раннего капитализма» (XVIII—XIX вв.), трактуются как грехи его бурной молодости. Утверждается, что капитализм с конца XIX в. стал совершенно другим. Чаше эта дата передвигается на 1930 г. (А. Крослэнд) и перевоплощение капитализма связывается с «новым курсом Рузвельта», событиями «кейнсианской революции» (1936 г.) в экономической науке (Д. Джей), победой «народного фронта» в предвоенной Франции и социальной политикой Леона Блюма (А. Филип), регулированием военного хозяйства во многих странах (1939—1945 гг.), с национализацией некоторых отраслей промышленности в послевоенный период, с реформами лейбористского правительства в Англии (1945—1951 гг.), социал-демократического эксперимента «скандинавского социализма», с развитием «индикативного планирования» (во Франции и других странах), появлением «хозяйственной демократии» в ФРГ (Г. Дейст) в виде «участия рабочих в управлении» предприятиями, с частичным повышением реальной заработной платы в ряде индустриально развитых стран. Ленинской теории империализма противопоставляется тезис о том, что эксплуатация стала исключением, практикуется лишь старомодными предпринимателями Э. Арндт), является проблемой распределения (Г. Вейссер), которая может решаться рабочими и предпринимателями на любовной основе. Прибыль и процент представляются правомерными, как плата за инициативу и воздержание (Д. Джей). Прокламируется исчезновение экономических законов капитализма, и заработная плата ставится в зависимость от экономических факторов лишь на 20% (Р. Моссе). Капиталисты наделяются добродетелью податливости, когда речь идет о повышении зарплат рабочих (А. Филип).

Больше того, декларируется исчезновение буржуазной

собственности, которая якобы становится «ничейной территорией», поскольку мелкие акционеры не являются на собраниях и корпорациями управляют наемные приказчики. Лживый миф буржуазных экономистов об «управленческой революции» взят реформистами на вооружение. Эти образованные приказчики якобы свободны от стремления к наживе, руководствуются лишь интересами престижа и общественными мотивами (К. Чернец). Исчезает сам капитализм, и Г. Дейст находит в ФРГ лишь «крупное хозяйство» и «крупное предпринимательство» вместо капиталистов — «работодателей» и вместо пролетариев — «работополучателей». Исчезновение рабочего класса аргументируется тем, что на улицах Брюсселя трудно по одежде и походке отличить рабочего от буржуа (Жанне), а на Лазурном берегу Франции можно встретить и парижского пролетария (А. Филип). Фискальные методы признаются вполне достаточными для устранения неравенства в распределении доходов (П. Рамадье), реализации программы «скандинавского социализма» и фабианского реформизма. Лозунг национализации средств производства отвергается и допускается лишь как воспитательная мера в отношении капиталистов, причем в исключительных случаях (Х. Гэйтскелл). Поскольку капитализм существует, задача усматривается в том, чтобы улучшить его функционирование. Английские лейбористы собираются управлять этой системой лучше консерваторов. Величайшие надежды возлагаются на технический прогресс, который будто бы снимает социальные противоречия капитализма (Ф. Штернберг). Ленинскому тезису о загнивании капитализма противопоставляются идеи «второй промышленной революции» (К. Шмидт) и даже третьей.

Современные реформисты не отрицают факта концентрации производства (Г. Дейст), но проявляют явную непоследовательность и вслед за этим начинают петь дифирамбы мелкому производству, кивают на появление новых видов ремесла, доступность ему электричества, машин и т. д. Стыдливо признается и существование монополий, однако они маскируются под «крупное производство», им выдается аттестат на прогрессивность. Слышны лишь жалобы на излишнюю концентрацию экономической власти, к чему буржуазная собственность якобы не имеет отношения. Отрицается ленинское уче-

ние о финансовом капитале и новой роли банков, поскольку теперь широкое распространение получило самофинансирование корпораций, которое изображается даже как антикапиталистическое явление и связывается с ущемлением прав акционеров (Д. Джей). Декларируя исчезновение империализма, реформисты отождествляют его с политическим господством над колониями (Д. Стрэчи), игнорируют экономический колониализм и его связь с экспансией монополий. Зато с тем большим усердием пускаются в поиски «советского империализма», подпевая генералам НАТО.

Традиционный экспорт капитала в слаборазвитые страны маскируется под экономическую «помощь». Борьба за «третий мир» и спасение его от мнимых происков «мирового коммунизма» выдвигается на первый план как генеральная задача (Ф. Штернберг). Капиталисты призывают к жертвам — экспорту капитала без получения процентов (Г. Молле). Предусматривается и строительство промышленных предприятий, но лишь технически отсталых (А. Филип). Возрождаются каутскианские идеи ультраимпериализма, широко афишируются добродетели «Общего рынка», пропагандируется план создания Соединенных Штатов Европы.

Современный капитализм освобождается от периодических кризисов и даже спадов производства, поскольку действует государственный механизм его регулирования, созданный по кейнсианским рецептам. Ленинская теория империализма обвиняется в игнорировании роли демократии, ее способности исправить недостатки капитализма и реформировать его (Д. Стрэчи).

Все эти домыслы выдаются реформистами за некое откровение, а отмечаемые ими новые явления в экономике современного капитализма — за сенсацию, опровергающую идеи и прогнозы В. И. Ленина. Во втором томе своей «Истории Интернационала» Ю. Браунталь доказывает, будто Ленин ошибся в своих прогнозах о неизбежности мировой социалистической революции, деятельность Коминтерна оказалась бесплодной и беспочвенной. На самом деле за истекшие полвека новейшая история подтвердила правильность ленинской теории империализма и оправдала ее предсказания.

Фальшивый тезис об устарелости ленинской теории империализма не выдерживает критики, сопоставления с фактами.

В. И. Ленин блестяще доказал в своей книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» необычайное усиление с конца XIX в процессов концентрации капитала и производства, монополизации его и раскрыл беспочвенность «мещански-реакционной критики капиталистического империализма», мечтающей о возвращении назад, к свободной, мирной, честной конкуренции.

Процессы концентрации производства и капитала за истекшие полвека получили столь огромный размах, что отрицать их просто невозможно. Однако некоторые современные реформисты вслед за признанием ускорения темпов концентрации говорят о живучести мелкого производства, его неустраимости, банкротстве марксистско-ленинских предсказаний относительно поляризации классов. Фактически реформисты отдают дань своим мелкобуржуазным чаяниям и иллюзиям, покидая почву научного анализа, экономической теории. Сохранение пережиточных форм мелкого производства и возникновение новых вовсе не опровергает ленинского анализа процессов концентрации. Сами реформисты часто жалуются на концентрацию экономической власти, а экономическую базу для этого и создает увеличение масштабов предприятия, фирмы, корпорации, рост монополизации производства и хозяйственной мощи монополий. Ссылка на живучесть мелкого производства ничего не доказывает, поскольку его удельный вес все больше уменьшается, экономические позиции ослабляются, функции сужаются, причем даже в сельском хозяйстве. Чтобы в условиях «Общего рынка» могли выжить мелкие фермы Западной Германии, им приходится объединяться на акционерных началах. Разорение мелких ферм в США приняло катастрофические масштабы. Банкротство «старого ремесла» в сфере промышленности вынуждены признать и реформисты. Спасение ремесла они видят в том, что ремонт предметов длительного пользования (автомашин, телевизоров, радиоприемников, велосипедов, мотоциклов, мебели и т. д.) дал работу многим са-

мостоятельным мастерам. Но неизвестно, не овладеют ли крупные фирмы со временем и этой сферой? Кроме того, ошибочно утверждение, будто К. Маркс или В. И. Ленин предсказывали абсолютное исчезновение мелкого производства в масштабе всего капиталистического мира. Взаимоотношения пролетариата с мелкими производителями они всегда считали одной из важнейших проблем пролетарской революции. Следовательно, классики марксизма-ленинизма исходили из того, что крушение капитализма произойдет раньше стопроцентной унификации экономических форм, полного исчезновения мелкого производства. В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин писал о новой стадии борьбы крупного производства с мелким в эпоху империализма.

События последнего пятидесятилетия свидетельствуют о том, что процесс дальнейшей монополизации капиталистического производства прогрессировал все быстрее и сейчас зашел очень далеко. Степень монополизации теперь несравненно выше, чем в годы первой мировой войны. Полное господство монополий, предсказанное В. И. Лениным, стало фактом. Сами реформисты не отрицают этого и в своих программных документах толкуют о желательности возрождения свободной конкуренции. Годесбергская программа западногерманских социал-демократов выдвигает лозунг «конкуренция — насколько возможно!». Фактически это означает признание общего господства монополий, правильности ленинских положений.

Одним из важнейших элементов ленинской теории империализма является тезис о прогрессе обобществления производства на основе процессов его концентрации, мощного развития производительных сил. В. И. Ленин показал, что развитие производительных сил уже не укладывалось в рамки изолированных предприятий отдельных капиталистов и стали создаваться акционерные компании, а затем монополистические корпорации. Ассоциированный капитал раздвигал эти рамки, порождая все более крупные предприятия, мощные фирмы. В. И. Ленин предсказывал дальнейшее развитие процесса обобществления производства уже в условиях монополистического капитализма, и это предсказание оказалось пророческим. Принудительное синдицирование

промышленности, широко практиковавшееся в Германии 30-х годов (в ходе борьбы с кризисом и депрессией, в процессе подготовки войны), в годы второй мировой войны оказалось необходимостью и в других странах. После войны стала неизбежной национализация ряда отраслей промышленности в Англии, Франции, Австрии, Италии и других странах. Капиталистическое обобществление производства сильно продвинулось вперед. Реформисты гордятся этим, не замечая, что признают тем самым правильность ленинских прогнозов. Это относится и к рассуждениям реформистов о том, что строительство мощных электростанций, освоение атомной энергии, модернизация транспорта и угольной промышленности выходят за рамки возможностей частных корпораций, требуют государственных инвестиций.

Реформисты вслед за буржуазными экономистами большие надежды возлагают на «государственный интервенционизм» в экономике, ее регулирование и «индикативное планирование» как абсолютно новые явления, которые якобы не были замечены марксистами. В действительности же это явление было отмечено В. И. Лениным и проанализировано им в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», где констатировалось, что в рамках своей сферы отдельные монополии могут предвидеть и планировать производство. Однако это планирование оказывается относительным, ограниченным, так как сохраняется конкуренция аутсайдеров, борьба между самими монополиями, стихия мирового рынка. В. И. Ленин обратил внимание на проявление государственно-монополистического капитализма в годы первой мировой войны (особенно в Германии), а позднее неоднократно возвращался к этой теме. Но В. И. Ленин доказал, что в условиях диктатуры монополий госкапитализм обслуживает их и вовсе не ведет к «трансформации капитализма» (как уверяют реформисты). Только после победы пролетарской революции госкапитализм может быть использован для борьбы с хозяйственной разрухой, обуздания мелкобуржуазной стихии, укрепления экономических позиций социализма.

Современные реформисты много говорят об «управленческой революции», имея в виду разрыв между капиталом — собственностью и капиталом — функцией. Этот разрыв был отмечен и проанализирован В. И. Ле-

ниним. В. И. Ленин указывал, что «капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного, или/производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров»¹. Реформистские разглагольствования об «управленческой революции» являются лишь превратным истолкованием этих фактов.

В. И. Ленин констатировал образование финансовой олигархии, появление «чудовищных форм» ее господства, отмечая, что ей достаточно 40% акционерного капитала для контроля над акционерной компанией. Но с тех пор процесс развивался дальше, и теперь реформисты признают, что для господства часто достаточно всего лишь 12% акций. Ленинская теория империализма вновь находит подтверждение в экономике современного капитализма. Ссылки на самофинансирование корпораций, которое используется для сокрытия прибылей от налогов и вовсе не исключает диктатуры финансовой олигархии, банков, держательских компаний, не спасают положения.

Реформисты идеализируют экспорт капитала, но В. И. Ленин доказал связь этого явления с господством монополий, когда «типичным стал вывоз капитала», стимулируемый погоней за прибылью. Он писал: «Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны»². В. И. Ленин высмеивал «государственных» социалистов, ссылаясь на заявление буржуазных экономистов в журнале «Economist» о том, что монополии в Германии никогда не ставили задачу

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 356—357.

² Там же, стр. 360.

приносить выгоду потребителям, а довольствовались оздоровлением частной промышленности за государственный счет.

История показала, как прав был В. И. Ленин, акцентировавший внимание на эксплуататорской роли экспорта капитала, связи этого явления с экономической экспансией монополий, агрессивней колониализма, новейшего империализма. Целые сотни лет господствовал английский капитал в экономике колониальной Индии, которая к 1947 г. оказалась все-таки экономически отсталой, так как ее индустриализация встречала непреодолимые преграды, порожденные колониализмом. Только после завоевания политической независимости Индия смогла ускорить развитие своей промышленности. Потребовалась ликвидация политического колониализма и в других странах Азии, Африки, Латинской Америки. Но сохранился экономический колониализм, неразрывно связанный с экспортом капитала и торговой эксплуатацией аграрных стран империалистическими державами. США стали главным оплотом такого колониализма — модернизированного, более гибкого, цепкого. Сейчас реформисты выдают экспорт капитала за бескорыстную «помощь» странам «третьего мира», уповая на то, что подобная «помощь» поможет империалистам сокрушить «мировой коммунизм». С такого рода рекомендациями выступали Ф. Штернберг, А. Филип, Ги Молле и др.

Реформисты отрицают связь нового капитализма со старым. В. И. Ленин убедительно показал, что «империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще»³. Современный капитализм вполне подтверждает тезис В. И. Ленина о сохранении основных черт капиталистического способа производства и на монополистической стадии, в условиях государственно-монополистической системы. Масштабы мировой торговли стремительно растут. Закон стоимости продолжает действовать. Монополия буржуазии на средства производства остается нерушимой. Частичная национализация отдельных отраслей промышленности не изменяет положения, тем более, что сопро-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 385.

вождается щедрым выкупом. Частный капитал всего лишь перемещается в другие отрасли производства. Буржуазное государство в этом случае своими мерами лишь усиливает миграцию капитала. Пресловутая «диффузия собственности» не сделала рабочих капиталистами, оставаясь фикцией. Национализированные предприятия становятся коллективным достоянием буржуазии и используются для стабилизации капитализма, укрепления экономических позиций монополий (путем снабжения их дешевым топливом, сырьем, транспортом, электроэнергией). Погоня за прибылью остается единственной целью капиталистических предприятий, которая достигается, как и в XIX в., прежде всего за счет эксплуатации наемного труда. Экспроприированные рабочие по-прежнему вынуждены продавать свою рабочую силу, трудиться для обогащения капиталистов. Сохраняется и капиталистическая конкуренция наряду с монопольным диктатом. Конкуренция становится более разбойной и грабительской, расширяет свои масштабы и усложняет формы, поскольку в ней участвуют гигантские корпорации, обладающие огромными экономическими ресурсами и часто политической властью. Борьба монополий выходит за национальные рамки и переносится на арену мирового рынка, приобретая глобальный характер.

Большое значение для критики современного реформизма имеет ленинский анализ буржуазного паразитизма и загнивания капитализма.

В. И. Ленин указывал, что в вопросах трактовки паразитизма Гильфердинг сделал шаг назад по сравнению с Гобсоном. «Самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия», а она, как и всякая монополия, «порождает неизбежно стремление к застою и загниванию», система монопольных цен убивает в известной мере стимулы технического прогресса. Поскольку же «империализм есть громадное скопление в немногих странах денежного капитала», то наблюдается «необычайный рост класса или, вернее, слоя рантье», живущих стрижкой купонов и «совершенно отделенных от участия в каком бы то ни было предприятии». Так праздность становится профессией, а вывоз капитала «еще более усиливает эту полнейшую оторванность от производства слоя рантье, налагает отпечаток парази-

тизма на всю страну, живущую эксплуатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний». В Англии — наиболее «торговой стране» — доходы рантье в 5 раз превышают доходы от торговли. Как писал В. И. Ленин, «мир разделился на горстку государств-ростовщиков и гигантское большинство государств-должников»⁴.

Определяя историческое место империализма. В. И. Ленин указывал, что монополистический капитализм обострил все противоречия, породил дороговизну гнет карателей, олигархию и «стремление к господству вместо стремлений к свободе», эксплуатацию все большего числа малых или слабых наций, возникновение государств — рантье. Все это дает основания трактовать империализм «как паразитический или загнивающий капитализм». В. И. Ленин в своей работе вовсе не игнорировал новых явлений и считал возможным говорить о «новом капитализме». Но в отличие от реформистов, он трактовал этот капитализм как новый этап в развитии всех противоречий капиталистической системы, созревании предпосылок социалистической революции. Новый капитализм квалифицировался как загнивающий, как канун пролетарской революции, период уродливых форм буржуазного паразитизма, предельного обострения классовых противоречий. В. И. Ленин оказался прав. За истекшие полвека монополистический капитализм породил экономическую разруху в 1917—1923 гг., потрясающие кризисы 1920—1921 и 1929—1933 гг., ужасы фашистской диктатуры, кошмары второй мировой войны, бедствия послевоенной разрухи, грязные войны империалистов в Алжире, Конго, Вьетнаме. Капитализм потерпел крушение в России, Венгрии, Польше, Чехословакии и многих других странах. Крах колониальных империй говорит о том, что В. И. Ленин был прав в анализе и прогнозах. Знамя социализма развивается теперь над Кубой, социалистические идеи становятся все более популярны в Азии, Африке, Латинской Америке. Образовалась мировая социалистическая система, крепнет коммунистическое движение, и буржуазии приходится идти на уступки рабочему классу.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 398.

Экономически капитализм давно созрел для крушения в мировом масштабе. Он встречает лишь политические затруднения, созданные идеологической агрессией буржуазии, в том числе с участием реформистов. Именно они спасли немецкий капитализм в 1918, 1923, 1932, 1945 гг. Английские правые лейбористы держат уже в четвертый раз экзамен на наилучшее управление делами буржуазии, большим бизнесом. Подъем капиталистического производства после 1945 г. не устранил кризисов, особенно в США. Смягчение кризисов достигалось за счет налогоплательщиков (субсидирование, инвестирование), потребителей (стабилизация монопольных цен), рабочих (неполная рабочая неделя, скрытая безработица), разрушения производительных сил (недоиспользование мощностей), национального разорения (демпинга). Кризисы удастся загнать вглубь, но очень дорогой ценой. Все это говорит о реакционности современного капитализма, его экономической несостоятельности, антинародности. Подъему производства в индустриальных странах сейчас помогает грандиозный процесс индустриализации, охватившей весь мир, включая и тропическую Африку. Возникает острый спрос на машины. Однако это явление диалектики истории, а не «деформации циклов» или «оздоровления капитализма». Идеи и прогнозы В. И. Ленина не опровергаются развитием экономики капитализма в послевоенный период.

3. ПРЕЕМСТВЕННАЯ СВЯЗЬ «СТАРОГО» И «НОВОГО» РЕФОРМИЗМА

В. И. Ленин подверг сокрушительной критике реформистскую трактовку империализма в работах К. Каутского, отождествлявшего империализм с политикой подчинения аграрных стран, предпочитаемой финансовым капиталом. На самом деле борьба шла и за индустриальные страны (например, Эльзас—Лотарингию). Каутский делал шаг назад по сравнению с социал-либералом Д. Гобсоном, давал определение «не только неверное и не марксистское», а «отрывал политику империализма от его экономики». В результате выходило, что «монополии в экономике совместимы с немонополистическим, нена-

сильственным, незахватным образом действий в политике», а территориальный раздел мира «совместим с неимпериалистической политикой». Итогом оказывался «буржуазный реформизм вместо марксизма», поскольку борьба с политикой трестов и банков «сводится к буржуазному реформизму и пацифизму, к добреньким и невинным благопожелателям», обнаруживается стремление «отговориться от существующих противоречий, забыть самые важные из них, вместо вскрытия всей глубины противоречий».

Ленинская критика каутскианской трактовки империализма бьет и по позиции современных реформистов. Вслед за Каутским современные реформисты сводят проблему империализма к трениям во взаимоотношениях индустриальных стран с аграрными. Экспансия монополий оставляется в тени, их борьба за экономический и политический передел мира игнорируется, агрессия империалистических держав возводится в ранг добродетели под предлогом «священной войны» с коммунизмом. Североамериканский империализм ведет одну грязную войну за другой, США стали мировым жандармом, но их империалистическая политика неизменно пользуется поддержкой английских лейбористов, лидеров СДПГ, правых социалистов в ряде стран. Противоречию между Севером и Югом придают более важное значение, чем между Западом и Востоком. Эту демагогию реформистов, стремящихся подменить мировой антагонизм между социализмом и капитализмом противоречием между индустриальными и аграрными странами, теперь подхватили маоисты, гордящиеся своим мнимым радикализмом, а фактически идущие на поводу у реформизма. Между тем степень индустриализации вовсе не является критерием для классификации государств на империалистические и антиимпериалистические. Помимо капиталистической с 1917 г. оказалась исторической реальностью социалистическая индустриализация, как показал пример Советского Союза и других стран социализма. Понятно, что отождествлять последствия той и другой нелепо, для этого нет даже малейших оснований. Конечно, капиталистическая индустриализация Англии, Германии и США создала материальную базу для их колониальной экспансии. Но это нельзя распространять на социалистические страны.

Иначе сами государства «третьего мира» пришлось бы объявлять империалистическими по мере их индустриализации.

В. И. Ленин подверг сокрушительной критике иллюзии Каутского относительно реальности в недалеком будущем ультраимпериализма. Но разве реформисты не распространяют аналогичные иллюзии, славословя по адресу «европейской интеграции», превознося добродетели «Общего рынка», создавая «европейский парламент», возрождая идею Соединенных Штатов Европы и отводя США доминирующую роль не только в европейских, но и в мировых делах? Совпадение оказывается явным даже при малейшем сопоставлении. Современные реформисты буквально повторяют основные положения каутскианской теории ультраимпериализма, трактуя проблемы «европейской интеграции», прописывая ее народам Западной Европы как панацею от всех экономических бед и социальных зол. Призывая всех под сень НАТО, реформисты аттестуют этот агрессивный блок как чисто оборонительный, призванный всего лишь оградить западный мир, его цивилизацию от мнимой угрозы со стороны социалистических стран. Найден уже и мощный носитель ультраимпериализма в лице США, долларовая империя которых расхваливается как главная опора мира и демократии в XX в.

Ленинская критика каутскианства разоблачает несостоятельность иллюзий и современных нам реформистов. Подлинная интеграция и не только Европы возможна лишь на социалистической основе. Об этом свидетельствуют и итоги работы СЭВ как содружества социалистических стран, перед которым открываются все более широкие и надежные перспективы. Войнствующий национализм маоистов не вытекает из интересов народного Китая, наносит ущерб делу строительства социализма, обречен на исчезновение как эфемерное явление. Прочность социалистической интеграции проистекает из того, что она способна быть универсальной и территориально неограниченной, включая и аграрные, первоначально экономически отсталые страны. Капиталистическая же интеграция может быть только односторонней, территориально ограниченной. Она неизбежно превращается в замкнутую империалистическую группировку, о чем забывают современные реформисты. Так произошло и с

«Общим рынком», который превратился в объединение только шести стран Западной Европы, стал недоступным даже империалистической Англии, не говоря уже о более мелких странах.

Правда, «Общий рынок» существует уже десять лет. Но это доказывает только то, что индустриальные страны современного капитализма уже созрели для социализма, их производительные силы не укладываются в рамки даже национальных монополий, требуют обобществления, интернационального контроля. Однако в условиях капитализма возможны лишь ограниченные формы интеграции. Происходит некоторая интернационализация производительных сил, ослабляются национальные барьеры расширения рынка, облегчается дальнейшее развитие мирового капиталистического хозяйства. Но вопреки разглагольствованиям реформистов интеграция вовсе не означает устранения противоречия между производительными силами и капиталистическими монополиями, отнюдь не влечет «трансформации капитализма», исчезновения империалистических противоречий. Они сохраняются внутри самой «шестерки» объединившихся стран, что сказывается в острой борьбе их на протяжении всего десятилетия. Поскольку продолжает действовать открытый В. И. Лениным закон неравномерности развития капиталистических стран и усиления ее в эпоху империализма, такая борьба неизбежна и в дальнейшем. Она может привести к развалу «Общего рынка», как и НАТО. До сих пор временная интеграция на капиталистической основе достигалась ущемлением интересов отдельных стран «Общего рынка», подавлением роста производства в ряде отраслей промышленности и экономических районов, разорением мелкого крестьянства. Вряд ли народные массы будут и дальше мириться с такими жертвами «европейского единства». Кроме того, «Общему рынку» шести стран угрожают претензии монополий Западной Германии на промышленную гегемонию. Экономическая агрессия «долларовой империи» все больше расширяется, захватывая и Западную Европу. Колосс североамериканского империализма может нарушить своим вторжением «европейскую интеграцию», создать с помощью экспорта капитала, демпинга, валютных махинаций и т. д. неустойчивое состояние «Общего рынка», который мыслится «европеистами» как противовес эко-

номическому давлению США. Не исключается и «экспорт кризисов перепроизводства» с американского континента. Потрясения 1929 г. могут повториться, Западная Европа не застрахована от них, несмотря на все заверения кейнсианцев. Периодические спады производства характерны и для нее в послевоенный период «кейнсианской революции», а США пережили несколько настоящих кризисов.

Современные реформисты ищут демократию в странах империализма, диктатуры монополий и уверяют, что демократия корректирует империализм, даже нейтрализует его. Переметнувшийся на позиции лейборизма Джон Стрэчи в своей книге «Современный капитализм» обвиняет Ленина в недооценке политической и социальной роли демократии как противовеса империализму. Но ведь в полемике с Каутским В. И. Ленин разоблачил иллюзии такого рода, квалифицировал их как «мещанский реформизм». История доказала, что В. И. Ленин был прав. В империалистическом разбое 1914—1918 гг. участвовали не только русский царь и немецкий кайзер. Роль «западных демократий», олицетворяемых Антантой, была зловещей. В 1917 г. даже «революционная демократия», о которой шумели меньшевики и эсеры, не смогла преодолеть империалистической политики Временного правительства, предотвратить корниловщины. Буржуазная демократия Веймарской республики не предотвратила пришествия Гитлера, фашистской агрессии. Сейчас агрессивная политика НАТО маскируется (как и в свое время агрессия Антанты) под защиту «западной демократии». Этой маской пользуется Пентагон даже в джунглях Азии и Африки. Противостоять империализму может только пролетарская демократия, социалистическая революция, устранившая диктатуру буржуазии.

4. В. И. ЛЕНИН ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОРНЯХ РЕФОРМИЗМА

Ленинская критика реформизма сохраняет свое значение еще и потому, что она обнажает его социальные корни, экономические предпосылки. Так, В. И. Ленин разоблачил «связь империализма с оппортунизмом», отмечая, что монопольно-высокие прибыли дают возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, особенно

в Англии. Поэтому борьба с империализмом без борьбы с оппортунизмом есть «пустая и лживая фраза». Поскольку же «государство раньше есть государство паразитического, загнивающего капитализма», то это обстоятельство отражается на положении стран, экспортирующих капитал, и даже на борьбе двух основных течений в рабочем движении. Дело в том, что «империализм, означая раздел мира и эксплуатацию не одного только Китая, означая монопольно-высокие прибыли для горстки богатейших стран, создает экономическую возможность подкупа верхних прослоек пролетариата и тем питает, оформливает, укрепляет оппортунизм»⁵. Империализм проявляет тенденцию и среди рабочих выделить привилегированные разряды и отколоть их от широкой массы пролетариата. Если в Англии усиливался оппортунизм, то это объяснялось тем, что в ее истории черты империализма обнаружились еще с половины XIX в. (колониальные владения, монополия на всемирном рынке). Однако, заявлял В. И. Ленин, оппортунизм «не может теперь оказаться полным победителем в рабочем движении одной из стран на длинный ряд десятилетий», так как он «окончательно созрел, перезрел и сгнил в ряде стран, вполне слившись с буржуазной политикой, как социал-шовинизм»⁶.

Конечно, крушение колониальных империй под ударами пролетарских революций и национально-освободительных движений после 1917 г. внесло некоторые изменения в этот процесс. Стал невозможным военный и фискальный грабеж колоний, отпали некоторые формы эксплуатации «третьего мира» после краха политического колониализма. Тем самым несколько сократилась и социальная база реформизма. Колониальные чиновники получили отставку, проблемы национального престижа отпали, фразеология о «цивилизаторской миссии» империалистов потеряла всякий смысл. Модной стала антикоммунистическая истерия. Казалось бы, исчезла связь между колониализмом и современным реформизмом, а ленинская критика его потеряла значение. Но не следует забывать, что сохранился экономический коло-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 402.

⁶ Там же, стр. 406.

низм, продолжается торговая и финансовая эксплуатация империалистическими державами народов «третьего мира». Система неэквивалентного обмена продолжает действовать, и монополии США из одной лишь Латинской Америки выкачивают миллиарды долларов. Идет разграбление сырьевых ресурсов. Ближневосточная нефть по дешевке присваивается монополиями Англии, США и других стран. Нефть Сахары выкачивается в страны «Общего рынка». Капиталы США, Англии, Франции, ФРГ, Голландии, Бельгии, Швеции и т. д. настойчиво, как и раньше, проникают в экономику прежних колоний, принося финансовой олигархии и промышленным магнатам высокие прибыли. Все это дает империалистам, как и во времена В. И. Ленина, экономические возможности для подкармливания администраторов, инженеров, техников, аппарата идеологической агрессии, преданных коммивояжеров и приказчиков, части служащих, даже некоторых прослоек квалифицированных рабочих, замкнувшихся в узкопрофессиональных интересах. Так называемая «рабочая аристократия», о которой писал В. И. Ленин, не исчезла, а скорее окрепла. Многие перепадает и реформистским функционерам, профсоюзным оппортунистам, кооперативным деятелям, муниципальным чиновникам, а тем более членам наблюдательных советов или «рабочим директорам». Формы «социального подкупа» стали еще более разнообразны и значительны, чем в первой четверти XX в. Это объясняется не только увеличением финансовых ресурсов капиталистических монополий. Главная причина состоит в неустойчивости положения капиталистической системы, обострении ее противоречий, развитии общего кризиса капитализма после Октябрьской революции 1917 г.

Введение	5
1. Вместо предисловия	5
2. Некоторые методологические и общие вопросы теории имперализма	8

Раздел I

ГОСПОДСТВО МОНОПОЛИЙ И ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ В СВЕТЕ ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ИМПЕРИАЛИЗМА

Глава 1. Новые явления процесса концентрации производства	23
1. Явление деконцентрации производства на уровне предприятий	25
2. Дальнейший процесс концентрации производства в целом	35
3. Диверсификация производства	37
Глава 2. Современные процессы монополизации капиталистического хозяйства	43
1. Рост монополизации капиталистической экономики в целом	44
2. Особенности монополистического капитализма в различных странах	52
3. Монополистический капитал в условиях борьбы двух систем и современной научно-технической революции	55
Глава 3. Новая роль банков при империализме и современные проблемы кредита	63
1 Новые явления в кредитной системе	63
2 Накопление капитала и кредитная система	66
3 Государство и банки	73
4. Роль кредитно-денежной политики государства	76
Глава 4. Источники монопольной прибыли	81
1. Перераспределение как источник монопольной сверхприбыли	82
2. Монополизация избыточной прибавочной стоимости	89

Раздел II

В. И. ЛЕНИН О МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ ИМПЕРИАЛИЗМА И МЕЖИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Глава 5. Особенности экспорта капитала в современных условиях	97
1. Общая характеристика новых тенденций в вывозе капитала	98

2. Особенности вывоза частного капитала в экономически слаборазвитые страны	102
3. Государственный экспорт капитала в развивающиеся страны	110
4. Возрастание вывоза капитала в развитые капиталистические страны	116
5. Причины и последствия миграции капитала между развитыми капиталистическими странами	120
Глава 6. Влияние вывоза капитала на экономику страны-экспортера (на примере США)	131
1. Вывоз капитала и «избыточный» капитал	132
2. Вывоз капитала и внешняя торговля	134
3. Влияние вывоза капитала на национальный доход, занятость и платежный баланс	140
Глава 7. Экономический раздел мира и процесс империалистической интеграции	147
1. Новые черты экономического раздела мира	147
2. Процесс интеграции в Западной Европе	149
3. Роль государства в империалистической интеграции	153
4. «Общий рынок» и американский капитал	155
5. «Общий рынок» и монополистический капитал Великобритании	158
Глава 8. Проявление закона неравномерности экономического и политического развития капитализма в современную эпоху	161
1. Этапы изменения в соотношении сил США и Западной Европы	161
2. Причины нивелировки экономического развития США и Западной Европы	168
3. Неравномерность экономического развития в странах «Общего рынка»	174
4. Экономические противоречия в странах ЕЭС и проблемы расширения связей со странами социалистического лагеря	179
Глава 9. Крах колониальной системы и неоколониализм	185
1. Причины возникновения и сущность неоколониализма	186
2. Формы неоколониализма	191
3. Коллективный колониализм и межимпериалистические противоречия	199

Раздел III

УЧЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА О ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМ КАПИТАЛИЗМЕ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Глава 10. Модификация действия экономических законов капиталистического общества в условиях государственно-монополистического капитализма	207
--	------------

1. Факторы модификации общих законов капитализма и закономерностей империализма	207
2. Своеобразие действия основных законов капитализма	215
3. Новые закономерности империализма на ступени государственно-монополистического капитализма	219
Глава 11. Роль государственного рынка в капиталистическом воспроизводстве	225
1. Государственные закупки товаров и услуг	226
2. Государственный военный рынок	230
3. Влияние государственных закупок на капиталистическое хозяйство	235

Раздел IV

ЗНАЧЕНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ИМПЕРИАЛИЗМА ДЛЯ КРИТИКИ СОВРЕМЕННЫХ БУРЖУАЗНЫХ И РЕФОРМИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Глава 12. Критика современных антиленинских теорий империализма	241
1. Теория «большого бизнеса»	242
2. Теория «олигополии и эффективной конкуренции»	247
3. Теория «монополистической конкуренции»	252
4. Теория «уравновешивающей силы»	254
5. Теории «трансформации капитализма»	255
Глава 13. Ленинская критика реформистских концепций империализма и ее значение для наших дней	261
1. Современные «критики» ленинской теории империализма	262
2. Несостоятельность реформистских концепций империализма	265
3. Преемственная связь «старого» и «нового» реформизма	272
4. В. И. Ленин об экономических корнях реформизма	276

**Ленинский анализ империализма
и современный капитализм**

Тематический план 1969 г. № 57

Редактор *Рубе В. А.*

Художник *Клейнард И. С.*

Технический редактор *Рябкина Н. А.*

Корректоры *Стерина Н. П.,*

Петкевич М. М.

Сдано в набор 25/XI 1968 г.

Подписано к печати 28/V 1969 г.

Л-24393

Формат 84×108/32

Бумага типогр. № 1

Физ. печ. л. 8,875 Усл. печ. л. 14,91

Уч.-изд. л. 14,32 Изд. № 849

Зак. 211 Тираж 5600 экз.

Цена 1 р. 15 к.

Издательство

Московского университета

Москва, Ленинские горы,

Административный корпус.

Типография Изд-ва МГУ.

Москва, Ленинские горы

ЛЕНИНСКИЙ АНАЛИЗ ИМПЕРИАЛИЗМА И СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ